

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ЧИТИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВЕСТНИК

ЧИТИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА № 10 (77)

CHITA STATE UNIVERSITY JOURNAL

Чита 2011

Основан
в 1995 г.

Учредитель:
Читинский государственный университет

Журнал зарегистрирован как СМИ
29.11.2005, регистрационный номер
ПИ № ФС 13 – 2010

Журнал участвует в Российском индексе
научного цитирования (РИНЦ)

Периодичность издания: 12 номеров в год

Научные направления журнала, рекомендо-
ванные ВАК РФ для публикации результатов
исследований на соискание ученой степени
кандидата и доктора наук:

- 08.00.00 – Экономические науки;
- 09.00.00 – Философские науки;
- 10.00.00 – Филологические науки;
- 12.00.00 – Юридические науки;
- 13.00.00 – Педагогические науки;
- 17.00.00 – Искусствоведение;
- 19.00.00 – Психологические науки;
- 23.00.00 – Политология;
- 24.00.00 – Культурология;
- 25.00.00 – Науки о Земле

Подписку на журнал «Вестник ЧитГУ»
можно оформить в любом почтовом отде-
лении. Подписной индекс по федеральному
почтовому Объединенному каталогу Пресса
России и интернет-каталогу «Российская
периодика»
www.argk.org: 82102.

Подписка осуществляется и через редак-
цию. Также журнал можно
приобрести в розницу. Цена 250 руб.

Тел.: +7 (3022) 41-67-18
E-mail: rik-romanova-chita@mail.ru
Web: www.journal.chitgu.ru

Все материалы, опубликованные в научном
журнале «Вестник ЧитГУ», являются авто-
рскими и защищены авторскими правами.
Перевод материалов и их переиздание в
любой форме, включая электронную, воз-
можны только с письменного разрешения
Редакционной коллегии.

Вопросы, касающиеся использования
материалов журнала, направляйте главному
редактору по электронной почте либо по
почтовому адресу: 672039, г. Чита, ул. Алек-
сандро-Заводская, 30, редакция журнала
«Вестник ЧитГУ»

Мнение редакции не всегда совпадает с
мнением авторов.
Качество иллюстраций соответствует качес-
тву представленных оригиналов

ISSN 1999-9976
ISSN (on-line) 2071-7938

Вестник ЧитГУ теоретический и научно-практический журнал

Редакционная коллегия

- Резник Ю.Н.** – гл. редактор, д-р техн. наук, профессор, ректор ЧитГУ;
Малышев Е.А. – зам. гл. редактора, канд. техн. наук, доцент, проректор по научной и инновационной работе ЧитГУ;
Романова Н.П. – научный редактор, д-р социол. наук, доцент;
Шалавина А.А. – литературный редактор;
Витовская М.А. – технический редактор.

Редакционный совет

Председатель редакционного совета: Ю.Н. Резник, д-р техн. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, ректор Читинского государственного университета.

Члены редакционного совета: Н.А. Абрамова, д-р филос. наук, профессор (Чита), С.Я. Березин, д-р техн. наук, профессор (Чита), И.В. Бычков, д-р техн. наук, профессор (Иркутск), Е.Т. Воронов, д-р техн. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (Чита), И.П. Глазырина, д-р эконом. наук, профессор (Чита), С.А. Иванов, канд. техн. наук, профессор (Чита), Н.Б. Иметин, канд. техн. наук, профессор (Чита), К.И. Карасев, д-р техн. наук, профессор (Чита), Е.А. Кудряшов, д-р техн. наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ (Курск), В.И. Летунов, канд. техн. наук, профессор (Чита), Л.М. Любимова, канд. филол. наук, доцент (Чита), А.В. Макаров, д-р юрид. наук, доцент (Чита), В.Н. Опарин, д-р физ.-мат. наук, профессор, член-корр. РАН (Новосибирск), И.И. Осинский, д-р филос. наук, профессор (Улан-Удэ), Ю.В. Павленко, д-р геол.-минер. наук, профессор (Чита), А.Б. Птицын, д-р техн. наук, профессор (Чита), Н.П. Романова, д-р социол. наук, доцент (Чита), Г.В. Секисов, д-р техн. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, член-корр. Национальной Академии наук Киргизии (Хабаровск), Н.Я. Смольников, д-р техн. наук, профессор (Волгоград), В.А. Стетюха, д-р техн. наук, доцент (Чита), И.Ф. Суворов, д-р техн. наук, профессор (Чита), М.Л. Титаренко, д-р филос. наук, профессор, академик РАН (Москва), М.Н. Фомина, д-р филос. наук, профессор (Чита), И.И. Швецова, канд. физ.-мат. наук, доцент (Чита), К.Г. Эрдынеева, д-р пед. наук, профессор (Чита).

Ответственный за выпуск Н.П. Романова, д-р социол. наук, доцент.

Утверждено и рекомендовано к изданию решением редакционно-издательского совета ЧитГУ.

Вестник Читинского государственного университета
(Вестник ЧитГУ) № 10 (77). – Чита: ЧитГУ, 2011. – 140 с.
Chita State University Journal. № 10 (77). – Chita St. Univ. Pr. 2011.

Экономические науки

УДК 338.22.01

Буров Виталий Юрьевич
Vitaliy Burov

Кислощаев Павел Андреевич
Pavel Kisloshchaev

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КАТЕГОРИИ «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ»

THEORETICAL PROBLEMS OF RESEARCH OF A CATEGORY «ECONOMIC SAFETY»

Рассмотрены теоретические проблемы исследования категории «экономическая безопасность». Определена категория экономической безопасности через *устойчивость, интересы, независимость* и синтетический подход

Ключевые слова: национальная безопасность, экономическая безопасность, подход, категория, угроза, интересы

In article theoretical problems of research of a category «economic safety» are considered. The category of economic safety through «*stability, interests, independence*» and the synthetic approach is defined

Key words: national safety, economic safety, the approach, category, threat, interests

В современной науке экономическая безопасность рассматривается как составная часть национальной безопасности государства [5]. Категория «национальная безопасность» шире категории «экономическая безопасность»: она включает оборонную, информационную, экологическую, энергетическую безопасность и т.д. [14]. Исследуя различные аспекты безопасности, следует выделить основные условия, выдвигающие на первый план теоретическую проблему исследования категории «экономическая безопасность»:

- различия в национальных интересах;
- ограниченность ресурсов государства;
- рост конкуренции в производстве и сбыте товаров, повышение конкурентоспособности одних стран, рассматриваемое

другими как реальная угроза национальным интересам.

При исследовании категории «экономическая безопасность» возникает необходимость исследования содержания ряда общих понятий, в частности, *опасность, безопасность, развитие, устойчивость, критерий, индикатор, пороговое значение и угроза*. Деятельность по обеспечению безопасности государства возникает в ходе разрешения противоречия между объективной реальностью, которой является опасность, потребностью социума предотвратить ее, локализовать, устранить последствия опасности.

С момента своего появления человеческая цивилизация живет в окружении постоянных угроз, исходящих извне и существующих внутри его. Они исходят из различных источников опасности. Опас-

ность может быть представлена как объективно существующая возможность негативного воздействия на социальный организм, в результате которого ему может быть причинен какой-либо ущерб, вред, ухудшающий его состояние, придающий его развитию нежелательные динамику или параметры (характер, темпы, формы и т.д.). Опасность становится объектом деятельности по обеспечению государства. К факторам, несущим в себе опасность, относят:

- естественно-природные;
- технические;
- социально-экономические.

Безопасность – это результат экономической деятельности по обеспечению существования и возможного прогрессивного развития граждан и государства в целом. Она имеет множественную определенность. В одном случае безопасность предполагает возможность предотвращать ущербы и потери, в других – характеризует степень защищенности жизненно важных интересов общества, в-третьих – поддерживает устойчивый уровень развития экономики, направленный на обеспечение безопасности, в том числе и экономической.

Для лучшего понимания сущности категории «экономическая безопасность» важно уяснить её связь с понятиями *развитие* и *устойчивость*. Развитие – необратимый процесс, направленный на изменение материальных и духовных объектов с целью их усовершенствования. Изменение материи и сознания, их универсальное свойство, всеобщий принцип объяснения истории природы, общества и познания. Развитие является одним из компонентов экономической безопасности. Если экономика не развивается, то сокращаются возможности её выживания, а также сопротивляемость и приспособляемость к внутренним и внешним угрозам. Устойчивость и безопасность – важнейшие характеристики экономики как единой системы. Их не стоит противопоставлять, из них каждая по-своему характеризует состояние экономики. Устойчивость экономики характеризует прочность и надежность её элементов, вертикальных, горизонтальных

и других связей внутри системы, способность выдерживать внутренние и внешние «нагрузки».

Важную роль в рамках исследования категории «экономическая безопасность» в экономической науке играет установление основных критериев и индикаторов экономической безопасности.

Под критерием экономической безопасности понимается оценка состояния экономики с точки зрения обеспечения экономической безопасности, а именно, оценка:

- ресурсного потенциала и возможностей его развития;
- уровня эффективности использования факторов производства (труда, капитала, природных ресурсов);
- конкурентоспособности экономики;
- целостности экономического пространства;
- экономического суверенитета, независимости;
- социальной стабильности.

В систему индикаторов экономической безопасности (ИЭБ) включают уровень и качество жизни, темпы инфляции, норму безработицы, экономический рост, государственный долг, встроенность в мировую экономику, состояние золотовалютных резервов, деятельность теневой экономики, состояние экологии.

Для трактовки экономической безопасности важно выделить такие понятия, как пороговые значения и угрозы. Пороговые значения характеризуют предельные значения индикаторов, игнорирование которых препятствует нормальному развитию экономики, социальной сферы и приводит к формированию разрушительных тенденций в области производства и уровня жизни населения. Превышение пороговых значений ведет к формированию угроз, которые тормозят развитие экономики, так как угроза – это совокупность условий и факторов, создающая опасность интересам граждан, общества и государства, а также национальным ценностям и национальному образу жизни.

Перечисленное позволяет определить основные компоненты, необходимые для

определения категории «экономическая безопасность»:

- определение главных целей экономического развития России и системы национальных интересов;
- поддержание государственного суверенитета;
- международное положение России и ее место в мировой экономике;
- экономический суверенитет, территориальная целостность государства.

Множественность компонентов усложняет вопрос о сущности и содержании категории «экономическая безопасность». Этим обстоятельством можно объяснить тот факт, что даже в таком основополагающем документе, как «Государственная стратегия экономической безопасности Российской Федерации», отсутствует ее определение.

По мнению В.К. Сенчагова: «Актуальность исследования проблем экономической безопасности состоит в том, что провозглашение перехода к рыночной экономике не сняло практических вопросов обеспечения устойчивости российской экономики и общества, безопасности их жизнедеятельности, которые зависят от множества факторов возможного нарушения. Последние имеют источники возникновения как внутри страны, так и за рубежом. Они оказывают значительное влияние на процессы, происходящие в России» [13]. Именно это в начале 90-х гг. XX в. подтолкнуло ряд российских ученых к разработке нового направления экономической науки – теории экономической безопасности.

В настоящее время не существует единого универсального определения категории «экономическая безопасность» и ее структуры. Первым из отечественных ученых, кто ввел проблему экономической безопасности в современную экономическую науку, является академик Л.И. Абалкин. Он определил это явление как «...совокупность условий и факторов, обеспечивающих независимость национальной экономики, ее стабильность и устойчивость, способность к постоянному обновлению и самосовершенствованию» [1]. Близким к этому является определение, данное в тот же период

группой ученых: «это способность экономики обеспечить эффективное удовлетворение общественных потребностей на национальном и международном уровнях» [2]. Позднее в институте экономики РАН появились более сложные и многосторонние исследования (под руководством профессора В.К. Сенчагова) теоретических проблем категории экономической безопасности, из которых следовало, что обеспечение экономической безопасности требует создания специальных механизмов: экономических, правовых и организационных. Это должно стать одной из функций социального управления как на макро-, так и на микроуровне [12].

Анализ существующих трактовок определения категории «экономическая безопасность» различными учеными позволил свести их в несколько групп.

Авторы первой группы (Л. Абалкин [1], В. Медведев [9] и др.) формулируют категорию экономической безопасности как совокупность условий, защищающих хозяйство страны от всякого рода угроз и обеспечивающих устойчивое бескризисное развитие экономики.

Авторы второй группы (А. Пороховский [10], В. Сенчагов [11], А. Татаркин [15] и др.) связывают экономическую безопасность с таким состоянием экономики страны, которое позволяет защищать ее жизненно важные интересы.

Авторы третьей группы (А. Архипов, А. Городецкий, Б. Михайлов [2], А. Илларионов [8] и др.) считают, что экономическая безопасность должна обеспечиваться эффективностью деятельности государства, т.е. сам процесс развития экономики должен обеспечивать ее безопасность. Преимущество данного подхода, на наш взгляд, заключается в том, что он ориентирует на изменение состояния национальной экономики путем повышения уровня ее конкурентоспособности и участие в международной конкуренции за соответствующее место в мировой экономике.

Сильной стороной синтетического подхода (С. Глазьев [6], В. Загашвили [7]) является его комплексность, что позволяет

более объективно дать определение категории «экономическая безопасность».

Рассматривая различные подходы к определению категории «экономическая безопасность», необходимо отметить следующее:

– она должна выявить и нейтрализовать внутренние и внешние угрозы в сфере экономики;

– обеспечить социальную и политическую стабильность, устойчивое и динамичное развитие экономики;

– сформировать эффективную и конкурентоспособную конструкцию экономической системы государства, которая позволила бы безболезненно войти в мировую экономику и обеспечить сотрудничество с международными экономическими организациями.

При этом необходимо иметь в виду, что: «... определение экономической безопасности через «интересы» с самого начала отрицает возможность достижения приемлемого консенсуса между экономистами, представляющими «государственническое» и «либеральное» направления в экономической науке. Определение экономической безопасности через «устойчивость», т.е. устойчивость национальной экономики, ее стабильность, способность к постоянному обновлению и самосовершенствованию, напротив, не обладает столь «конфликтно-генным» характером. Реальная проблема заключается в следующем: можем ли мы раскрыть концепцию экономической безопасности в терминах «устойчивости» так, чтобы не потерять ее содержательных элементов, которые обычно рассматриваются при определении экономической безопас-

ности через «интересы»» [3].

Принимая во внимание предложенные трактовки экономической безопасности, предлагаем следующее ее определение – это составная часть национальной безопасности, включающая национально-государственные и геополитические интересы, задачи и цели, определяющаяся эффективностью и конкурентоспособностью экономической системы даже при наименее благоприятных вариантах развития внешних и внутренних угроз.

Дальнейшее исследование теоретических проблем экономической безопасности приводит к рассмотрению ее не только в рамках экономической науки, но и в рамках других научных дисциплин: социологии, права, криминологии. Большое внимание уделяется исследованию проблем экономической безопасности на региональном уровне. Так, появилась позиция, согласно которой экономическая безопасность рассматривалась как целостная система, состоящая из элементов, включенных в государственные и региональные программы: производственно-технологическая безопасность, финансовая, инфляционная, валютная, таможенная безопасность [4; С. 33].

Исследования показывают, что существует много теоретических проблем при исследовании категории экономической безопасности, что позволяет сделать вывод о недостаточной степени концептуальной разработки категории экономической безопасности. Данное обстоятельство делает актуальным обращение к более широкой теоретической перспективе рассмотрения соответствующих вопросов.

Литература

1. Абалкин Л. И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. – 1994. – № 12. – С. 4.
2. Архипов А., Городецкий А., Михайлов Б. Экономическая безопасность: оценки, проблемы, способы обеспечения // Вопросы экономики. – 1994. – № 12. – С. 38.
3. Афонцев С.А. Дискуссионные проблемы концепции национальной экономической безопасности: практическое пособие. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – С. 15.
4. Блинов Н.М. Экономическая безопасность центра и регионов // Общественные науки. – 1996. – № 2. – С. 33.

5. Видяпин В.И. Экономическая теория (политэкономика): учебник. – М., 1997. – С. 358-372.
6. Глазьев С.Ю. Основы обеспечения экономической безопасности страны // Рос. экон. журн. – 1997. – № 1. – С. 5.
7. Загашвили В.С. Экономическая безопасность России. – М.: Гардарика, 1997. – С. 25.
8. Илларионов А.А. Критерии экономической безопасности // Вопросы экономики. – 1998. – № 10. – С. 49.
9. Медведев В. Проблемы экономической безопасности России // Вопросы экономики. – 1997. – № 3. – С. 111.
10. Пороховский А.А. Россия и современный мир // Вопросы экономики. – 1995. – № 1. – С. 128.
11. Сенчагов В.К. О сущности и основах стратегии экономической безопасности России // Вопросы экономики. – 1995. – № 1. – С. 19.
12. Сенчагов В.К. Экономическая безопасность / Производство. Финансы. Банки. – М.: ЗАО «Финстатинформ», 1998. – С. 11.
13. Сенчагов В. К. Экономическая безопасность России: учебник. – М.: Дело, 2005. – С. 22.
14. Степашин С.В. Национальная безопасность России: конституционное обеспечение. – СПб., 1999. – С. 23.
15. Татаркин А., Козлов Е., Беляев В. Социально-экономический механизм рационального недропользования: федеральный и региональный // Рос. экон. журн. – 1999. – № 11-12. – С. 45-54.

Коротко об авторах

Briefly about the authors

Буров В.Ю., канд. экон. наук, доцент, директор Высшей школы экономики, управления и предпринимательства при Забайкальском государственном университете (ЗабГУ), зав. кафедрой «Антикризисное управление, финансы и кредит», академик Международной академии реальной экономики и предпринимательства
Служ. тел.: (3022) 41-64-96

V. Burov, Candidate of Economic Sciences, associate professor, director of Higher Economic School of Management and Entrepreneurship on the basis of Zabaikalsky State University, head of anti-recessionary management, finance and credit department, Zabaikalsky State University, academic of International Academy of Real Economy and Entrepreneurship

Научные интересы: теневая экономика, малое предпринимательство и инновационная экономика, специалист антикризисных ситуаций

Scientific interests: shadow economy, small business, innovative economics

Кислощачев П.А., ст. преподаватель кафедры антикризисного управления, финансов и кредита, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
Тел.: 8-964-466-41-81

P. Kisloshchayev, senior teacher, anti-recessionary management, finance and credit department, Zabaikalsky State University

Научные интересы: экономическая безопасность, теневая экономика

Scientific interests: economic safety, shadow economy

Философские науки

УДК 008

Цзоу Хун
Zou Hong

ВЛИЯНИЕ КОНФУЦИАНСКОЙ ИДЕИ РИТУАЛА «ЛИ» НА ИДЕОЛОГИЮ И КУЛЬТУРУ НАРОДОВ КОРЕИ И ЯПОНИИ

THE CONFUCIAN IDEOLOGY OF THE «LI» RITUAL ON THE KOREAN AND JAPANESE CULTURES

Рассматривается вопрос о влиянии конфуцианской идеологии на различные сферы жизни общества в Южной Корее и Японии. Автор анализирует степень сохранности традиционных конфуцианских идей в этих странах в сопоставлении с Китаем и роль конфуцианского мировоззрения в процессе модернизации данных государств. Исследование проведено в диахроническом и синхроническом аспектах

Ключевые слова: идеология конфуцианства, культуры Кореи и Японии, культура и нравственность

The paper deals with the question of the Confucian ideology and its influence on the South Korean and Japanese societies'` different spheres of life. The author analyzes the degree in which the two countries preserve traditional Confucian ideas compared with China and also the importance of Confucian world-look in the process of modernization in these countries. The research is carried out in synchronic and diachronic aspects

Key words: Confucian ideology, Korean and Japanese cultures, morals

Распространение конфуцианских идей в некоторых государствах Восточной и Юго-Восточной Азии обусловлено влиянием китайской цивилизации на страны континента, в частности, на Корею и Японию. В этих странах конфуцианства ритуал «Ли» составляет основу менталитета нации, ее стиля мышления, обеспечивает гармонию в обществе и его конкурентоспособность, что, в свою очередь, помогает сохранять стабильность внутри страны, предоставляет максимум возможностей для экономического развития и способствует мировому лидерству государств.

Китайская традиционная культура глубоко вошла в повседневную жизнь корейского и японского народов. Жизнеспособность и непреходящая ценность идеологии Конфуция в странах конфуцианского ареала, выражающейся в преемственности

традиций воспитания, образования и культуры, в колоссальном влиянии конфуцианства на все сферы жизни современного общества, представляет интерес для многих культурологов. Жизнь современных корейцев и японцев наполнена традициями и догмами китайского конфуцианства: уважением к старшим, проявлением скромности, соблюдением законов, знанием народных традиций, особых обрядов, церемоний и т.д.

Известный древнекитайский мыслитель, политик и педагог Конфуций создал собственное этико-политическое учение на основе взглядов предков на политику, экономику, философию, педагогику, этику, искусство и т.д. Это учение содержит этические нормы, которые составили основу традиционной китайской культуры. Классические каноны конфуцианства, переда-

ваемые по наследству в течение нескольких тысяч лет, оказали глубочайшее влияние не только на Китай, но и на соседние страны и стали важным фактором формирования национального духа народов, стран, проникли во все сферы жизни общества.

После того, как во времена династий Цинь (221-206 гг. до н.э.) и Хань (206 г. до н.э. — 220 г. н.э.) конфуцианство проникло на Корейский полуостров, оно постепенно превращалось в ортодоксальное учение корейского феодального общества. Согласно письменным документам, в древние времена малые народности, проживавшие на северо-востоке Китая, непрерывно мигрировали в Корею, ассимилируясь там. В «Исторических записках» есть упоминания о том, как легендарный мудрец и правитель Ци Цзы на рубеже эпох Инь (примерно XVI-XI вв. до н.э.) и Чжоу (XI в. — 256 г. до н.э.) посетил Корею, уже тогда называя ее «Древняя Корея» [5; С. 397-398]. Согласно исследованиям ученых, примерно в VII в. до н.э. периода Весны и Осени между Китаем и древней Кореей начали устанавливаться торговые связи. Древние корейцы легко заимствовали китайскую письменность и устанавливали торговые взаимоотношения.

В период Троецарствия (с 220 г. н.э.) между Китаем и Кореей начинается тесное сотрудничество: корейцы изучают литературу, китайскую письменность; принимают конфуцианство как учение, представляющее культуру Китая; изучают систему китайских церемониальных жертвоприношений; официальных церемоний, т.е. бюрократическую систему Китая; изучают китайские украшения и наряды, устройство домов; систему свадебных и прочих ритуалов и церемоний. Идеи конфуцианского ритуала «Ли» коренным образом изменили содержание корейской культуры и оказали значительное влияние на её развитие.

В I в. н.э. **Корейский полуостров** разделился на три царства: Когуре, Пэкче, Силла. Конфуцианские догмы считались наиважнейшими на севере Корейского полуострова, в Когуре, затем их приняли на юге, в Пэкче, и на юго-востоке, в Силла.

Согласно древним корейским писаниям, в 372 г. в царстве Когуре была основана государственная императорская академия, где преподавали конфуцианство, в результате это учение стало главной идеологией в Когуре.

В 958 г. династия Корё утверждает введение императорских экзаменов для отбора чиновников, в содержание которых входили вопросы по классическому конфуцианству, что послужило мощным толчком к развитию конфуцианского учения. С этого момента конфуцианство становится настолько популярным и легитимным, насколько это вообще было возможно. В 1392 г. династия Ли свергает династию Корё и меняет официальное название своего царства, теперь оно называется Кореей. И вплоть до 1876 г. конфуцианство считалось официальной корейской идеологией.

Конфуцианские идеи в Корее оказали большое влияние и на политику. Правители древнего Корейского государства и руководители современной Кореи используют конфуцианскую идеологию как эффективное орудие охраны своих интересов.

В каноническом произведении «Три уста и пять неизблемых правил» содержится концепция власти: какой она должна быть в государственной политике, в делах семьи и брака. Сильная власть нужна в любое время, и государственной власти в Южной Корее, традиционно находящейся под влиянием конфуцианства, удалось избежать и преодолеть явления общественного беспорядка и кризиса, усилить контроль над децентрализованной экономикой и политическими ресурсами, повысить социальную сплоченность, стимулировать социальную интеграцию.

Кроме того, правительство Южной Кореи распространяет идеи бескорыстности, стабильности и гармонии в сфере социальной и политической идеологии. Бескорыстность, во-первых, подразумевает, что правительственные чиновники должны искать способы получения доходов для государства, но не имеют права присваивать их себе, в противном случае это приведет к социальному неравенству. Во-вторых,

интересы чиновников не должны конкурировать с интересами простых жителей. Чиновники, имея зарплаты, не должны параллельно заниматься, например, торговлей и тем самым лишать простой народ возможностей заработка. В-третьих, чиновники должны беречь народное имущество, избегать транжирства. Все это соответствовало идеологии конфуцианства.

Традиционная культура Китая имела значительное влияние на Корейском полуострове не только в древние времена, но и в современной Корее она продолжает играть важную роль. В стране конфуцианство превратилось в религию, Конфуция почитают как «Совершенномудрого», известного своими великими достижениями. В Корее имеется около 300 конфуцианских храмов, институтов Конфуция, научно-исследовательских институтов конфуцианства и прочих подобных организаций. Более чем в двадцати высших учебных заведениях страны есть специальный предмет по изучению идей конфуцианства. Современные корейцы считают, что в этой идеологии заключен священный естественный порядок, и пока существует этот порядок и мудрое правительство, нет необходимости в сверхъестественном. То есть конфуцианство — это религия без бога, как и ранний буддизм [4]. Более 80 % населения этой страны уверено в том, что изучение конфуцианства — дело исключительно полезное и нужное. В 1960 г. основные идеи и принципы этого учения были включены в образовательные программы начальных, средних и высших учебных заведений [8]. До сегодняшнего дня конфуцианство все еще занимает ведущее положение в Южной Корее, идеи Конфуция: верность своей стране, уважение к человеку труда, доверие, экономия, любовь к народу, как к своим детям — впитались в кровь и плоть корейцев, стали духовным ресурсом развития государства и жизни народа.

Профессор корейского университета «Строительство государства» Жю Синхуань в своей книге «Влияние конфуцианской культуры на экономику Южной Кореи» признаёт, что экономика его страны до-

билась значительных успехов в результате сочетания многих факторов, имеющих отношение и к традиционной конфуцианской культуре, и к капиталистической рыночной экономике западноевропейского образца [6].

Несмотря на то, что корейцы очень активно заимствуют и внедряют у себя рыночную экономику и менеджмент западного образца, они, придерживаясь конфуцианской морали ритуала «Ли», оберегают традиционную культуру своего народа и не допускают подмены традиционных конфуцианских ценностей ценностями чуждого западного мира.

В культуре конфуцианства уделяется большое внимание семейной и социальной этике, самосознанию человека, гармоничным межличностным отношениям. Такие качества межличностных отношений, как взаимная ответственность членов общества, коллективизм и т.д., положительно отразились на работе предприятий Южной Кореи. Как отмечает Го Цинтао, каждый кореец должен развивать творческую активность и инициативу, уделять внимание индивидуальным интересам, в то же время в стране не приветствуются крайний индивидуализм и эгоизм [1].

В конфуцианской культуре коллективизм — один из основных моральных принципов регулирования индивидуальных отношений. Суть его в том, что мир в коллективе дороже всего, «кто любит других, того и другие любят, кто уважает других, того и другие уважают». Межличностные отношения корейцы регулируют при помощи конфуцианского ритуала «Ли» и принципа гуманности. Другой важный принцип: «чего не хочешь себе, того и другим не делай» — реализуется в корпоративной культуре южнокорейских фирм, в которых не поощряется индивидуализм, обращается внимание на гармонию в коллективе, заботу о других, сотрудничество и т.д.

Ритуал «Ли» глубоко вошел в культуру повседневной жизни корейского народа. Жизнь современных корейцев наполнена следующими традиционными принципами китайского конфуцианства:

– Уважение старших – краеугольный камень всего конфуцианского учения, эта добродетель является доминирующей в культурной жизни корейского общества, ею пропитаны все аспекты современного образа жизни корейцев;

– Уважение учительской профессии. Учитель в Корее – человек, всеми уважаемый. Корейцы в общественном транспорте всегда уступают учителям место. У народов Кореи есть древнее выражение: «Нельзя даже наступать на тень учителя»;

– Знание народных традиций и народных праздников, которые занимают важное место в культуре корейцев, каждый (Традиционные корейские праздники Четырех стихий, Родительский день, День рождения Будды, Фестиваль драконовых лодок, Праздник середины осени и т.д.) из них отмечается в соответствии с социальными функциями праздников. Например, в канун Праздника Весны все родственники должны собраться в доме старшего сына, где находится алтарь предков, чтобы принять участие в чайной церемонии поклонения предкам и в поздравлении родителей с праздником [2]. Таковы консолидирующие функции данного праздника;

– Уроки особых обрядов и церемоний. Во всех корейских школах есть аудитория, где проводят уроки особых обрядов и церемоний. Её интерьер полностью выполнен в корейском стиле, в оформлении используются традиционные народные костюмы и т.д. На этих занятиях учат, как правильно приветствовать старших, вести себя во время разговора с ними, изучают столовый этикет, объясняют, как праздновать Новый год в кругу семьи, как угощать старших чаем и т.д. [3].

К сожалению, ритуал «Ли», являвшийся важным в китайской культуре, в самом Китае сейчас не столь популярен, как в Южной Корее, где он сохранился гораздо в большей неприкосновенности. Поэтому можно сказать, что в глазах Западного мира именно Южная Корея, а не Китай, является оплотом конфуцианских идей.

Как и в Корее, древнейшие японские ритуалы, архитектура, законодательство,

моральные нормы, письменность, стиль нарядов и украшений своими корнями уходят в Китай, в учение Конфуция. Известный японский учёный Чэнь Шуньчэнь считает, что древняя культура Японии – это своего рода «копия» древней культуры Китая [7; С. 22].

Конфуцианские взгляды проникли в Японию еще в эпоху Дахэ (250-538 гг.) и в настоящее время слились с образом жизни, поведения и мышления японцев, став важной частью японского национального характера и менталитета. Влияние Конфуция на Японию не уступает его влиянию на Китай.

Правитель царства Пэкче (королевство в Южной Корее) по просьбе императора Кэйтая (507-531 гг.) направил в Японию знатоков «Пятикнижия» для распространения конфуцианских идей. С того времени и началось быстрое развитие конфуцианства на японских островах. В дальнейшем наследник Сётоку установил «Двенадцать рангов императорской знати» и «17 законов», которые содержали основные конфуцианские идеи, вся лексика этих документов повторяет лексику конфуцианской литературы. Кроме того, наследник Сётоку отправлял в Китай послов и учеников, которые изучали и собирали сведения о китайской культуре. К тому времени конфуцианство в Японии развивалось очень быстро и постепенно стало обязательной дисциплиной в обучении бюрократического аппарата. Под влиянием конфуцианства происходили реформы, имевшие эпохальное значение, идеологами которых были император Тэндзи и Фудзивара-но Каматарри, они оба получили образование у китайских конфуцианцев, а затем распространяли идеи Конфуция в Японии.

В эпохи Северных и Южных династий неоконфуцианству уделялось особое внимание со стороны правящих кругов. Но из-за влияния буддизма конфуцианство не заняло доминирующего положения в Японии. И только с наступлением эпохи Токугавы учение Конфуция, отвечая интересам феодалов, сумело освободиться от влияния буддизма и вступило в период свое-

го расцвета. Правительство сегунов в эпоху Токугавы для укрепления феодального строя и для сохранения императорской идеи об общественном разделении установило строгую систему социальной иерархии, поделив всё население на четыре класса: воинов, крестьян, ремесленников и торговцев. Конфуцианское «Суждение о социальном положении» в полной мере соответствовало этой потребности. В итоге конфуцианство в эпоху Токугавы было учреждено в качестве государственной идеологии.

Кроме того, в эпоху феодального общества в Японии сформировались «бусидо» – принципы самурайской морали, которые имели тесную связь с конфуцианским учением. Самыми важными из них были «верность», «справедливость», «храбрость», «церемониал», интересны комментарии к ним: «победитель всегда верен чести», «необходимо жертвовать собой ради долга», «тот, кто может пожертвовать собой, не может быть трусом», «не соблюдающий церемониал не может видеть, слышать, говорить, двигаться» и др. – всё это имело своей основой конфуцианские каноны, а иногда и изречения самого Конфуция [9].

Во время Второй мировой войны экономика Японии была серьезно разрушена, но за короткий период времени она получила стремительное развитие. Это стало возможным благодаря собственной коллективной культуре, истоки которой в конфуцианской идеологии. Японцы объединили западную систему управления с китайской конфуцианской идеологией, сформировали собственную культуру предприятия. Японские предприниматели считают, что материальные и духовные потребности – это основное в жизни человека, материальные требования можно удовлетворить благодаря массовому производству недорогой продукции, а для удовлетворения духовных потребностей необходимы моральные и этические принципы. Эти принципы, в отличие от Запада, базируются не на религии, их можно понимать как стремление к идеалу. В основе культуры конфуцианства находится человек, так что конфуцианство, – это «человековедение» в широком

смысле слова. Японские предприниматели использовали эту идеологию в управлении предприятиями. Они выдвинули идею, что человек является основным капиталом, главной ценностью. Так что сотрудники на японских предприятиях получают уважение и удовлетворение духовных потребностей, и, как следствие этого, у них формируется лояльность по отношению к своему предприятию.

Японский народ, взяв «полезность» в качестве основного принципа, непрерывно аккумулировал и активно использовал конфуцианские догмы. Например, конфуцианская идея о «благополучии народа» стала «мостом» к демократическому направлению в политике со свободным народовластием. Конфуцианские «рассуждения о долге и выгоде» стали моральной основой для начала развития капитализма в Японии; конфуцианское представление о «преданности» является основной обязанностью государства и предприятий в Японии; понятие о «золотой середине» является регулятором современной политики в Японии [8].

В Японии так же, как и в Южной Корее, в ходе реализации политики модернизации конфуцианская идеология сыграла решающую роль. Конфуцианство в современной Японии включает следующие основные принципы, в корне отличающие японскую культуру от западной:

- всеобщее уважение, которое стимулирует людей к тому, чтобы быть трудолюбивыми, справедливыми и честными;
- принцип умеренности своих потребностей, из которого вытекает принцип экономии, что позволяет накапливать значительные ресурсы, которые затем инвестируются в строительство государства;
- принцип ценности образования, в результате которого инвестиции в образование достигают значительных размеров;
- принцип социальной иерархии, способствующий укреплению порядка в обществе;
- принцип всеобщей гармонии, благодаря которому в обществе существует атмосфера взаимопомощи и справедливого распределения общественных благ.

Таким образом, традиционная конфуцианская идеология, основанная на ритуале «Ли», зародившись в Древнем Китае, была еще в глубокой древности заимствована соседними государствами – Кореей и Японией. В этих странах она получила бурное развитие и сохранилась до наших дней. Однако в процессе столь длительного развития конфуцианство не могло не приобрести специфических особенностей, обусловлен-

ных национальным культурным своеобразием данных стран. Можно сказать, что в современной Японии и Южной Корее существует «конфуцианство с японской или корейской спецификой». Примечателен тот факт, что в этих государствах конфуцианство не превратилось в «музейный экспонат» и в современную эпоху является мощнейшим фактором культурного, политического и экономического развития.

Литература

1. Го Цинтао. Жүцзя вэньхуа дуй Дон'я цзинци дэ инсян – и Ханьго дэ сяньдайхуа даолу вэй чжунсинь = Влияние конфуцианства на экономику Восточной Азии: путь модернизации Южной Кореи // Дандай Ханьго. – 1996. – № 4. – С. 54. – Кит. яз.
2. Дин Сяжун. Ханьго дэ чуаньтун цзявэньхуа = Традиционная семейная культура Южной Кореи // Дандай Ханьго – 2001. – № 2. – С. 72. – Кит. яз.
3. Тянь Илин. Цзиньжи Ханьго цзяоюй = Воспитание в современной Южной Корее. – Гуандун: Гуандун цзяоюй чубаньшэ, 1996. – Кит. яз.
4. Чжан Минь. Жүсюе цзай чаосянь дэ чуаньбоюй фачжань = Распространение и развитие конфуцианства в Южной Корее // Кун Цзы яньцзю – 1991. – № 4 – С. 106-112. – Кит. яз.
5. Чжоу Илян. Шицзе тунши: Шангу буфэнь = История мира: «Древний мир». – Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 1973. – Кит. яз. – С. 446.
6. Чжу Синхуань. Жүцзя вэньхуа дуй Ханьго цзинци дэ инсян = Влияние культуры конфуцианства на экономику Южной Кореи // Дандай Ханьго. – 2001. – №1. – С. 14-20 – Кит. яз.
7. Чэнь Шуньчэнь. Чжунгожэнь юй Жибэньжэнь – «тунвэнь тончжун» гуань дэ вэйсянь = Китаец и японец – риск концепции «одинаковая раса, одинаковая письменность»: пер. с японского языка Ли Даожон. – Фу Чжо: Фуцзянь жэньминь чубаньшэ, 1989. – Кит. яз. – С.146.
8. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.chinanews.com/news/2005/2005-04-14/26/562857.shtml>. – дата обращения: 09.03.2011.
9. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.chinanews.com/hr/2011/03-04/2884789.shtml>. – дата обращения: 09.03.2011.

Коротко об авторе

Цзоу Хун, аспирантка, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского (ЗабГГПУ)
zouhong@mail.ru

Научные интересы: история китайской культуры, межкультурная коммуникация, методика преподавания китайского и русского языков

Briefly about the author

Zou Hong, post-graduate student, Zabaikalsky state humanitarian and pedagogical university named after N.G. Chernyshevsky

Scientific interests: history of Chinese culture, intercultural communication, methods of Chinese and Russian languages teaching

Филологические науки

УДК 81

Апалько Ирина Юрьевна
Irina Apalko

ГНЁЗДА РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ЗАЩИТОИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕРМИНОВ КАК ГЕТЕРОГЕННЫЕ РАЗНОЧАСТЕРЕЧНЫЕ СТРУКТУРЫ

NESTS OF RUSSIAN AND ENGLISH PROTECTION INFORMATION TERMS AS GETEROGINEOUS STRUCTURE OF DIFFERENT PARTS OF SPEECH

Рассматривается структура гнёзд русских и английских терминов предметной области «Защита информации». Терминогнёзда представлены неодинаковым числом разночастеречных дериватов

The structure of word families of Russian and English terms of the subject field «Information protection» is covered in this paper. Families of terms consist of different number of derivatives belonging to various parts of speech

Ключевые слова: гнездо слов, гнездо терминов, производное слово (дериват)

Key words: word family, family of terms, derivative

Современные ученые в своих исследованиях уделяют пристальное внимание терминообразовательному гнезду как результату деривационного процесса. По их мнению, гнезда естественнонаучных терминов, терминосферы «экономика-рынок-право», терминологии «Рыночная экономика», пространства бокса, военной авиации отличаются сложной структурой [4; 5; 6; 1; 3; 7].

Статья посвящена выявлению структуры гнёзд защитоинформационных терминов, которые ранее не подвергались анализу. Для выделения словообразовательных и терминообразовательных гнёзд мы обратились к текстам по защите информации на русском и английском языках и лексикографическим источникам [10; 8; 9; 2].

Выделение терминогнёзд осуществлялось методом сплошной выборки однокоренных лексем. В статье рассматриваются

наиболее важные для данной терминологической сферы гнёзда, которые включают русские и английские специальные единицы (code, код, cipher, шифр, производные с основой crypto- крипто-), номинирующие основополагающие понятия.

Деятельность по защите информации в качестве неотъемлемого компонента включает криптографическую защиту, назначение которой состоит в обеспечении секретности, передаваемой по каналам связи конфиденциальной информации. Для этого производится предварительное кодирование и шифрование сведений. Криптография (др.-греч. κρυπτός – тайный, скрытый + ...графия < др.-греч. γράφω – пишу, черчу) является наукой о способах преобразования информации с целью её защиты от незаконных пользователей. Если задача криптографов заключается в защите (работке шифров), то криптоаналитики за-

нимаются их вскрытием.

По результатам анализа гнезда базовой лексемы *код* делаем вывод о его структуре: в число его 14 дериватов входят глаголы, называющие *процесс* (*кодировать, закодировать, перекодировать, раскодировать*), прилагательные / причастия, обозначающие *качество* (*кодовый, кодирующий, декодирующий, кодировальный*). В этом гнезде доминируют существительные (6 ед.). Они номинируют *лицо* (*кодировщик, декодировщик*); *процесс* (*кодирование, декодирование*); *устройство* (*кодер, декодер*). В гнезде общеупотребительных слов русского языка отсутствуют лексемы для обозначения *устройств* (в отличие от терминогнезда, где имеются эти релевантные для зацитинформационной предметной области термины).

По нашим данным, в гнезде сферы функционирования английского термина «code» (*кодировать, код*) отмечены 8 производных терминов-существительных:

coder *кодер*, кодировщик и decoder *декодер, дешифровщик* номинируют *устройство* и *лицо*;

codering *кодирование* и decoding *декодирование – процесс*;

codebreaking и codecracking *вскрытие (взлом) шифра – результат*;

codebreaker и codecracker *криптоаналитик, дешифровальщик – лицо*.

Как видно из примеров, своеобразие гнёзд русского термина *код* и соответствующего английского состоит в присутствии антонимичных терминов, называющих противоположные понятия (*кодирование – декодирование, codering кодирование, decoding декодирование* и др.). Наблюдения над фактическим материалом показывают наличие русских и английских лексем, называющих устройства для кодирования и декодирования информации, но только английские термины coder *кодер* и decoder *декодер* обозначают не только *устройство*, но и *лицо*. Исключительно в гнезде английских зацитинформационных терминов выделены термины-композиции, номинирующие *лицо* и *результат*.

Словообразовательное гнездо с верши-

ной *шифр* включает 30, а терминогнездо – более 40 разночастеречных производных (41 ед.):

1) глаголы (8 ед.), номинирующие *процесс* – *шифровать, зашифровать, зашифровывать, расшифровать, расшифровывать, дешифровать, дешифровывать, дешифрировать*;

2) прилагательные / причастия (8 ед.), называющие *качество* – *шифровальный, шифрующий, дешифровальный, дешифрующий, шифрованный, дешифрованный, расшифрованный, зашифрованный*;

3) существительные (25 ед.), обозначающие

лицо (5 ед.) – *шифровальщик, шифровальщица, дешифровщик, дешифровальщик, шифровщик*;

предмет (2 ед.) – *шифрблокнот, шифролента*;

процесс (6 ед.) – *шифрование, зашифрование, расшифрование, дешифрование, шифрпреобразование, шифрпереписка*;

устройство (5 ед.) – *шифратор, дешифратор, шифрустройство, шифр-машина, шифратор-дешифратор*;

результат (5 ед.) – *шифровка, дешифровка, шифртекст, шифрсообщение, шифрограмма*;

способность (2 ед.) – *шифруемость, дешифруемость*.

Гнездо с вершиной cipher (*шифровать, шифр*) содержит 10 принадлежащих к разным частям речи английских дериватов, которые называют *лицо* и *устройство* (cipherer *шифратор, шифровальщик, decipherer дешифратор, дешифровальщик*); *процесс* (ciphering *дешифрование, шифрование, deciphering, decipherment дешифрование*); *качество* (ciphered *дешифрованный, зашифрованный, deciphered дешифрованный, decipherable поддающийся вскрытию, дешифрованию*); *результат* (ciphertext *шифртекст; способность – decipherability дешифруемость*).

К особенностям этих гнёзд следует отнести наличие английских и русских антонимов (*зашифрование – расшифрование,*

дешифрование, *ciphering* дешифрование, шифрование, *deciphering*, *decipherment* дешифрование). Исключительно английские термины используются как номинанты не только *лица*, но и *устройства*: *cipherer* шифратор, *shifrovальщик*, *decipherer* дешифратор, *дешифровальщик*.

В термиогнезде *cipher* шифровать, *шифр* присутствует один композитный тер-

мин (*ciphertext* шифртекст), а в гнезде термина *шифр* – 15 лексем (хотя в гнезде лексем общего языка выделено только одно сложное слово – *шифрограмма*).

Самым крупным, по нашим наблюдениям, является гнездо с английской основой- *супрт-* *крипт-* (50 терминов) и русской *крипт-* (27 терминов) (табл. 1; 2):

Таблица 1

Гнездо английских зашифрованных терминов с основой *супрт-*

№ п/п	Номинируемое термином понятие	Пример зашифрованного термина	Кол-во	%
1	Предмет	<i>cryptogram</i> зашифрованное сообщение	13	26
2	Лицо	<i>cryptologist</i> криптолог	11	22
3	Качество	<i>cryptoproof</i> криптостойкий	9	18
4	Устройство	<i>cryptograph</i> шифровальная машина	6	12
5	Процесс	<i>cryptanalysis</i> криптоанализ	5	10
6	Свойство	<i>cryptocomplexity</i> криптографическая сложность	2	4
7	Признак действия	<i>cryptographically</i> криптографически	2	4
8	Период времени	<i>cryptoperiod</i> период действия криптографического ключа	1	2
9	Результат	<i>cryptotext</i> шифртекст	1	2

Таблица 2

Гнездо русских зашифрованных терминов с основой *крипто-*

№ п/п	Номинируемое термином понятие	Пример зашифрованного термина	Кол-во	%
1	Лицо	криптоматематик	11	40,7
2	Предмет	криптография	4	14,6
3	Качество	криптоаналитический	3	11,1
4	Процесс	криптозащита	2	7,4
5	Свойство	криптобезопасность	2	7,4
6	Признак действия	криптоаналитически	2	7,4
7	Результат	криптотекст	2	7,4
8	Устройство	криптогенератор	1	4,07

Наличие в гнезде большого числа композитных терминов свидетельствует о тенденции к усложнению русских и английских зашифрованных производных за счёт соединения основ. Как показывают наблюдения над фактическим материалом, в английском языке значительно больше композитных терминов данного гнезда: английские основы присоединяются легче, чем русские. Следовательно, стремление к языковой экономии отчётливее выражено в английском языке. В русском языке вместо композитов используются двусоставные

ТСС (например, *криптографическая машина*, *криптографическая операция*, *криптологическая уязвимость* и др.).

Учёные констатируют наличие в гнездах терминологических деривационных цепочек (ТДЦ), в которых термины находятся в отношениях последовательной производности [4; 6; 1]. По нашим данным, в зашифрованной терминосфере не зафиксированы полиэлементные ТДЦ (с четырьмя и более дериватами), в отличие, например, от цепочек естественнонаучного континуума [4; 5]. В предметной области

«Защита информации» наблюдаются преимущественно ТДЦ, содержащие один, два или три производных русских или английских терминов.

Как показывает анализ фактического материала, продуцирование ТДЦ в английском и русском языках осуществляется по различным моделям (табл. 3; 4):

Таблица 3

Структурные модели зашифрованных терминологических деривационных цепочек (ТДЦ) с двумя производными английскими терминами

№ п/п	Модель ТДЦ 1+2	Пример зашифрованной ТДЦ	Кол-во
1	глагол. + прил. + прил.	determine определять – determined определённый – predetermined заранее определённый	18
2	глагол. + сущ. + сущ.	repudiate отказываться – repudiation отказ от факта получения или отправления сообщений – non-repudiation невозможность отказа от факта получения или отправления сообщений	9
3	глагол. + прил. + сущ.	break взломать – breakable взламываемый – breakability вскрываемость	8
4	прил. + глагол. + прил.	random случайный – randomize рандомизировать – randomized рандомизированный	6
5	прил. + глагол. + сущ.	weak криптографически слабый – weaken ослаблять – weakening ослабление криптоустойчивости	6
6	прил. + прил. + нареч.	symmetric симметричный – asymmetric асимметричный – asymmetrically асимметрично	5
7	сущ. + глагол. + сущ.	zero ноль – zeroize обнулять – zeroization обнуление	4

Таблица 4

Структурные модели зашифрованных терминологических деривационных цепочек (ТДЦ) с двумя производными русскими терминами

№ п/п	Модель ТДЦ 1+2	Пример зашифрованной ТДЦ	Кол-во
1	глагол. + прил. + прил.	взламывать – взломанный – невзломанный	8
2	глагол. + сущ. + сущ.	разглашать – разглашение – неразглашение	4
3	прил. + прил. + нареч.	синхронный – асинхронный – асинхронно	4
4	сущ. + глагол. + сущ.	перехват – перехватить – перехватчик	2
5	сущ. + сущ. + прил.	арбитр – арбитраж – арбитражный	1

Английских ТДЦ из двух дериватов насчитывается больше (57 ед.), чем русских (18 ед.). В обоих языках продуктивны модели: «глагол. + прил. + прил.»; «глагол. + сущ. + сущ.»; «прил. + прил. + нареч.»; «сущ. + глагол. + сущ.». Только в английском языке отмечены модели «прил. + глагол. + прил.»; «прил. + глагол. + сущ.»; исключительно в русском – модель «сущ. + сущ. + прил.

Можно сделать следующие выводы:

1) в плане деривации в английском языке продуктивны глаголы и прилагательные; от глагольных основ создаются преимущественно термины-существительные,

в меньшей мере – прилагательные; от адъективных основ продуцируются прилагательные, существительные, наречия;

2) в русском языке демонстрируют активность глаголы, которые дают производные прилагательные и существительные, от прилагательных продуцируются прилагательные и наречия, от существительных – глаголы и существительные.

Значительно больше, по нашим наблюдениям, в зашифрованных гнёздах распространены цепочки, в состав которых входит один дериват (табл. 5; 6):

Таблица 5

Структурные модели зашифрованных терминологических деривационных цепочек (ТДЦ) с одним производным английским термином

№ п/п	Модель ТДЦ 1+1	Пример зашифрованной ТДЦ	Кол-во
1	глагол + существительное	identify идентифицировать – identification идентификация	46
2	глагол + прилагательное	detect обнаруживать – detectable обнаруживаемый	40
3	прилагательное + существительное	sensitive секретный – sensitivity секретность	6
4	прилагательное + прилагательное	feasible осуществимый – infeasible неосуществимый	4
5	существительное + существительное	checksum контрольная сумма – checksumming вычисление контрольной суммы	4
6	существительное + прилагательное	password пароль – passworded с паролем	2
7	существительное + глагол	weak уязвимый – weaken понижать криптостойкость	2

Таблица 6

Структурные модели зашифрованных терминологических деривационных цепочек (ТДЦ) с одним производным русским термином

№ п/п	Модель ТДЦ 1+2	Пример зашифрованной ТДЦ	Кол-во
1	существительное + прилагательное	алгоритм – алгоритмический	28
2	существительное + существительное	перехват – перехватчик	16
3	прилагательное + существительное	уязвимый – уязвимость	6
4	глагол + существительное	считывать – считыватель	2

Из табл. 5 и 6 видно, что в английском языке больше моделей (7), чем в русском (4). Отмечены наиболее продуктивные модели ТДЦ английских зашифрованных терминов: «глагол + существительное»; «глагол + прилагательное». В русском языке самыми активными явились модели цепочек «существительное + прилагательное»; «существительное + существительное». Таким образом, есть все основания утверждать, что в обоих языках производными ТДЦ (модель 1+1) высту-

пают преимущественно зашифрованные термины-существительные, реже – прилагательные. В этой связи целесообразно указать доминирование в гнездах терминологий субстантивов, а в деривационных гнездах общего языка – адъективов [4].

Табл. 7, 8 отражают направленность деривации английских и русских терминов, номинирующих понятия, в ТДЦ с разным количеством производных:

Таблица 7

Направленность деривации английских терминов, номинирующих понятия, в ТДЦ с 1, 2 и 3 производными

№ п/п	Формула	Пример ТДЦ	Номинация понятий терминами, составляющими ТДЦ
1	1+1	algorithm алгоритм – algorithmic алгоритмический	предмет → качество
2	1+1	compress сжимать – compression сжатие	процесс → результат
3	1+1	confidential конфиденциальный – confidentiality конфиденциальность	качество → свойство
4	1+1	design разрабатывать – designer разработчик	процесс → лицо
5	1+1	eavesdrop перехватить – eavesdropper перехватчик	процесс → лицо / прибор
6	1+1	message сообщение – messaging передача сообщений	предмет → процесс
7	1+1	malicious злонамеренный – maliciously злонамеренно	качество → признак действия
8	1+2	strength криптостойкость – strengthen повышать криптостойкость – strengthening повышение криптостойкости	свойство → процесс – результат

9	1+2	differ различать – different различный – differential дифференциальный	процесс → качество – качество
10	1+2	factor множитель – factorize разлагать на множители – factorization разложение на множители	предмет → процесс – результат

Таблица 8

Направленность деривации русских терминов, номинирующих понятия, в ТДЦ с 1, 2 и 3 производными

№ п/п	Формула	Пример ТДЦ	Номинация понятий терминами, составляющими ТДЦ
1	1+1	генератор – генераторный	прибор → качество
2	1+1	преобразовать – преобразование	процесс → результат
3	1+1	секретный – секретность	качество → свойство
4	1+1	маршрут – маршрутизация	предмет → процесс
5	1+2	канал – каналный – многоканальный	предмет → качество – качество
6	1+2	логарифм – логарифмический – логарифмически	предмет → качество – признак действия
7	1+2	течь – утечь – утечка	процесс → процесс – результат
8	1+3	криптолог – криптология – криптологический – криптологически	лицо → предмет – качество – признак действия

В отличие от английского языка, модель ТДЦ с тремя русскими дериватами «сущ. + сущ. + прил. + нареч.» достаточно продуктивна в анализируемой предметной области. Согласимся с Л.Ю. Буяновой в том, что последний терминодериват цепи «обладает особой функцией: являясь производным, он уже не реализуется как производящий», но он наиболее релевантен для системы терминодеривации, так как «представляет собой результат деривации, обладает усложнённой структурой и поликомпонентным семантикопонятийным смысловым каркасом» [4: 160].

Из выделенных моночастеречных и поличастеречных ТДЦ защитоинформационных английских и русских терминов преобладают вторые:

leak – leaker *утечка* – *лицо, через которое осуществляется утечка*; сертификат – *сертификация* (сущ. + сущ.);

feasible *возможный, осуществимый* – infeasible *невозможный, неосуществимый*; линейный – *нелинейный* (прил. + прил.);

trustworthy *заслуживающий доверия* – trustworthiness *надёжность*; уязвимый – *уязвимость* (прил. + сущ.);

confuse – confusion *смешивать* – *смешивание*; переставлять – *перестановка* (глагол + сущ.);

detect – detectable *обнаруживать* – *обнаруживаемый*; защищать – *защитный* (глагол + прил.);

key *ключ* – keyed *ключевой*; блок – *блочный* (сущ. + прил.).

Гнёзда защитоинформационных терминов не являются гомогенными по своей структуре, так как отличаются в качественном и количественном отношении. Они репрезентированы неодинаковым числом английских или русских разночастеречных дериватов. Зафиксирована нетождественность наполняемости словообразовательных и терминообразовательных гнёзд. Отмечены также отличия в структурной представленности защитоинформационных терминов в гнёздах сферы фиксации и сферы функционирования.

Некоторые гнёзда характеризуются наличием русских и английских композитных терминов. Создание сложных многокомпонентных производных отражает поступательный характер научных исследований, который направлен на выявление и описание в языке науки всех свойств, явлений и

процессов окружающей действительности.

Из моночлестеречных и поличлестеречных цепочек терминов анализируемой предметной области превалируют вторые. В обоих языках доминируют ТДЦ с одним или двумя производными. Цепочки заканчиваются дериватами (преимущественно

существительными), которые в будущем способны стать производящей базой для новых зашитоинформационных производных. Они открыты для продуцирования терминов, которые могут стать актуальными для данной терминосферы.

Литература

1. Аксютенкова Л.Г. Деривация как фактор эволюции терминосистемы (на материале терминологии «Рыночная экономика»): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. — Краснодар, 2002. — 200 с.
2. Англо-русский справочный словарь терминов, использующихся в криптографии, защите информации и смежных областях. 2008. [Электронный ресурс]. — [Режим доступа]: <http://www.rfcmd.ru>.
3. Апалько И.Ю. Терминологическая лексика сферы бокса и динамика её развития (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. — Краснодар, 2005. — 172 с.
4. Буянова Л.Ю. Термин как единица логоса: монография. — Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2002. — 185 с.
5. Буянова Л.Ю. Терминологическая деривация в языке науки: когнитивность, семиотичность, функциональность: монография. — Ставрополь: СГУ, 2010. — 283 с.
6. Кондратьева Т.С. Лексико-семантические и деривационно-метаязыковые особенности терминосферы «Экономика-Рынок-Право»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. — Краснодар, 2001. — 144 с.
7. Левандровская Н.В. Глагол как вербально-когнитивное средство формирования лексикосферы военной авиации (на материале английского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. — Ставрополь: Ставропольский гос. ун-т, 2010. — 216 с.
8. Погорелов Б.А., Сачков В.П. Словарь криптографических терминов. — М.: МЦНМО, 2006. — 88 с.
9. Словарь терминов и определений в области информационной безопасности: авторский коллектив. — М.: Научно-исследовательский центр информационной безопасности, 2008. — 255 с.
10. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2-х т. — М.: Русский язык, 1985. — 1 т. — 854 с., 2 т. — 885 с.

Коротко об авторе

Апалько И.Ю., канд. филол. наук, доцент, филиал Военной академии связи (г. Краснодар)
i-apalko@mail.ru

Briefly about the author

I. Apalko, Candidate of Philological Sciences, assistant professor, Krasnodar Branch of the Military Communications Academy

Научные интересы: терминология

Scientific interests: terminology

УДК 81-114.2:81.42

Болсуновская Людмила Михайловна
Ludmila Bolsunovskaya

Баранова Анастасия Викторовна
Anastasia Baranova

ЧАСТОТНОСТЬ, ТИПЫ И ФУНКЦИИ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ В НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ СТАТЕЙ ИЗ ЖУРНАЛА «СОВЕТСКАЯ ГЕОЛОГИЯ»)

AMOUNT, TYPES AND FUNCTIONS OF INTERTEXTUAL FACTS IN SCIENTIFIC TEXTS (REVEALED BY THE ANALYSES OF THE ARTICLES FROM JOURNAL «SOVIET GEOLOGY»)

Изложена история развития категории интертекстуальности в лингвистике, освещены некоторые современные подходы и классификации, а также проведен анализ текстов статей геологического направления с точки зрения количества, типов и функций интертекстуальных связей в научных текстах

Ключевые слова: интертекстуальность, научный дискурс, цитата, ссылка, символные связи, референционная функция

The article reviews the development of the notion «intertextuality» in linguistics and explores some modern classifications and theories dealing with intertextuality. It also analyzes the amount, types and functions of intertextual facts in the geological texts

Key words: intertextuality, scientific discourse, quotation, reference, symbol system references, reference function

Термин «интертекстуальность» широко распространен в лингвистике. За время своего существования он использовался как в очень широком, так и в очень узком понимании. В трудах современных ученых он рассматривается как одна из категорий дискурса, и именно в этом аспекте изучаются и классифицируются различные виды интертекстуальных связей.

История возникновения понятия «интертекстуальность» начинается с работ шведского лингвиста начала XX в. Фердинанда де Соссюра, а точнее, его работы «Курс современной лингвистики», в которой представлена теория о дифференцируемости лингвистического знака. Непосредственно термин «интертекстуальность»

был введен Ю. Кристевой в 1967 г. относительно изучения диалогической концепции М.М. Бахтина, согласно которой все высказывания являются ответами на предыдущие высказывания и обращены к определенным адресатам. Таким образом, текст формируется из уже существующих дискурсов: авторы не столько создают новые тексты, сколько компилируют их из ранее существовавших дискурсов. Бахтин и Кристева подчеркивают двойственный, двусторонний характер высказывания или текста [3].

Помимо работ Бахтина, на развитие теории интертекстуальности Кристевой повлияли идеи структурного психоанализа. Развивая идею двойственности, Ю. Кристе-

ва вводит два новых понятия: *фенотекст*, обозначающий символическую, рациональную часть текста, связанную с коммуникативной функцией языка, и *генотекст*, природой которого является бессознательное. Соотношение этих видов текста в конкретных текстах всегда различно. Так, в научных или форматных текстах следы генотекста могут быть почти незаметны, тогда как в художественной литературе он проявляется в полной мере [3].

Большой вклад в развитие понятия «интертекстуальность» внес французский семиотик-постструктуралист Ж. Деррида, основной идеей которого стала относительность всяких границ. Речь идет о выходе за пределы текста человеческого сознания. Его идеи стали основой для развития культурно-семиотического подхода к литературе, культуре, обществу как открытому безграничному явлению [1]. В рамках такого подхода интертекстуальность предстает как теория безграничного текста. Данная концепция продолжена в тех или иных вариантах как в отечественном (Ю.М. Лотман, И.П. Смирнов, Б.М. Гаспаров, П.Х. Тороп), так и в зарубежном языкознании (Р. Барт, М. Риффартер).

В современной лингвистике можно выделить две основные концепции интертекстуальности: радикальная (широкая) концепция и узкая концепция. В рамках радикальной теории лингвистический анализ текста представляется сложной задачей, так как «недифференцированная универсальность, провозглашаемая этой теорией, не позволяла отличить собственно интертекстуальность от неинтертекстуальности, во-первых, и различные исторические и типологические формы, во-вторых» [1].

Что касается узкой концепции интертекстуальности, то она, как утверждает В.Е. Чернявская, дублирует некоторые функции литературоведения и филологии.

В настоящее время ученые не пришли к единому определению понятия «интертекстуальность». Однако в современной лингвистике появляется большое количество работ, в которых исследователи объединяют две концепции и учитывают такие аспекты,

как взаимодействие «текст-реципиент», «текст-текст/группа текстов», «текст-жанр» [Ж. Жаннет], [М. Пфистер], и пытаются определить критерии интертекстуальности [1].

В этой связи целесообразно остановиться на работе Е.В. Михайловой, где она определяет критерии классификации интертекстуальных связей: типы связей, степень и форма их выражения в тексте (маркированность) и их функции в тексте. Материалом для ее исследований послужили статьи таких научных направлений, как экономика, лингвистика и физика.

Целью данной работы является определение количества, типов и функций интертекстуальных связей (ИС) в статьях геологического направления на материале журнала «Советская геология» различных лет издания.

По классификации, разработанной Е.В. Михайловой, выделяется *три основных типа интертекстуальных связей*, применяемых в научных статьях:

1. *Собственно-текстовые типы* интертекстуальных связей – первичные и вторичные цитаты.

2. *Паратекстовые типы* интертекстуальных связей (именные, титульные, адресные, смешанные/библиографические ссылки). При паратекстовом заимствовании функцию межтекстовых связей выполняют не фрагменты самого прецедентного текста, а элементы паратекста источника, отсылающие реципиента к любому из формальных признаков последнего, т.е. ссылки.

3. *Комбинированный тип* интертекстуальных связей, при котором сочетаются названные типы. Например, цитата в сочетании с каким-либо типом ссылки.

Косвенные цитаты, сокращения, аллюзии рассматриваются как преобразованные интертекстуальные связи, которые в большей степени интегрированы в текст-носитель.

Рассматривая *функции* интертекстуальных связей в научной статье, Е.В. Михайлова предлагает следующую классификацию:

1. *Референционная* (отсылочная функция) интертекстуальных связей является прототишной в научном дискурсе. Она имеет три разновидности:

1) *информативная*, служащая для «свертывания» большого объема научного знания, требуемого для понимания определенной темы;

2) *экспланативная*, служащая для уточнения, разъяснения идеи автора;

3) *апеллятивная*, реализуется в тех случаях, когда автор научной статьи устанавливает связь с первоисточником заимствуемой информации для того, чтобы опереться на авторитетное мнение при разработке собственного решения проблемы.

2. *Оценочная* функция имеет две разновидности, в зависимости от отношения автора к заимствованному источнику:

1) *критическая*, при отрицательном отношении;

2) *эмпатическая*, при положительном отношении.

3. *Этикетная* функция реализуется в различных планах: и как выражение уважения к научному сообществу, и как признак соответствия определенной группе текстов, и как своего рода парольный признак.

4. *Декоративная* функция проявляется только с помощью цитат, которые используются для придания индивидуального характера и смягчения строгого научного изложения [2].

Используя данные классификации, мы проанализировали ряд научных статей из журнала «Советская геология» различных периодов издания. Нами отобраны несколько статей из журнала № 9, 1970 г. и журнала № 12, 1991 г. Полученные данные о количестве и типах интертекстуальных связей приведены в таблице.

Параметры таблицы основаны на приведенной классификации. Отдельно следует отметить графу *Символьные связи*. Е.В. Михайлова выделяет три типа вертикальных связей:

1) *одноязычные* (текст-носитель и фрагменты текстов-источников написаны на одном языке);

2) *иноязычные* (текст-носитель интегрирует в себя иноязычный фрагмент) и *символьные* (в качестве включенного в текст фрагмента выступает часть в другой кодовой системе: рисунки, схемы, формулы, графики и т.д.).

В исследуемых статьях символьные связи представлены таблицами, графиками, картами и рисунками. В большинстве случаев они не являются заимствованиями из других источников, а представляют результаты и данные исследований авторов статей. Однако при этом для передачи информации авторы используют определенную кодовую систему, что, по Е.В. Михайловой, определяется как *системная символьная связь*. Реже авторы заимствуют таблицы, графики и пр. других источников, что собственно и является символьной связью. Что касается их функций в текстах, то, по нашему мнению, оба типа связей выполняют экспланативную функцию.

Количественный анализ интертекстуальных связей (ИС) показал небольшое увеличение среднего числа ИС на страницу текста в журнале 1991 г. по сравнению с 1970 г. Средний показатель ИС на страницу в журнале № 9, 1970 г. составил 2,17, а в № 12 1991 г. он увеличился до 3,44 на 1 страницу.

Смешанная/библиографическая ссылка является наиболее используемым типом ИС (131 случай). Второе место по частоте употребления занимают символьные связи (86), далее следуют авторские ссылки (35), достаточно часто встречаются множественные ссылки (20). Соотношение одноязычных и символьных связей в статьях неодинаково, но в большинстве случаев ссылок на рисунки, таблицы и карты меньше, чем на авторов и используемую литературу. Пропорциональная доля различных ИС с годами в целом не изменилась.

Статья	Кол-во стр.	Кол-во исп. лит-ры	Цитаты		Ссылки						Комбинирув. (цитата + сноски)	Всего горизонтальных связей	Символьные связи	Всего ИС в тексте			
			прямые	косвен.	авторские		именные		Титульные	Адресные					Библиографические		
					маркир.	немарк.	автоссылки	маркир.								немарк.	
			маркир.	немарк.	маркир.	немарк.	маркир.	немарк.									
«Советская геология» № 9, 1970																	
Буршгар М.С., Назаров Д.А. [4]	15	8		0	0	1	7	1	0	3	0	0	11	0	23	15	38
Павлов В.А., Яшухин О.И. [5]	16	12		0	0	0	5	0	0	3	1	14	0	0	23	9	32
Виленский М.А., Севостьянов К.М. [6]	15	18		0	0	1	6	0	0	1	0	11	1	1	20	3	23
Кованько Н.Д., Ходанович Н.И. [7]	12	10		0	0	0	0	0	2	0	0	0	0	0	4	12	16
Лунев А.Л. [8]	10	13		0	0	1	0	0	0	4	0	18	0	0	23	7	30
Прокотчук Б.И., Дорганов Г.Ф. [9]	11	9		0	0	0	1	0	0	0	0	2	3	0	3	2	5
Швецов П.Ф. [10]	8	17	2	3	5	9	0	0	5	2	3	0	13	3	45	0	45
Итого по журналу	87	87	2	3	8	28	1	7	13	3	3	69	4	4	141	48	189
«Советская геология» №12, 1991																	0
Евстрахин В.А. [11]	11	16	0	2	0	2	0	0	0	1	0	14	1	1	21	10	31
Шаякубов Т.Ш. [12]	8	14	0	0	2	0	0	0	0	2	0	11	0	0	15	8	23
Акулов Н.И., Фефелов Н.Н. [13]	8	9	0	7	2	4	0	0	6	4	0	4	0	0	27	2	29
Брянский Л.И., Лойтер П.П. [14]	5	6	0	2	0	0	0	0	1	0	0	11	1	1	15	3	18
Климас А.И. [15]	9	11	0	0	0	1	0	0	0	0	2	22	0	0	25	15	40
Итого по журналу	41	56	0	11	4	7	0	7	7	7	0	62	2	2	103	38	141
Всего	128	143	2	14	12	35	1	14	20	3	6	131	6	6	244	86	330

Особое внимание привлекает статья П.Ф. Швецова «Физическая геология и геотехника», изданная в журнале «Советская геология» № 9 1970 г. Она отличается большим количеством и разнообразием интертекстуальных связей при полном отсутствии символических связей. Возможно это обусловлено индивидуальным стилем автора. Однако, по нашему мнению, более важным фактором интертекстуального разнообразия данной статьи является ее тематика.

Анализ ИС с точки зрения их функций показал, что наиболее часто ИС используются в референционной функции в ее информативной разновидности. Как правило, эту функцию выполняют библиографические ссылки. Экспланативная функция, как уже было отмечено, часто выражается через символические связи. Закономерно ожидать использование в научных статьях ИС в аппелятивной функции, так как многие научные исследования опираются на автори-

тетные источники. Остальные функции ИС в научных статьях геологического направления проявляются в незначительной мере.

На основе проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

Количество ИС в научных статьях геологического направления за период 1970-1990 гг. увеличилось.

В большинстве анализируемых статей преобладают библиографические ссылки, символические связи и ссылки на авторов либо группу авторов. Ведущей функцией ИС в данных статьях является реферативная во всех своих вариантах. Остальные типы и функции встречаются редко либо вообще не выявлены.

Предполагается, что на количество и разнообразие типов ИС в текстах влияет не только характер научного дискурса, но и тематика статьи, а также индивидуальный стиль автора. Однако данное предположение требует дальнейших исследований.

Литература

1. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
2. Михайлова Е.В. Интертекстуальность в научном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. — Волгоград, 1999. — 205 с.
3. Allen Graham Intertextuality. — NY., Routledge, 2000.
4. Бурштар М.С., Назаров Д.А. Методика построения региональных схематических карт палеогидродинамической обстановки // Советская геология. — 1970. — № 9. — С. 19
5. Павлов В.А., Яшухин О.И. О процессах калишпатизации и грейзенизации Коктенкольского гранитного массива // Советская геология. — 1970. — № 9. — С. 34
6. Виленский М.А., Севостьянов К.М. О некоторых гидрогеологических особенностях Западно-Тихоокеанского нефтегазоносного пояса // Советская геология. — 1970. — № 9. — С. 50.
7. Кованько Н.Д., Ходанович Н.И. Протерозойские отложения зоны сочленения Русской платформы и Уральской геосинклинали, перспективы их нефтегазоносности // Советская геология. — 1970. — № 9. — С. 65.
8. Лунев А.Л. О структурно-фациальных зонах мегантиклинория Большого Кавказа и этапах их формирования // Советская геология. — 1970. — № 9. — С. 86.
9. Прокопчук Б.И., Дорганов Г.Ф. О зависимостях между содержаниями алмазов и мощностями аллювия в русловых россыпях // Советская геология. — 1970. — № 9. — С. 97.
10. Швецов П.Ф. Физическая геология и геотехника // Советская геология. — 1970. — № 9. — С. 77.
11. Евстрахин В.А. Динамика минерально-сырьевых ресурсов: прогнозы и реальность // Советская геология. — 1991. — № 12. — С. 3.
12. Шаякубов Т.Ш. Рудоносность ареалов палеозойского вулканизма Тянь-Шаня // Советская геология. — 1991. — № 12. — С. 20.

13. Акулов Н.И., Фефелов Н.Н. Стратиграфия девонских и нижнекаменноугольных отложений Восточного Присяянья // Советская геология. – 1991. – № 12. – С. 40.

14. Брянский Л.И., Лойтер П.П. Глубинное строение Кавалеровского рудного района // Советская геология. – 1991. – № 12. – С. 52.

15. Климас А.И. Формирование качества подземных вод в условиях интенсивной эксплуатации и загрязнения // Советская геология. – 1991. – № 12. – С. 62.

Коротко об авторах

Briefly about the authors

Болсуновская Л.М., канд. филол. наук, зав. кафедрой иностранных языков института природных ресурсов, Томский политехнический университет (ТПУ)

bolsunovskaya@inbox.ru

L. Bolsunovskaya, Candidate of Philological Sciences, the head of the department of foreign languages, Institute of Natural Resources, Tomsk Polytechnic University

Научные интересы: лингвистика и межкультурная коммуникация, психолингвистика, теория перевода и переводоведения

Scientific interests: linguistics, crosscultural communication, psycholinguistics, translation/interpretation theory

Баранова А.В., преподаватель кафедры иностранных языков института природных ресурсов, Томский политехнический университет (ТПУ)

baranskikh@yandex.ru

A. Baranova, senior teacher, department of Foreign Languages, Institute of Natural Resources, Tomsk Polytechnic University

Научные интересы: лингвистика и межкультурная коммуникация, психолингвистика, теория перевода и переводоведения

Scientific interests: linguistics, crosscultural communication, psycholinguistics, translation/interpretation theory

УДК 070.4

Ван Кэвэн
Wang Kewen**ИЗУЧЕНИЕ СТАНОВЛЕНИЯ И
РАЗВИТИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ
ПРЕССЫ И ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ХАРБИНЕ****THE STUDY FORMATION AND
DEVELOPMENT OF RUSSIAN LANGUAGE
PRESS AND WRITING IN HARBIN**

Проведен анализ становления и развития русскоязычной прессы, а также творчества русских писателей в КНР с момента возникновения г. Харбин (1886 г.) по 20-е гг. XX в. Исследованы особенности развития журналистики и издательского дела в исследуемый период времени, влияние русской культуры Харбина на развитие и распространение русской эмигрантской периодики и литературно-художественных произведений русских писателей-эмигрантов

Ключевые слова: Харбин, эмигранты, русскоязычная пресса, русская культура, еженедельник «Рубеж», газета «Чураевка», русская периодика, религиозное слово, церковная литература, Центральная библиотека КВЖД, ХСМЛ, А. Несмелов, Н. Резникова

The theoretical analysis on questions of formation and development of Russian-speaking press and activity of writers from the moment of occurrence of city of Harbin (1886) till 20th years of XX century is given. The statistics of development of journalism and publishing during the researched period of time is shown. The special place and a role of a religious word in the art and periodic literature are described. The influence of Harbin's Russian culture on the development and distribution worldwide the extensive Russian periodical press, literary and art products of Russian writers – emigrants is reflected

Key words: Harbin, immigrants, Russian-language press, Russian culture, the weekly «Frontier», newspaper «Churaevka» Russian periodicals, religious word, church literature, Central Library CER HSML, A. Nesmelov, N. Reznikov

Культурное наследие русского зарубежья активно изучается российскими исследователями. Это и проблемы, посвященные изучению литературного и культурного наследия русского зарубежья, и обширный корпус работ, представляющий попытки обобщений в отношении путей и форм социальной адаптации в инокультурной среде, и развитие культурной и научной жизни деятелей русской культуры, и роль и место российской эмиграции в современном культурном и историческом процессе и т.д.

Результатом интенсификации научных исследований стало появление многочисленной справочной литературы, монографий, статей, учебников и учебных пособий

по литературе и культуре русского зарубежья.

Тем не менее, в истории русской эмиграции все еще остаются «белые пятна», одним из которых является вклад в возникновение, развитие и распространение русскоязычной прессы и художественно-литературных произведений как важнейших элементов русской культуры в эмиграции Харбина в период с 1896 по 20-е гг. XX в.

Актуальность исследования определяется назревшей в гуманитарных науках необходимостью проанализировать и обобщить накопленный эмпирический материал, связанный с характером становления русской культуры в Харбине, а также важ-

ностью выявления содержательных доминант ее развития в 1896 – 20-е гг. XX в.

При проведении исследований проводился анализ источников (прессы и мемуаров) по становлению, развитию и распространению русскоязычной прессы и литературно-художественного наследия как значимого наследия русской культуры Харбина с 1896 по 20-е гг. XX в.

Основными письменными источниками, отражающими развитие русскоязычной прессы, можно назвать следующие периодические и справочные издания русской восточной эмиграции, выходившие главным образом в Харбине: «Новости жизни», «Рубеж», «Луч Азии», «Русское слово», «Русский голос», «Вестник Маньчжурии», «Маньчжурия», «Свет», «Сибирская жизнь», «Хлеб небесный», «Весь Харбин на 1923 г.», «Коммерческий указатель Великого Харбина, 1933 г.» и др.

Среди художественных и мемуарных произведений русских эмигрантов в Китае можно назвать творения: А. Несмелова, В. Логинова, Б. Дальнего, Л. Хаиндровой, Л. Дземешкевич, И.И. и А.Н. Серебренниковых, О. Лайиль-Ильиной, Н.И. Ильиной, а также письма и рукописные воспоминания бывших русских харбинцев Т.И. Золотаревой (Сидней, Австралия), В.С. Стаценко (Сидней, Австралия), Т.В. Жилевич (Мельбурн, Австралия), Т.Н. Малеевской (Брисбен, Австралия), Т.Н. Федоровой (Харбин, Китай), Н. Бродянова (Филадельфия, США) и др. Единичные номера газет и журналов, изданных в XX в. в Харбине, хранятся в фонде «Русское зарубежье» Российской государственной библиотеки и в Государственном архиве Российской Федерации.

С 1896 по 20-е гг. XX в. русские эмигранты выпускали сотни газет и журналов в Китае. До наших дней сохранилось более 500, дающих реальный материал для исследования. Вероятно, имелись издания, которые пока не обнаружены. Эти ценнейшие исторические материалы дают прекрасные свидетельства для истории.

Русскоязычная пресса развивалась в г. Харбин на протяжении более полувека

(1898-1956 гг.). В 1898 г. вышел первый номер журнала под названием «Харбин» [6].

Обширная русская периодика издавалась в Харбине начиная с 1899 г. Среди харбинских периодических изданий на русском языке были газеты и журналы разной направленности: общественно-политические, беспартийные, литературно-художественные, религиозные, научные, детские, женские и др.

В Харбине процветало русское книгоиздательство: выпускались учебники, детские книги, художественная и научная литература. Для соблюдения качества русской издательской продукции в Харбине существовала цензура печати. По существу, в Харбине находилось наибольшее число русских типографий в Китае [8].

Литературно-художественной периодики у русской эмиграции было множество [7]. Еженедельник «Рубеж» начал выходить 22 августа 1926 г. и закрылся в августе 1945 г. – в течение 20 лет вышло более 800 номеров. По сравнению с другими изданиями такого профиля он выходил наиболее долгий срок, создал вокруг себя читательский актив и распространялся в наиболее широких масштабах. Штаб-квартира «Рубежа» находилась в Харбине. Одновременно он печатался в Шанхае и в Тяньцзине. Имел аккредитованных корреспондентов не только в Китае, но и в Риме, Париже, Сан-Франциско. Ему постоянно посылали свои произведения русские писатели-эмигранты из разных концов мира, в нем печатались почти все прозаики и поэты из харбинской русской эмиграции. Популярности его среди читателей способствовало богатство содержания и искусное оформление. Кроме «Рубежа» имелись и другие влиятельные газеты и журналы: ежемесячная литературная газета «Чураевка», неперидический сборник «Врата», двухнедельник «Даль». Издавалась в Харбине и детская периодика, как, например, двухнедельник «Василечки», «Журнал детских развлечений», «Игрушка» и другие, из коих наибольшим успехом у эмигрантов пользовался двухнедельник «Ласточка», выходивший в

ярко красной обложке. Он начал издаваться 15 октября 1926 г., просуществовав до середины 40-х гг. Выпускались такие периодические издания по искусству, как еженедельники «Прожектор» и «7 дней», двухнедельник «Гонг». Имелась и такая массовая литература, как юмористический журнал «Веселый обыватель», «Ворот», «Гримасы жизни», «Бамбук», а также «Спорт», «Друг семьи», «Друг юности», «Жизнь и школа», «Архитектура и жизнь», «Коннозаводство и спорт», «Красота и здоровье» и т.д.

В периодике русских эмигрантов был сравнительно высок коэффициент изданий для юношества [7]. Они выпускались для разных возрастов и по разным дисциплинам. Для учащихся средней школы выходили «Друг гимназиста», «Гимназист» (издавался Харбинской мужской гимназией), «Первые шаги», журнал «Пробуждение» (издававшийся Русской католической аристократической семинарией). Для студенчества выходили такие газеты, как «Русский студент», «Высшая школа в Харбине», «Слово молодежи», а также «Дни нашей жизни», издававшаяся группой студентов-беженцев, орган Харбинского коммерческого училища «На школьной скамье», орган Императорского среднего сухопутно-морского военного училища «Юнкер», «Русско-китайский политехнический институт» и др. Имелась периодика для женщин: «Женская газета», двухнедельник «Женщина и жизнь», «Журнал для женщин», «Современная женщина».

Выходила и военная периодика: «Военная мысль», «Инвалид», ежемесячник «Армия и флот», «Мушкетер», «Русский воин» [7]. Имелась еврейская периодика: «Вестник совета Харбинской еврейской общины», «Диаспора и Палестина» (орган Дальневосточного сионистского местного комитета), «К новым берегам» (издание Харбинской женской сионистской организации), «Наша жизнь» (издалась российскими евреями в Шанхае), «Сион» (издался Молодежной сионистской группой), «Наше слово», «Сибирь-Палестина». Выходила казачья периодика: «Казачество в Азии», «Россия и казачество», «Голос казака», «Зов

казака», «Енисейские казаки».

С 1901 г. издавался «Харбинский листок ежедневных телеграмм и объявлений». В Харбине с 1901 по 1926 гг. издавались 58 ежедневных, 12 еженедельных газет и 32 газеты других типов, в общей сложности 102; выпускались 36 еженедельных, 21 полумесячный, 23 месячных журнала и 57 журналов иных типов – в общей сложности 141. То есть, в сумме 243 газеты и журнала [6].

Из периодических изданий, выпускавшихся русскими эмигрантами в Харбине, почти треть газет и журналов выходила в свет менее одного года. Они начинали издаваться и вскоре же закрывались. Из-за краткого времени издания, узкого масштаба распространения, фактов хаоса и перемещения организаций множество ранних изданий русских эмигрантов ныне уже невозможно отыскать [5].

Кроме периодики на русском языке, отдел Управления КВЖД по делам информации и издательства стал выпускать китайскоязычный орган «Юаньдунбао» («Дальневосточную газету») [3]. Эта газета начала выходить 14 марта 1906 г. в Харбине, явившись первой китайскоязычной газетой в Харбине и даже во всем Хэйлуцзянском районе, став важным пропагандистским инструментом царской России. «Юаньдунбао» выходила 15 лет подряд (закрыта 1 марта 1921 г.). Среди других органов печати, выпускавшихся выходцами из России, она обладала наибольшим тиражом и влиянием. Кроме того, имелись и другие китайскоязычные газеты, издававшиеся россиянами в Китае: «Яньдубао» (которую также называли «Яньцзинбао») в Пекине, «Гуаньдунбао» – в Люйшуне, «Шэнцзинбао» – в Шэньяне. Эти газеты получали материальную помощь от Русско-китайского банка.

24 января 1909 г. группа российских китайистов, окончивших Санкт-Петербургский университет и Владивостокский институт Востока, по собственной инициативе образовала в Харбине «Русское общество востоковедения» [3]. Научно-популярное издание «Вестник Азии» стало издавать-

ся в июне 1909 г., тираж вначале составил 500 экземпляров, а с шестого номера достиг 800. В «Вестнике Азии» было опубликовано множество статей о Китае, касавшихся политики, экономики, культуры, истории. Это общество выпускало ряд научных периодических изданий, как то: «Отдел по истории и антропологии при Обществе изучения Маньчжурского края», «Известия Харбинского отделения Императорского общества востоковедения», «Известия Общества изучения Маньчжурского края».

Таким образом, до Октябрьской революции Харбин, как центр сосредоточения выходцев из России, стал центром издания печати выходцев из России [3]. Носителями прогрессивной культуры и активных форм жизни являлись русские, которые стремились избежать ассимиляцию с местным населением, высветить своеобразие своего культурного потенциала. Устремленность к родным истокам порождала издательский бум в Харбине.

С 1917 г. журналистика и издательское дело в Харбине бурно развивались. Согласно статистике, в Харбине в 1920 г. появилось 25 новых периодических изданий, в 1921 г. — 32, в 1922 г. — 30, в 1923 г. — 25, в 1924 г. — 17, в 1925 г. — 31, в 1926 г. — 13. В течение 1901 — 1926 гг. в Харбине издавалось 102 газеты и 141 журнал — то есть выходило в общей сложности 243 периодических издания [7].

Религиозные темы и издания имели особую значимость и ценность в прессе тех лет. В периодике Харбина особое место на всем протяжении ее существования как в специализированных, так и в массовых изданиях занимало религиозное слово [2]. В то же время в России настала эпоха атеизма, и тексты религиозной тематики не создавались и не популяризировались в периодических изданиях. По этой причине в языке метрополии перемещались в пассивный словарный фонд целые пласты высокой и религиозной лексики, продолжавшие оставаться актуальными и активно употребляемыми в языке восточной эмиграции. Это, например, названия церковных праздников, их действий, атрибутов и участников

(Рождество Господа Нашего Иисуса Христа, Рождество Христово, Крещение Господне, Богоявление, хоругвь и др.); названия духовных лиц и чинов, в т. ч. собирательные: епископ, митрополит, архимандрит, владыка, иерей и др.; названия христианских богослужений, обрядов, таинств и их атрибутов: молебен, треба, требоисправление, крещение и др.

Религиозное слово в русской периодике Харбина было облечено в разные жанры:

— в которых церковь в лице духовных чинов обращалась к своей пастве (приветствие, обращение, послание);

— в которых рассказывалось о деятельности церкви и всей православной общины (заметка, репортаж, лирический очерк и др.) [2].

В Харбине выходила в свет церковная литература, периодические православные издания. Среди религиозных газет, кроме «Китайского благовестника», органа китайской православной конфессии, газетой со сравнительно большим влиянием и наиболее длительной историей было в первую очередь религиозно-моральное иллюстрированное издание «Хлеб небесный», основанное в 1926 г. харбинской православной церковью. Его тираж составлял примерно 800 экземпляров. Оно выходило также в США и некоторых европейских странах. В числе составителей кроме священнослужителей были и деятели культуры из русской эмиграции. «Хлеб небесный» закрыт в 1945 г. Имелся журнал «Сеятель», учрежденный в октябре 1920 г. Иверским обществом Харбина, проповедовавшим идею независимого православия. Этот журнал в 1923 г. был передан Харбинской епархии Российской православной церкви, а в 1924 г. закрылся.

В течение 1925 — 1929 гг. православная церковь в Харбине издавала также еженедельник «Путь Христов», в марте 1925 г. — «Веру и жизнь» и приложение к ней «Проповедник», а также «Ревнитель». Изданий от других ветвей христианства также имелось много. Например, «ХСМЛ», издававшийся в 1925-1928 гг. Харбинским христианским сообществом молодых лю-

дей. «Методист», выпускавшийся в 1926 – 1928 гг. в Харбине маньчжурской миссией южной церкви российского христианства. В октябре 1928 г. он переименован в «Утреннюю звезду», а в апреле 1930 г. – в «Христианский поборник» [4]. Миссией Восточно-Сибирского христианского общества в 1922 – 1923 гг. издавался «Церковный вестник», а в 1921 – 1922 гг. – «Голос истины». Либерально-христианская идея в качестве своего органа выпускала еженедельник «Знамя веры». Харбинская миссия российской католической церкви выпускала в 1927-1928 гг. ежемесячник «Крестный путь».

Эмиграционные волны в начале 20-х гг. всколыхнули жизнь Харбина, забурлили политические страсти, стали создаваться различные партии, организации. Возникло много кружков и объединений – литературных, научных, художественных. Появилась сеть библиотек – общественных, частных – с тысячами томов книг и журналов на разных языках [2].

Самым большим книгохранилищем города считалась Центральная библиотека КВЖД, директором которой многие годы был известный политический деятель, сменовеховец Н.В. Устрялов [1]. И здесь харбинцы не изменили российской традиции, назначив на этот пост одного из самых образованных и известных людей. Однако от библиотеки остались лишь воспоминания. Весной 2011 г. мы побывали в ее фондах. Книги расположены на полках бессистемно, а порой и просто свалены кучей на пол. Судя по толстому слою пыли, ими почти не пользуются.

Приток свежих интеллектуальных и творческих сил заметно меняет облик Харбина, иным становится и его статус – степной поселок первопоселенцев, пионеров КВЖД превращается в большой современный город [1]. После 1918 г. его население увеличилось на 200 тыс. чел., в основном за счет беженцев из России, людей самых различных профессий: военных, учителей гимназии и университетских профессоров, журналистов, ученых и т.д.

В отличие от берлинской и пражской

русских колоний здесь все-таки ощущалась провинциальность, не случилось такого количества блистательных имен, зато не так трагично воспринималась оторванность от Родины, ее корней. Окружение было русским, не нужно было приспосабливаться к чужому языку, иным традициям и образу жизни [2].

В 20-е гг. город продолжал строиться, появилось много учебных заведений, в том числе и высших. В это же время в Харбине собираются лучшие артистические силы России, создается балетная школа. Репертуар местной оперы был обширен. В разные годы здесь пели Ф. Шаляпин, С. Лемешев, И. Козловский. Первым музыкальным коллективом Харбина был симфонический оркестр, который появился здесь почти с момента закладки города и просуществовал до 1946 г. [10].

По воспоминаниям старожилов, культурный уровень русского населения Харбина был чрезвычайно высок. Здесь насчитывались десятки школ, гимназий, реальных училищ, где, случалось, преподавали приват-доценты и даже профессора. Молодежь стремилась учиться, почти не было юношей и девушек, которые бы не имели среднего образования. В программу обучения входили физика, химия и математика. Всего же предметов было около тридцати. Особое внимание обращалось на преподавание литературы, истории и русского языка. Выпускники харбинских гимназий, как когда-то лицеисты, обязаны были знать теорию стихосложения [11].

В коммерческих училищах, гимназии Христианского Союза Молодых Людей (ХСМЛ), гимназии им. Ф.М. Достоевского, в Реальном училище под руководством преподавателей старшекласники издавали литературные журналы [4].

Высокий уровень гуманитарного образования в школах и вузах Харбина во многом, очевидно, обусловил его богатую и разнообразную литературно-художественную жизнь. Здесь было много талантливых поэтов и журналистов, создавших при Христианском союзе молодых людей литературное объединение под названием «Мо-

лодая Чураевка». Широко известный всем на Дальнем Востоке журнал «Рубеж» охотно предоставлял им свои страницы. Чаще всех публиковались Н. Резникова, а также А. Несмелов, который, кроме великолепных стихов, был также автором коротких рассказов [4].

В наследии большого мастера жизнь и творчество неразделимы. В творчестве А. Несмелова Харбин сыграл важную роль. И немногочисленные русские, что остались в этом городе, все еще помнят о поэте как о своеобразном и очень талантливом человеке. Его творчество — это особая «харбинская нота» в литературном наследии русского зарубежья [8].

Арсений Несмелов — псевдоним А.И. Митропольского, кадрового офицера, отважно сражавшегося под царскими, а затем и под белыми знаменами [9]. Книги, изданные им в Харбине, неизвестны, за небольшим исключением, российскому читателю. В ранней отечественной периодике сохранилось лишь несколько рецензий на его сборник «Ступени». Не прошла незамеченной эта книга для Б. Пастернака, тепло отозвавшегося о ней [7].

Таким образом, в результате анализа основных тенденций становления и развития русскоязычной прессы и писательской деятельности в Харбине выяснено, что основными письменными источниками, отражающими развитие русскоязычной прессы, являются периодические и справочные из-

дания русской восточной эмиграции, выходявшие главным образом в Харбине.

След библиотечных собраний на русском языке можно отыскать в крупнейших хранилищах Китая. В Шанхайской библиотеке хранятся русские печатные издания, в том числе и экземпляры периодики (газеты «Слово», «Шанхайская заря»). Пекинская государственная библиотека (ПГБ) постоянно пополняла свое русское собрание, принимая книги, хранившиеся ранее в небольших эмигрантских библиотеках. Судьба самой богатой русской библиотеки КВЖД до сих пор не прояснена. Архив ее был уничтожен в 20-х гг., часть книг обнаружена в ПГБ, часть уцелевших фондов находится в Харбине в плохих условиях. Помимо специальной, научной и общепопулярной литературы, там находились и экземпляры редчайших эмигрантских изданий, зачастую отпечатанные на деньги авторов крошечными тиражами. Хэйлунцзянский государственный университет, прародителем которого было Училище русского языка, сохранил в своих стенах не только учебные фонды, но и многочисленную продукцию русских харбинских издательств и часть библиотеки КВЖД. В Хэйлунцзянской провинциальной библиотеке тоже есть уцелевшие остатки эмигрантской печати. Основные русские фонды все еще остаются засекреченными с санкции правительства КНР, и получить к ним доступ невозможно.

Литература

1. Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). — М.: НП ИД «Русская панорама», 2004. — С. 61.
2. Карпухин О. Русский исход в Китае // Простор. — Алма-Ата, 1991. — № 11. — С. 163-170.
3. Мелихов Г.В. Маньчжурия далекая и близкая. — М.: Наука, 1991. — С. 139.
4. Мелихов Г.В. Христианский союз молодых людей в Харбине // Пробл. Дал. Востока. — М., 1996. — № 6. — С. 121-122.
5. Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Китае, 1917 — 1924 гг. — М., 1997. — 245 с.
6. Мясников В. Русская печать в Китае // И не распалась связь времен...: К 100-летию со дня рождения П. Е. Скачкова. — М., 1993. — С. 284-294.
7. Оглезнева Е.А. Русская периодика восточного зарубежья в первой половине и середине XX в.: о динамике общественно-политического дискурса // Вестник Томского государственного университета, 2008. — № 314. — С. 26-33.

8. Пайчадзе С.А. Русская книга в Китае // Книжное дело на Дальнем Востоке. – Новосибирск, 1991. – С. 148-190.
9. Резникова Н. В русском Харбине // Новый журнал. – М., 1988. – С. 172-173.
10. Таскина Е.П. Неизвестный Харбин. – М., 1994. – 159 с.
11. Таскина Е.П. Русский Харбин. – М., 1998. – 272 с.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Ван Кэвэнь, аспирант, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского (ЗаБГГПУ)
zouhong@mail.ru

Wang Keven, post-graduate, Zabaikalsky State Humanitarian-Pedagogical University named after NG Chernyshevsky

Научные интересы: русская культура, эмигранты, Харбин

Scientific interests: Russian culture, immigrants, Harbin

Юридические науки

УДК 3 47. 4

Бянкина Анна Михайловна

Anna Byankina

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ОСНОВАНИЙ ОСВОБОЖДЕНИЯ ПЕРЕВОЗЧИКА ОТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ДОГОВОРУ ПЕРЕВОЗКИ ГРУЗА В СООТВЕТСТВИИ С РОССИЙСКИМ, КИТАЙСКИМ И МОНГОЛЬСКИМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ

THE RATHER-LEGAL ANALYSIS OF THE BASES OF CLEARING CARRIER FROM RESPONSIBILITY UNDER THE CONTRACT OF A CARGO'S TRANSPORTATION ACCORDING TO THE RUSSIAN, CHINESE AND MONGOLIAN LEGISLATION

Статья посвящена исследованию оснований освобождения перевозчика от ответственности по договору перевозки груза. Перечень оснований рассмотрен в ключе сравнительного анализа положений гражданского законодательства России, Китая и Монголии

The article is devoted to the research of clearing carrier bases from the responsibility under the contract of a cargo's transportation. The list of the bases is considered from the point of view of Russia, China and Mongolia legislation rules' comparative analysis

Ключевые слова: договор, перевозка, законодательство, груз, ответственность, перевозчик, транспортное средство

Key words: contract, transportation, legislation, addressee, sender, responsibility, cargo

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект № 10-03-00494a

Исследователи отмечают, что роль Азиатско-Тихоокеанского региона ежегодно возрастает. В связи с этим необходимы сравнительные исследования правовых систем государств, входящих в данный регион. Вопросы права государств Азиатско-Тихоокеанского региона нашли отражение в работах А.В. Юровского, Н.Н. Ныровой, С.Г. Лузянина, В.В. Грайворонского, Л.М. Гудошникова, Е.Г. Пашенко, О.Л. Беляв-

ской, И.Н. Баранник и др. Среди китаеведов и монголоведов можно отметить работы Лян Минь Янь, Л. Болор-Эрдэнэ, Ю.Н. Кручкина, Ян Сюеци, У Ган, Лю Хун Янь, Цзян Хуэйлинь, Цуй Мань и др. Однако успех политического, экономического, культурного взаимодействия между странами данного региона во многом предопределяется тем, насколько хорошо разработана правовая база такого сотрудничества. В связи с этим сравнительно-правовые исследования правовых систем государств, входящих в регион, не потеряют своей актуальности, несмотря на то, что традиционно «азиатс-

кому праву» уделяют значительно меньше внимания, чем романо-германскому, англо-саксонскому и исламскому. Законодательство разных государств по-разному регулирует сферу частноправовых отношений под влиянием разнообразных факторов, поэтому представляется важным провести анализ и сравнение оснований освобождения перевозчика от ответственности по договору перевозки груза на основании гражданского законодательства России, Китая и Монголии.

Договор перевозки грузов по Гражданскому кодексу (далее по тексту – ГК) РФ представляет соглашение, по которому «перевозчик обязуется доставить вверенный ему отправителем груз в пункт назначения и выдать его управомоченному на получение груза лицу (получателю), а отправитель обязуется уплатить за перевозку груза установленную плату» (п. 1. ст. 785) [1]. В соответствии со ст. 288 Закона Китая «О договорах», части II, под договором перевозки понимается договор, по которому «перевозчик обязуется перевезти пассажира или груз в указанных в договоре из пункта отправления в пункт назначения, а пассажир, грузоотправитель или грузополучатель обязуется оплатить стоимость перевозки или билета» [4]. В данном случае норма китайского законодательства является более общей, так как охватывает как договор перевозки пассажира, так и груза. Определение же договору перевозки пассажира содержится в п. 1 ст. 786 ГК РФ [1].

В отношении определения предмета договора нормы совпадают, и соответственно, предмет договора перевозки будет заключаться в доставке вверенного перевозчику груза в конкретный пункт назначения и, согласно российской норме, выдаче его там управомоченному на получение лицу, норма китайского законодательства не содержит указания относительно выдачи груза. Цель договора – доставить вверенный груз в пункт назначения. Монгольское законодательство, согласно ст. 380.1 Гражданского закона (далее по тексту – ГЗ) Монголии, предусматривает, что «по договору перевозки перевозчик обязан доставить пасса-

жиров либо груз в место назначения, а отправитель обязан оплатить согласованное вознаграждение» [2]. Таким образом, монгольское законодательство также не содержит условия о выдаче груза, в отличие от нормы российского законодательства; и в сопоставлении с положениями китайского закона субъективный состав по оплате услуг перевозчика более узок и включает только отправителя, что совпадает с положениями российского законодательства, но является более узким в сравнении с китайским, положения которого предусматривают возможность оплаты и для грузополучателя. Монгольское законодательство, в отличие от российского, как и китайский закон, охватывает правовой нормой перевозку пассажира и груза.

Российское законодательство в соответствии со ст. 784 ГК РФ определяет, что общие условия по перевозке регламентируются транспортными уставами, кодексами и иными правилами, которые выступают специальным законодательством, регламентирующим процесс перевозки для каждого вида транспорта. Монгольское законодательство также предусматривает подобную норму, в частности, ст. 380. 2 ГЗ Монголии предусматривает, что «условия перевозки пассажиров либо грузов, ответственность сторон относительно перевозки определяются законом и соответствующими законам уставами (инструкциями) определенных видов транспорта». Закон Китая «О договорах» такой отсылочной нормы не содержит.

Несмотря на установление презумпции вины перевозчика, гражданским законодательством государств установлены типовые основания освобождения перевозчика от ответственности. В соответствии со ст. 311 Закона Китая «О договорах» «в случае возникновения ответственности перевозчика по возмещению в связи с порчей, гибелью груза в процессе перевозки он не несет ответственности, если предоставит документы, подтверждающие, что порча, гибель груза произошли из-за непреодолимой силы, природных свойств самого груза либо из-за его разумных потерь, а также по

вине управомоченного лица, получателя» [4]. ГК РФ в ст. 796 также предусматривает, что перевозчик несет ответственность, если «не докажет, что утрата, недостача или повреждение (порча) груза или багажа произошли вследствие обстоятельств, которые перевозчик не мог предотвратить и устранение которых от него не зависело» [1].

Российское транспортное законодательство в качестве оснований освобождения перевозчика от ответственности называет, например для автомобильного транспорта, непреодолимую силу, временные ограничения или запрет движения транспортных средств по автомобильным дорогам, введенных в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, по независящим от перевозчика причинам, а также по иным причинам, в данном случае перечень оснований остается открытым (ст. 36 Устава автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта) [4]. В этом случае норма специального транспортного российского законодательства поддается расширительному толкованию и может предусматривать иные условия (нормы естественной убыли, вину управомоченного лица и т.д.). Таким образом, норма ГК РФ является более общей в сравнении с нормой китайского законодательства. Однако при этом нормы ответственности более полно раскрыты в транспортных уставах и кодексах России.

Согласно ст. 393.2 ГЗ Монголии «перевозчик освобождается от ответственности, если утрата, недостача, повреждение или просрочка доставки груза произошли по вине полномочного лица или вследствие исполнения его указаний, или если у перевозчика не было возможности заблаговременно устранить приведенные обстоятельства и их последствия» [2]. Как уже было указано, законы Китая и России также предусматривают условие о снятии ответственности с перевозчика при наличии вины уполномоченного лица. В силу ст. 393 ГЗ Монголии перевозчик освобождается от ответственности при утрате, недостаче или повреждении груза: «если стороны непосредственно согласовали и отметили в на-

кладной применение открытого транспортного средства; если груз был без упаковки или в упаковке плохого качества; если осмотр, погрузка либо разгрузка груза были проведены отправителем, получателем или представляющим их третьим лицом; в зависимости от особенностей определенного вида груза была опасность частичного или полного их повреждения в результате поломки, коррозии, усушки, износа, пролития, естественных потерь или воздействия грызунов; нумерация или отметки перевозимого груза не отвечали требованиям; при перевозке животных» [2]. Однако если причина нанесения вреда иная, то за вред отвечает перевозчик. В данном случае перечень оснований более широкий, чем это предусмотрено законодательством Китая и России. Имеется условие о «воздействии грызунов», так как международные нормативные правовые акты, регулирующие транспортную деятельность, включают его в перечень оснований освобождения от ответственности перевозчика. В законодательстве России такое условие отсутствует.

Ответственность перевозчика наступает не только при исполнении уже заключенного договора перевозки, но и на этапе совершения определенных действий, связанных с организацией перевозок. В соответствии с п. 2 ст. 794 ГК РФ перевозчик, как и отправитель груза, освобождается от ответственности в случае неподачи транспортных средств либо неиспользования уже поданных транспортных средств, если это произошло вследствие непреодолимой силы, а также иных явлений стихийного характера (пожаров, заносов, наводнений) и военных действий; прекращения или ограничения перевозки грузов в определенных направлениях, установленных в порядке, предусмотренном соответствующим транспортным уставом или кодексом; а также в иных случаях. Монгольское и китайское законодательства не предусматривают оснований освобождения перевозчика от ответственности непосредственно в случаях, возникающих при подаче транспортных средств либо неиспользовании по назначению уже поданных транспортных средств.

На основе проведенного сравнительного анализа можно отметить следующее.

1. Основания освобождения перевозчика от ответственности предусмотрены законодательством всех рассматриваемых государств (России, Китая, Монголии).

2. Российское и монгольское гражданское законодательство включает отсылочные нормы к транспортному законодательству, более детально регулирующему вопросы, связанные с перевозкой груза. Законодательство Китая таких отсылочных норм не содержит.

3. Нормы содержательно схожи. Однако российский законодатель в ГК РФ дает лишь общие положения о перевозке, а детально все вопросы регламентируются транспортным законодательством. Китай-

ское и монгольское гражданское законодательство, по возможности, включает не только общие правовые нормы, но и специальные нормы по регулированию договора перевозки по всем видам транспорта, в частности, перечень оснований освобождения перевозчика от ответственности.

4. Близость содержания правовых норм определяет тенденцию к унификации права, тем более, что широкий спектр всестороннего сотрудничества с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона требует целенаправленного исследования права данных государств, особенностей и различий в правовых системах. Это особенно актуально в настоящее время, когда вектор геополитических взглядов постепенно смещается на Восток.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть II) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (с пос. изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

2. Гражданский закон Монголии (ГК Монголии, был принят в 1994 г. ВГХ Монголии, вступил в силу 1 января 1995 г.) // В кн.: Кручкин Юрий (Аюур). Монголия. Энциклопедический справочник / Юрий Кручкин (Аюур). – Москва-Улан-Батор, 2005. – 967 с.

3. Закон КНР «О договорах» часть II (Принят 2-й сессией ВСНП девятого созыва 15 марта 1999 г.) // Неофициальный перевод с китайского языка.

4. Федеральный закон «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта» от 8 ноября 2007 г. № 259-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 46. – Ст. 5555.

Коротко об авторе

Бянкина А.М., ст. преподаватель кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского, аспирантка Хабаровской академии экономики и права
eleon-84@mail.ru

Научные интересы: гражданское право, международное частное право, транспортное право, компаративистика («азиатское направление»)

Briefly about the author

A. Byankina, senior teacher, civil law and process department, Zabaikalsky state humanitarian and pedagogical university named after N.G. Chernyshevsky, the post-graduate student, Khabarovsk academy of economy and right

Scientific interests: civil law, international private law, transport right, comparative law («the Asian direction»)

УДК 343

Дондоков Тимур Цыренович
Timur Dondokov

ОБРАЩЕНИЕ ПРОКУРОРА С ЗАЯВЛЕНИЕМ ПО ДЕЛУ О ЗАЩИТЕ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН

PROSECUTOR'S APPEAL STATEMENT ON THE CASE OF PROTECTING RIGHTS AND FREEDOMS

Статья посвящена участию прокуроров в гражданском процессе по защите прав и свобод граждан, их полномочиям в процессе. Рассматриваются формы и проблемы участия прокурора в гражданском процессе, требования к исковому заявлению, подаваемому прокурором

Ключевые слова: прокуратура Российской Федерации, гражданский процесс, защита прав и свобод, исковое судопроизводство, суды общей юрисдикции

This article focuses on the participation of prosecutors in the courts to protect rights and freedoms of citizens. It examines forms and problems of participation of a prosecutor in civil proceedings, the requirements to the claim presented by the prosecutor

Key words: prosecutor of the Russian Federation, protection of the rights and freedoms, civil process, adversary justice, courts of general jurisdiction

Исходя из требований ст.ст. 2, 18 Конституции РФ, смысл деятельности государственных органов, к числу которых относится и прокуратура, заключается в реализации прав и свобод человека и гражданина. Поэтому участие прокурора в гражданском процессе необходимо связать с обращениями конкретных граждан и общественных организаций по поводу устранения их нарушенных прав. Только в этом случае деятельность прокуратуры будет подчинена решению названных конституционных задач.

По мнению ряда авторов, «отсутствие ограничений на участие прокурора в гражданских делах в ГПК означает также его участие на всех стадиях гражданского судопроизводства» [1]. При этом, как известно, в теории гражданского процесса не выработано единого подхода к определению понятия «стадия гражданского процесса» (через существенные признаки – родовые и видовые). Исходя из этого, будем рассматривать

участие прокурора в гражданском процессе не на основе стадий гражданского процесса, а на основе инстанций.

Нормы гражданского процессуального законодательства свидетельствуют о четырех инстанциях при рассмотрении гражданских дел:

- 1) первой;
- 2) апелляционной;
- 3) кассационной;
- 4) надзорной.

В соответствии с п. 3 ст. 35 Закона о прокуратуре и ст. 45 ГПК РФ прокурор вправе участвовать в гражданском процессе в двух формах:

- 1) путем обращения в суд с исковым заявлением;
- 2) путем вступления в процесс с и дачи заключения по определенной категории гражданских дел.

В рамках данной статьи мы проанализируем первую форму участия прокурора в гражданском процессе, а именно обраще-

ние в суд с исковым заявлением.

Понятие «право на судебную защиту» появилось в науке гражданского процессуального права давно, как отмечала Л.А. Ванеева, оно характеризуется отсутствием единства смыслового значения [2]. Одни авторы рассматривают право на судебную защиту как субъективное материальное право, т.е. как право на получение защиты, средством реализации которого является право на обращение за судебной защитой [3]. Другие авторы право на судебную защиту полностью отождествляют с правом на обращение за судебной защитой [4].

Однако, как указывает в своей работе Г.Л. Осокина, приведенные точки зрения односторонне характеризуют сущность права на судебную защиту потому, что игнорируют либо процессуальный элемент (когда право на судебную защиту отождествляется с правом на получение защиты), либо материально-правовой элемент (когда право на защиту отождествляется с правом на обращение за защитой) [5].

Чтобы иметь право на судебную защиту в смысле права на ее получение, нужно иметь право на обращение к суду за защитой. Наличие же у заинтересованного лица права на обращение за судебной защитой само по себе не в состоянии гарантировать ее получение. В связи с этим представляется правильным мнение А.А. Добровольского, который рассматривает право на судебную защиту в двух аспектах: как право на обращение за защитой и право на получение защиты [6]. То есть право на судебную защиту является более общим понятием по отношению к понятиям «право на обращение за защитой» и «право на получение защиты».

По своей структуре право на иск как право на судебную защиту в иском производстве состоит из права на предъявление иска и права на удовлетворение иска. При этом одни авторы рассматривают право на иск как неразрывное, органическое единство двух правомочий: права на предъявление иска и права на его удовлетворение [7]. Другие авторы предлагают рассматривать право на иск в двух самостоятельных

аспектах: в процессуальном и материально-правовом. При этом под правом на иск в процессуальном смысле понимается право на предъявление иска, а под правом на иск в материально-правовом смысле понимается право на удовлетворение иска [8].

Вхождение прокурора в гражданский процесс на условиях соблюдения принципа равноправия сторон не лишает его особого правового статуса как представителя единой федеральной централизованной системы органов, действующей в целях обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, охраняемых законом интересов общества и государства [9]. Как уже отмечалось, интерес прокурора в гражданском процессе носит публичный характер и сосредоточен на реализации одной из важных государственных функций – надзора за соблюдением законности. А также укрепление правопорядка в стране, защита прав и свобод, законных интересов граждан, публичных интересов государства, пресечение любых фактов нарушения законов всеми имеющимися у него средствами, которыми он наделен законом, в том числе и путем использования гражданско-правовых средств [10].

Анализ положений ст. 45 ГПК РФ показывает, что прокурору предоставлено право обращаться в суд с иском в защиту прав, свобод и охраняемых законом интересов других лиц или неопределенного круга лиц, если этого требует охрана прав, свобод и интересов граждан, общественных, либо государственных интересов. При этом ст. 45 ГПК РФ содержит оговорку о том, что иск в защиту прав, свобод и охраняемых законом интересов гражданина может быть предъявлен прокурором лишь по просьбе заинтересованного лица, если оно само по уважительным причинам не может обратиться в суд.

Таким образом, в отличие от ст. 41 ГПК 1964 г., в действующем Кодексе определен круг лиц, права и законные интересы которых защищает прокурор путем возбуждения дела. К их числу относятся:

1) граждане, которые не могут само-

стоятельно защитить свои интересы по ряду причин (здоровье, возраст, недееспособность и т.д.);

2) неопределенный круг лиц. Защита данной категории лиц наиболее соответствует социальному назначению прокуратуры, в частности, путем признания не соответствующими закону правовых актов, в том числе и нормативного характера. Нередко прокуроры оспаривают незаконные нормативные акты законодательных органов и руководителей исполнительной власти субъектов РФ [11].

Значимость данной процессуальной деятельности прокурора нашла подтверждение в Постановлении Конституционного Суда РФ от 11 апреля 2000 г. № 6-п по делу о проверке конституционности отдельных положений п. 2 ст. 1, п. 1 ст. 21 и п. 3 ст. 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с запросом Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ [12].

Прокурор вправе обращаться с заявлениями в суд и в других случаях необходимости защиты неопределенного круга лиц, например, для прекращения промышленного производства, причиняющего вред здоровью неопределенного числа лиц или загрязняющего природу, окружающую среду в целом;

3) публичные образования (Российская Федерация и ее субъекты, муниципальные образования). Речь может идти о признании недействительными сделок, которыми нарушены права указанных субъектов, в частности, в процессе приватизации. В исковом заявлении, предъявляемом прокурором в защиту интересов РФ, субъектов РФ, муниципальных образований или в защиту прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц, должно быть указано, в чем конкретно заключаются их интересы, какое право нарушено, а также должна содержаться ссылка на закон или иной нормативный правовой акт, предусматривающие способы защиты этих интересов.

Анализ статистических данных по России о работе прокуроров по предъявлению

исков (заявлений) в суды общей юрисдикции свидетельствует об активной деятельности прокуроров по предъявлению в суды исков (заявлений), в том числе заявлений о признании незаконными актов государственных и иных органов, нарушающих права граждан, в соответствии с предоставленными им полномочиями. При этом основная масса обращений прокурора в суд касается защиты нарушенных прав граждан. Значительное количество исков и заявлений направляются прокурорами в защиту прав несовершеннолетних: по фактам невыплат пособий на содержание детей, нарушений их жилищных прав, связанных с незаконной приватизацией жилых помещений и их куплей-продажей, нарушений, связанных с усыновлением, в том числе международным, и др.

Справедливо отмечает В.В. Тараненко, «за цифрами стоят судьбы людей, огромная работа, проводимая органами прокуратуры по соблюдению законности в стране» [13]. Согласно приведенным данным в докладе Уполномоченного по правам человека РФ за 2010 г., 50 % всех поданных жалоб — это жалобы на нарушение личных (гражданских) прав. Из них 50 % жалоб были поданы на нарушение права на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство [14]. Поэтому, когда некоторые ученые-юристы и практики высказывают свои мнения по ограничению полномочий прокурора в гражданском и арбитражном судопроизводстве, они не всегда учитывают реальные потребности общества и наличие тех негативных факторов, которыми определяются эти потребности.

Итак, определившись с социальной значимостью такого явления, как предъявление иска прокурором, проанализируем более подробно содержание искового заявления прокурора.

В соответствии со ст. 27 Закона о Прокуратуре РФ, а также ч. 1 ст. 45, ГПК РФ прокурор обязан предъявить иск и поддерживать его в суде в случае нарушения прав человека или гражданина, когда пострадавший по состоянию здоровья (например, недееспособный, инвалид), возрас-

ту (пожилой, несовершеннолетний) или иным причинам (например, неимущий, многодетный, одинокий родитель и др.) не может лично отстаивать свои права и свободы, когда нарушены права и свободы значительного числа граждан (безработные, беженцы и др.), либо в силу каких-либо обстоятельств нарушение приобрело особое общественное значение [15].

Подаявая заявление в интересах физического лица, прокурор обязан в нем обосновать причины, по которым гражданин сам не может воспользоваться правом на подачу иска (ч. 3 ст. 131 ГПК). В противном случае суд отказывает ему в принятии искового заявления.

Иск в защиту недееспособного гражданина может быть предъявлен прокурором независимо от просьбы заинтересованного лица. По мнению Н.М. Коршунова, «это значительное отступление от публичного начала в гражданском процессе продолжает общую тенденцию усиления роли состязательности и диспозитивности в российском гражданском процессе» [16].

Видимо такая норма крайне слабо согласуется с запретом ст. 21 Конституции РФ: «никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным и иным опытам». Ведь это право не подлежит ограничению и распространяется на всех, включая лиц, которые в силу психического расстройства не могут понимать значение своих действий и руководить ими.

Следует учитывать, что в большинстве случаев в качестве законных представителей недееспособных выступают представители администрации учреждения, в котором эти лица содержатся. Нельзя к тому же забывать и о правовой позиции Конституционного Суда России и Европейского Суда по правам человека [17], согласно которой лицо, признанное невменяемым, сохраняет свое право на справедливое судебное разбирательство при решении вопроса о недобровольной госпитализации.

Норма ч. 7 ст. 43 Федерального закона «Об обращении лекарственных средств», таким образом, явно принята вопреки этой позиции, опирающейся на такие основопо-

лагающие документы в этой области, как Принципы защиты психически больных лиц и улучшения психиатрической помощи, принятые 17 декабря 1991 г. Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 46/119.

Развитие фармакологии невозможно без испытания новых лекарственных средств, в том числе и на недееспособных пациентах. Однако вопрос об этом, по мнению Уполномоченного по правам человека РФ, должен решаться в судебном заседании с участием самого пациента, а не только его законных представителей. Именно суд должен сделать все от него зависящее для того, чтобы выяснить волю пациента, равно как и изучить доводы его законных представителей. Испытание новых лекарств на недееспособном пациенте — дело чрезвычайно серьезное. Поэтому никакие предусмотренные законом меры повышения ответственности и добросовестности его законных представителей из числа медицинских работников не будут лишними.

Предвидя возражения о недопустимости возложения на суд решения медицинских вопросов, Уполномоченный подчеркивает, что в данном случае речь идет о правовой категории, включенной в перечень конституционных прав, — защите от бесчеловечного обращения и недобровольных опытов. Обеспечение реализации этого права без какой-либо дискриминации, в том числе в отношении недееспособных (невменяемых) лиц, возложено именно на суд.

В докладе Уполномоченного по правам человека в РФ отмечено, что граждане, страдающие психическими расстройствами, являются одной из самых уязвимых в правовом отношении категорий населения страны. По данным Министерства здравоохранения и социального развития РФ, за последние десятилетия число инвалидов вследствие психических расстройств значительно возросло. Абсолютное их большинство являются инвалидами 1-й и 2-й групп. Большинству граждан, а в особенности социально незащищенным слоям населения — инвалидам, пенсионерам и т.д., — правовая помощь непосильна. Защита прав лиц, принадлежащих к социально уязвимым

группам населения, должна стать одним из приоритетов в социальной политике РФ в области прав человека [14]. Гражданин сегодня практически оставлен один на один в борьбе с хорошо налаженным бюрократическим аппаратом, махинациями работодателей, недобросовестных производителей и т.д. [13; С. 131-136].

Помимо этого, Приказом Генерального прокурора РФ от 5 января 1997 г. № 1 [18] на прокурора возложена обязанность возбуждать в судах дела, если спор приобрел государственную или общественную значимость, имеет принципиальный характер, затрагивает интересы регионов, значительной части населения или крупных трудовых коллективов.

Требования, предъявляемые к исковому заявлению, закреплены в ст. 131 ГПК РФ. Исковое заявление подписывается прокурором или лицом, исполняющим его обязанности. Аналогичные требования предъявляются и к встречному исковому заявлению, которое в соответствии со ст. 137 может быть предъявлено ответчиком только к истцу [19].

Прокурор, предъявивший иск, несет ряд обязанностей:

- ссылаться на закон или иной нормативный акт, подлежащий применению по предъявленному иску;
- указывать, в чем конкретно заключаются интересы России, субъектов Федерации, муниципальных образований или неопределенного круга лиц;
- указывать, какое право нарушено.

При подготовке и оформлении исков и заявлений прокурор обязан обеспечить их полноту и аргументацию, предъявлять в суд необходимые и исчерпывающие доказательства, учитывая, что в соответствии с процессуальным законодательством каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений [16; С. 103].

Прежде чем предъявить исковое заявление, прокурор должен выяснить материально-правовые и процессуальные вопросы, относящиеся к исковому заявлению, а

именно определить:

- 1) лиц, которые будут выступать в качестве истца и ответчика по делу, а также иных заинтересованных лиц;
- 2) подведомственность и подсудность дела;
- 3) условия, необходимые для осуществления права на исковое заявление;
- 4) круг доказательств, подтверждающих факт основания искового заявления.

Прокурор вправе обращаться с любым подведомственным и подсудным суду иском, не подменяя, однако, самих заинтересованных лиц. Как упоминалось, в соответствии с принципом диспозитивности последние сами должны заботиться о защите своих прав и охраняемых интересов.

На прокуроре лежит бремя доказывания в суде его требований, поскольку такая обязанность возложена на него в силу состязательного характера процесса [20].

При обращении в суд с заявлением прокурорам необходимо учитывать, что в соответствии со ст. 56 ГПК РФ каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений, то есть обеспечивать полноту и аргументированность заявлений с представлением исчерпывающих доказательств.

После наименования суда, в который подается иск, в заявлении указывается, от какого прокурора оно исходит. Поскольку сам прокурор не является истцом, а вступает в защиту интересов гражданина, в качестве истца в искомом заявлении указывается лицо, в интересах которого прокурором предъявлен иск.

Исковое заявление подписывается истцом или его представителем при наличии у него полномочий на подписание заявления и предъявление его в суд [21]. К заявлению прилагаются документы, перечисленные в ст. 132 ГПК РФ.

При этом судебная практика показывает, что прокуроры зачастую вовсе не указывают истца либо путают истца с третьим лицом, что является нарушением требований ст. 131 ГПК РФ. Последствием таких ошибок является оставление искового заяв-

ления без движения, что в конечном итоге ведет к затягиванию процесса.

Разумеется, что ошибки в гражданском судопроизводстве допускают не только прокуроры. В соответствии с положениями Информационного Письма Генпрокуратуры РФ от 27.01.2003 № 8-15-2003 «О некоторых вопросах участия прокурора в гражданском процессе, связанных с принятием и введением в действие ГПК РФ» прокуроры должны: «Своевременно реагировать на допущенные судом ошибки. Незаконные и необоснованные судебные постановления по делам, рассмотренным с участием прокурора, опротестовывать в кассационном порядке, по основаниям, предусмотренным требованиями ст. 362 – 365 ГПК РФ [22].

В процессе, возбужденном по его иску, участие прокурора обязательно. Процессуальный закон требует, чтобы лицо, в интересах которого начато дело по заявлению прокурора, извещалось о начавшемся в его интересах процессе и участвовало в нем в качестве истца (ч. 2 ст. 38 ГПК РФ). Прокурор не связан в процессе ни своей позицией при предъявлении иска, ни интересами лица, права и свободы которого нарушены. Руководствуясь только законом и приходя к выводу, что требования, предъявленные им, незаконны или необоснованны, он не только вправе, но и обязан как блюститель законности отказаться от иска полностью или в необоснованной его части.

В случае отказа прокурора от заявления, поданного в защиту законных интересов другого лица, рассмотрение дела по существу продолжается, если это лицо или его законный представитель не заявит об отказе от иска. При отказе истца от иска суд прекращает производство по делу, если это не противоречит закону или не нарушает права и законные интересы других лиц.

Остановимся на приказном производстве. Судебный приказ – судебное постановление, вынесенное судьей единолично на основании заявления о взыскании денежных сумм или об истребовании движимого имущества от должника по требованиям, предусмотренным ст. 122 ГПК РФ. Со-

гласно требованиям ч. 2 ст. 126 ГПК РФ, судебный приказ выносится без судебного разбирательства и вызова сторон для заслушивания их объяснений. Таким образом, в данной ситуации выяснить позицию истца невозможно. Поэтому считаем, что прокурор не вправе предъявлять требования, по которым выдается судебный приказ.

Учитывая особое процессуальное положение прокурора, не вполне ясно, распространяет ли ст. 149 ГПК РФ свои требования на прокурора. Судебная практика пошла по следующему пути. В ряде определений о принятии искового заявления к производству, о подготовке судебного разбирательства и о назначении предварительного судебного заседания судьей определено произвести ряд действий, в том числе направить ответчику копию искового заявления и документов, подтверждающих те обстоятельства, на которых истец основывает свои требования [23].

Непосредственно в рамках судебного разбирательства прокурор обязан доказать свои требования и возражения на доводы ответчика. Возбуждая дело, прокурор дает объяснения по делу и участвует в прениях первым. Заинтересованное лицо – истец по делу – выступает в них после прокурора. Стороны вправе задавать прокурору, предъявившему иск, вопросы в виде дачи им объяснений по делу.

В.В. Путин на Всероссийском совещании прокуроров справедливо отмечал, что «судебная реформа не может быть эффективной без активного участия прокуратуры в судебном процессе» [24]. Одним из весомых аргументов в пользу такого утверждения следует считать огромное количество обращений граждан за защитой своих нарушенных или оспариваемых прав, поступающих ежегодно в органы прокуратуры.

Таким образом, изучение практики предъявления и поддержания прокурорами исков в судах показывает, что обращения с исковыми заявлениями активно используются многими прокурорами как эффективное средство реального устранения нарушений, возмещения причиненного правонарушением ущерба, защиты обще-

ственных и государственных интересов, включающих права и законные интересы граждан. Исходя из этого, дальнейшее ограничение прав прокурора в гражданском судопроизводстве представляется недопустимым.

Прокуроры должны активно использовать предоставленное им ч. 1 ст. 45 ГПК РФ право на обращение в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц или интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований.

Однако заявления в защиту прав, свобод и законных интересов гражданина должны подаваться только в том случае, если гражданин по состоянию здоровья, возрасту, недееспособности и другим уважительным причинам не может сам обратиться в суд.

В случае обращения прокурора в защиту законных интересов гражданина в заявлении должно содержаться обоснование невозможности предъявления иска самим гражданином.

Затем следует рассмотреть проблему отсутствия законодательного перечня уважительных причин и критериев состояния здоровья, в соответствии с которыми гражданин не может обратиться в суд. Представляется, что это не освобождает прокурора при подготовке искового заявления

(заявления) от выполнения возложенных на него требований закона и приведения мотивов, по которым гражданин не может самостоятельно обратиться в суд. При этом должны быть представлены доказательства, подтверждающие невозможность самостоятельного обращения, и приложены копии документов (подтверждение факта чрезвычайной ситуации).

Прокурор, подавший заявление, пользуется всеми процессуальными правами и несет все процессуальные обязанности истца, за исключением права на заключение мирового соглашения и обязанности по уплате судебных расходов. В случае отказа прокурора от заявления, поданного в защиту законных интересов другого лица, рассмотрение дела по существу продолжается, если это лицо или его законный представитель не заявит об отказе от иска. При отказе истца от иска суд прекращает производство по делу, если это не противоречит закону или не нарушает права и законные интересы других лиц.

Прокуроры вступают в процесс и дают заключения по делам, по которым участие прокурора предусмотрено ГПК РФ и другими федеральными законами.

Приоритетным следует провозгласить участие прокуроров в рассмотрении дел о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина.

Литература

1. Гражданское процессуальное право России: учебник для вузов / П.В. Алексий, Н.Д. Эришвили, В.Н. Галузо и др.; Под ред. проф. П.В. Алексия, проф. Н.Д. Амаглобели. — М., 2006. — С. 63.
 2. Ванеева Л.А. Конкретизация в ГПК РСФСР права граждан на судебную защиту // Проблемы применения и совершенствования гражданского процессуального кодекса РСФСР. — Калининград, 1984. — С. 37.
 3. Курс советского гражданского процессуального права. — М., 1981. — Т. 2. — С. 28-29; Защита прав личности в социалистическом гражданском процессе // Под общ. ред. А.А. Мельникова. — М., 1986. — С. 102-105.
 4. Викут М.А. Иск как элемент права на судебную защиту, его юридическая природа и основание // Вопросы теории и практики гражданского процесса. — Саратов, 1976. — Вып. 1. — С. 48; Филиппов П.М. Судебная защита и правосудие в СССР. — Саратов, 1987. — С. 66.
 5. Осокина Г.Л. Право на защиту в исковом судопроизводстве. — Томск, 1990. — С. 6.
 6. Добровольский А.А., Иванова С.А. Основные проблемы исковой формы защиты права. — М., 1979. — С. 89.
-

7. Советский гражданский процесс / Под. ред. Н.А. Чечиной, Д.М. Чечота. – Л., 1984. – С. 115.
8. Гурвич М.А. Право на иск. – М., 1949.
9. Герасимов С.И. Настольная книга прокурора. – М., 2003. – С. 715.
10. Артамонова Е.А. О диспозитивности в гражданском и уголовном судопроизводствах: сравнительная характеристика // Совершенствование гражданского и арбитражного процессуального законодательства в условиях модернизации правовой системы России: мат. межрегиональной научно-практической конференции. – Чита: ЧитГУ, 2011. – С. 126.
11. Гражданский процесс: учебник // Отв. ред. проф. В.В. Ярков. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – С. 86.
12. Российская газета. – 27 апреля 2000 г.
13. Тараненко В.В. Участие прокурора в гражданском судопроизводстве не только допустимо, но и необходимо. – Прокурорская и следственная практика. – М., 1999.
14. Доклад Уполномоченного по правам человека РФ 13 мая 2011 г. за 2010 г. // Российская газета. – 13 мая 2011 г.
15. Информационное письмо от 27 января 2003 г. № 8-15-2003. «О некоторых вопросах участия прокурора в гражданском процессе, связанных с принятием и введением в действие ГПК РФ».
16. Гражданский процесс: учебник / Н.М. Коршунов, Ю.Л. Мареев. – М.: Омега-Л, 2006. – С. 101.
17. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.02.2009 г. № 4-П. Постановление Европейского Суда по правам человека от 27.03.2008 г. по делу «Штукатуров против России».
18. Сборник основных приказов и указаний Генерального прокурора Российской Федерации. – М.: Норма, 1999. – С. 253-257.
19. При рассмотрении гражданского дела в Преображенском районном суде г. Москва был обнаружен факт принятия судьей встречного искового заявления к юридическому лицу, не являющемуся ответчиком. См. подробнее: Гражданское процессуальное право России: учебник для вузов / П.В. Алексий, Н.Д. Эриашвили, В.Н. Галузо и др.; Под ред. проф. П.В. Алексия, проф. Н.Д. Амаглобели. – М., 2006. – С. 65.
20. Проект ГПК РФ и роль прокурора в гражданском судопроизводстве // Законность. – 2001. – № 7. – С. 40-44.
21. Гражданский процессуальный кодекс РФ 14.11.02 № 138-ФЗ. Ст. 131.
22. Информационное письмо Генпрокуратуры РФ от 27.01.2003 № 8-15-2003 «О некоторых вопросах участия прокурора в гражданском процессе, связанных с принятием и введением в действие ГПК РФ». – М., 2003.
23. Определения о принятии искового заявления к производству, о подготовке судебного разбирательства, о назначении предварительного судебного заседания по делам 2-130/06-13 и 2-258/06-13 от 27.02.2006 г. и 04.09.2006 г. // Архив мирового судьи судебного участка № 13 Санкт-Петербурга.
24. Выступление Президента РФ В.В. Путина на Всероссийском совещании прокуроров 11 января 2001 г.

Коротко об авторе**Briefly about the author**

Дондиков Т.Ц., аспирант, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
dtsyren@inbox.ru

T. Dondikov, post-graduate student, Zabaikalsky state university

Научные интересы: уголовный процесс, криминалистика, прокурорский надзор

Scientific interests: criminal procedure, criminalistics, prosecutor's supervision

УДК 342.9

Никишкин Александр Владимирович
Alexander Nikishkin

О НЕКОТОРЫХ ПОЛНОМОЧИЯХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ГОСАВТОИНСПЕКЦИЙ УПРАВЛЕНИЙ (ОТДЕЛОВ) ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО РАЙОНАМ, ГОРОДАМ И ИНЫМ МУНИЦИПАЛЬНЫМ ОБРАЗОВАНИЯМ

ON SOME AUTHORITY TRAFFIC POLICY DEPARTMENTS OF INNER AREAS, CITIES AND OTHER MUNICIPALITIES

Представлена проблема определения полномочий и места Госавтоинспекции управлений (отделов) внутренних дел по районам, городам и иным муниципальным образованиям в системе органов управления и подразделений Госавтоинспекции. Рассмотрены основные полномочия ГИБДД горрайорганов, а также пути и способы организации взаимодействия при проведении мероприятий по предупреждению дорожно-транспортных происшествий и снижению тяжести последствий

Ключевые слова: ГИБДД, безопасность дорожного движения, Госавтоинспекции управлений (отделов) внутренних дел по районам, городам и иным муниципальным образованиям

The article is concerned with the problem of powers definition and the place of the State Automobile Inspectorate at departments of internal affairs for districts, cities and other municipal entities in the system of authorities and State Automobile Inspectorate subdivisions. The author considers the basic powers of the State Road Safety Inspectorate for city districts as well as the ways and means of interaction in carrying out of measures to prevent traffic accidents and reduce the severity of their consequences

Key words: State Road Safety Inspectorate, traffic safety, State Automobile Inspectorate at departments of internal affairs for districts, cities and other municipal entities

Положением о Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации [1] не определяются полномочия Госавтоинспекции.

Согласно пп. 15 п. 13 Указ Президента РФ от 1 марта 2011 г. № 249 «Об утверждении Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» [2] территориальный орган осуществляет следующие полномочия в сфере обеспечения безопасности дорожного движения:

– участвует в формировании и реализации основных направлений обеспечения безопасности дорожного движения на тер-

ритории субъекта Российской Федерации;

– организует и проводит мероприятия по предупреждению дорожно-транспортных происшествий и снижению тяжести их последствий;

– осуществляет в соответствии с законодательством Российской Федерации специальные контрольные, надзорные и разрешительные функции в области обеспечения безопасности дорожного движения;

– координирует деятельность органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации в области обеспечения безопасности дорожного движения.

В данном Указе Президента РФ (п. 5) последовательно продолжена практика осуществления территориальными орга-

нами своей деятельности непосредственно и (или) через подчиненные им территориальные органы МВД России на районном уровне.

Как указано в п. 5 Указа Президента РФ от 15 июня 1998 № 711 (в ред. от 23.12.2010 г.) «О дополнительных мерах по обеспечению безопасности дорожного движения» [3], органы управления и подразделения Госавтоинспекции образуют систему Госавтоинспекции, в которую входят федеральный орган управления Госавтоинспекции, органы управления Госавтоинспекции министерств (главных управлений, управлений) внутренних дел по субъектам Российской Федерации (далее — органы управления Госавтоинспекции по субъектам Российской Федерации), подразделения Госавтоинспекции управлений (отделов) внутренних дел по районам, городам и иным муниципальным образованиям, в том числе по нескольким муниципальным образованиям, подразделения Госавтоинспекции управлений (отделов) внутренних дел в закрытых административно-территориальных образованиях, а также специализированные и иные подразделения Госавтоинспекции, научно-исследовательские учреждения Госавтоинспекции и их филиалы.

Подразделения Госавтоинспекции управлений (отделов) внутренних дел по районам, городам и иным муниципальным образованиям занимают особое место в системе органов управления и подразделений Госавтоинспекции, которое в первую очередь, на наш взгляд, определяется:

— наличием такой исключительной сферы правоохранительной деятельности, отнесенной к ведению МВД России, как обеспечение безопасности дорожного движения) [4];

— многообразием правоохранительных и иных полномочий, осуществляемых данными подразделениями (фактически ГИБДД горрайоргана в том или ином объеме выполняет функцию обеспечения безопасности дорожного движения, включая участие в мероприятиях по охране общественного порядка и обеспечению обще-

ственной безопасности и розыск угнанных и похищенных автотранспортных средств, а также автотранспортных средств участников дорожного движения, скрывшихся с мест дорожно-транспортных происшествий);

— наличием организационных структур на уровне районов, городов и иных муниципальных образований;

— существенным объемом полномочий сотрудников подразделений ГИБДД горрайоргана.

Рассматриваемые подразделения действуют в «рамках дерева юридических целей» [5]. Поэтому осуществление в отношении их исполнительно-распорядительной деятельности, не связанной с обеспечением безопасности дорожного движения (охрана общественного порядка, розыск автотранспортных средств и их владельцев, сопровождение транспортных средств, государственный технический осмотр и т.д.), неизбежно. Безусловно, нужно говорить о необходимости создания надежных противовесов практике возложения на подразделения ГИБДД горрайорганов несвойственных им функций.

Вряд ли можно подробно рассмотреть порядок осуществления подразделениями ГИБДД на уровне районов, городов и иных муниципальных образований полномочий по участию в формировании и реализации основных направлений обеспечения безопасности дорожного движения.

Здесь можно отметить, что рассматриваемые подразделения осуществляют в порядке, определяемом Правительством Российской Федерации, государственный учет показателей состояния безопасности дорожного движения, а также об обеспечении соблюдения юридическими лицами, независимо от формы собственности и иными организациями, должностными лицами и гражданами Российской Федерации, иностранными гражданами, лицами без гражданства законодательства РФ, иных нормативных правовых актов РФ, правил, стандартов и технических норм по вопросам обеспечения безопасности дорожного движения.

Следует учитывать опыт правоприменительной деятельности при выработке и реализации направлений обеспечения безопасности дорожного движения.

Что касается порядка осуществления полномочий по организации и проведению мероприятий по предупреждению дорожно-транспортных происшествий и снижению тяжести их последствий, то при их осуществлении подразделения ГИБДД горрайорганов проводят:

– разъяснение законодательства Российской Федерации о безопасности дорожного движения с использованием средств массовой информации, а также собственных изданий, проведение в этих целях смотров, конкурсов, соревнований, содействие соответствующим органам исполнительной власти в организации обучения граждан правилам безопасного поведения на дорогах, в пропаганде правил дорожного движения;

– выявление причин и условий, способствующих совершению дорожно-транспортных происшествий, нарушений правил дорожного движения, иных противоправных действий, влекущих угрозу безопасности дорожного движения, принятие мер по их устранению;

– выдачу в порядке, определяемом Правительством Российской Федерации, разрешений на оборудование автотранспортных средств, специальными световыми и звуковыми сигналами, условными опознавательными знаками;

– осуществление неотложных действий на месте дорожно-транспортного происшествия, в том числе принятие мер по эвакуации людей и оказанию им доврачебной медицинской помощи, а также содействие в транспортировке поврежденных транспортных средств и охране имущества, оставшегося без присмотра;

– дознание по делам о преступлениях против безопасности дорожного движения и преступлениях, связанных с эксплуатацией транспортных средств;

– мероприятия по предупреждению дорожно-транспортных происшествий и снижению тяжести их последствий в це-

лях охраны жизни, здоровья и имущества граждан, защиты их прав и законных интересов, а также интересов общества и государства;

– мероприятия по профилактике детского дорожно-транспортного травматизма совместно с органами местного самоуправления, юридическими лицами и иными организациями.

Подразделения ГИБДД горрайоргана при осуществлении специальных контрольных, надзорных и разрешительных функций:

– осуществляют государственный контроль и надзор за соблюдением законодательства Российской Федерации, правил, нормативных правовых актов в области обеспечения безопасности дорожного движения;

– принимают квалификационные экзамены на получение права управления автототранспортными средствами, выдают водительские удостоверения, а также участвуют в согласовании программ подготовки водителей автототранспортных средств;

– осуществляют регистрацию и учет автототранспортных средств и прицепов к ним, предназначенных для движения по автомобильным дорогам общего пользования, выдают регистрационные документы и государственные регистрационные знаки на зарегистрированные автототранспортные средства и прицепы к ним, а также выдают ПТС в порядке, определенном Правительством РФ;

– организуют и проводят в порядке и сроки, которые установлены законодательством РФ, государственного технического осмотра автототранспортных средств и прицепов к ним (Указом Президента РФ от 18 февраля 2010 г. № 208 на Правительство Российской Федерации была возложена обязанность подготовить и представить в 6-месячный срок предложения о передаче полномочий по проведению технического осмотра автототранспортных средств и прицепов к ним, сохранив за Государственной инспекцией безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации полномочия по осу-

ществлению государственного контроля за проведением такого технического осмотра [6]).

— осуществляют регулирование дорожного движения, в том числе с использованием технических средств и автоматизированных систем, обеспечение организации движения транспортных средств и пешеходов в местах проведения аварийно-спасательных работ и массовых мероприятий;

— осуществляют в соответствии с законодательством Российской Федерации производства по делам об административных правонарушениях;

— ведут учет бланков водительских удостоверений, государственных регистрационных знаков на транспортные средства, справок-счетов и другой специальной продукции, необходимой для допуска транспортных средств и их водителей к участию в дорожном движении.

Следующее полномочие по координации деятельности органов исполнительной власти в области обеспечения безопасности дорожного движения также опосредованно осуществляется через:

— изучение условий дорожного движения, принятие мер по совершенствованию организации движения транспортных средств и пешеходов, согласование в установленном порядке проектов организации дорожного движения в городах и на автомобильных дорогах, программ подготовки и переподготовки специалистов по безопасности дорожного движения;

— участие в работе градостроительных и технических советов, комиссий по приёмке в эксплуатацию дорог, дорожных сооружений, рассмотрения заявок и выдача соответствующих заключений на открытие маршрутов регулярного движения общественного транспорта;

— разработку предложений по повышению безопасности дорожного движения, в том числе совместно с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, юридическими лицами и общественными объединениями.

Рассмотрение жалоб и заявлений по вопросам деятельности ГИБДД горрайоргана, как нам представляется, является самостоятельным их полномочием, требующим разработки.

Основанием для возбуждения и рассмотрения дел по вопросам деятельности ГИБДД горрайоргана являются заявления органов государственной власти, органов местного самоуправления или заявления (жалобы) юридических и физических лиц.

В заявлении (жалобе) должны содержаться сведения о заявителе и о лице, в отношении которого подано заявление (жалоба), описание нарушения, а также требования, с которыми заявитель обращается.

Подразделение ГИБДД горрайоргана рассматривает заявление (жалобу) в течение одного месяца с даты его поступления.

Мы полагаем, что в случае недостаточности или отсутствия доказательств, позволяющих прийти к выводу о наличии либо отсутствии признаков нарушения руководителя подразделения ГИБДД горрайоргана, нужно продлить срок рассмотрения заявления (жалобы) до трех месяцев с даты его поступления для сбора и анализа дополнительных доказательств. При этом о продлении срока рассмотрения заявления (жалобы) антимонопольный орган обязан в письменной форме уведомить заявителя.

При отсутствии признаков нарушений в деятельности ГИБДД горрайоргана его руководитель в письменной форме уведомляет об этом заявителя в течение 10 дней с даты принятия решения.

При этом заявитель вправе обратиться в вышестоящий (в порядке подчиненности) орган и к должностному лицу либо в суд.

В завершение следует отметить, что не менее важным является полномочие по осуществлению взаимодействия с другими подразделениями органов внутренних дел, органами местного самоуправления, военной автомобильной инспекцией, юридическими лицами и иными организациями по вопросам, отнесенным к компетенции Государственной инспекции.

Таким образом, успешное решение

задач, возложенных на подразделения ГИБДД горрайоргана, будет зависеть от осуществления следующего взаимодействия:

– проведение по решению руководителя координационных и иных совещаний с руководителями (представителями) подразделений органов внутренних дел, органов местного самоуправления, военной автомобильной инспекцией, юридических лиц и иных организаций;

– организация по решению руководителя плановых проверок деятельности под-

разделений ГИБДД горрайоргана, а также проверок по жалобам граждан и организаций на действия (бездействие) и решения их должностных лиц;

– организация методического руководства в области кадрового обеспечения в отношении сотрудников органов внутренних дел, проходящих службу в ГИБДД горрайоргана;

– организация взаимодействия ГИБДД горрайоргана с территориальными органами МВД России.

Литература

1. Указ Президента РФ от 15 июня 1998. № 711 (в ред. от 23.12.2010 г.) «О дополнительных мерах по обеспечению безопасности дорожного движения» // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 25. – Ст. 2897.

2. Указ Президента РФ от 1 марта 2011 г. № 249 «Об утверждении Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 10. – Ст. 1335.

3. Указ Президента РФ от 15 июня 1998. № 711 (в ред. от 23.12.2010 г.) «О дополнительных мерах по обеспечению безопасности дорожного движения» // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 25. – Ст. 2897.

4. Сыдорук И.И. Государственно-правовое обеспечение правопорядка в Российской Федерации: теоретико-прикладные проблемы: монография. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2003. – С. 181.

5. Петров С.М., Туманов Г.А. Категория интереса в советском управлении // Советское государство и право. – 1990. – № 8. – С. 19.

6. Указ Президента РФ от 18 февраля 2010 г. № 208 (в ред. от 01.03.2011 г.) «О некоторых мерах по реформированию Министерства внутренних дел Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 8. – Ст. 839.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Никишкин А.В., аспирант, Московский гуманитарный университет
niksa78@yandex.ru

A. Nikishkin, post-graduate student, Moscow humanitarian university

Научные интересы: административное право, финансовое право, информационное право

Scientific interests: administrative law, financial law, information law

Педагогические науки

УДК 378

Албитова Екатерина Петровна
Ekaterina Albitova

**МОБИЛЬНАЯ ПРОФИДЕНТИЧНОСТЬ:
ФАКТОРЫ СТАНОВЛЕНИЯ****FACTORS OF MOBILE PROFESSIONAL
IDENTITY FORMATION**

Рассматриваются факторы становления мобильной профидентичности, среди них социально-экономическая нестабильность государства, неопределенность и неоднозначность социально-профессиональных сфер, эмерджентное движение и генезис профессиональной деятельности, неадекватный выбор специальности (профессии) являются основными факторами становления мобильной профидентичности. Сравнительный анализ ключевых понятий позволил систематизировать особенности проявления и выражения мобильной профидентичности

Ключевые слова: идентичность, мобильность, профессионализм, профессиональная идентичность, профессиональная мобильность, мобильная профидентичность

The article is devoted to study of the factors of mobile professional identity formation. Among them there are social and economic instability of the state, uncertainty and ambiguity of socially-professional spheres, emergence movement and professional work genesis, an inadequate choice of a trade which are considered to be major factors of mobile professional identity formation. On the basis of comparative analysis of key concepts mobile professional identity's peculiarities of display and expression were systemized

Key words: identity, mobility, professionalism, professional identity, professional mobility, mobile professional identity

В современных условиях социально-экономическая нестабильность государства обусловлена неопределенностью и неоднозначностью социально-профессиональных сфер, которые повлекли за собой массовые миграционные процессы из одних профессиональных сфер в другие. Одновременно с этим происходит смещение жизненных ценностей, связанных с трудом и трудовой мотивацией. Проблематика миграционных процессов широко распространилась в высших образовательных учреждениях на этапах получения профессии. Решение поднимаемой проблемы видится современным студенчеством в поиске и выборе престижной профессии (специальности) [1; С. 17]. Как отмечают западные аналитики, это связано с тем, что студенты

часто бросают вызов ценностям взрослых и самостоятельно экспериментируют собственным образом жизни и профессиональным выбором. Практика полна примеров, когда студенты-выпускники ищут работу, не соответствующую полученному ими профилю, а находят другую, по которой приходится учиться дальше. Поэтому дальнейшие шаги современной личности становятся предсказуемы. Она проявляет готовность к новому обучению в решении создавшейся ситуаций. Новый профессиональный выбор предъявляет другой уровень требований профессиональной подготовки, а в некоторых случаях и переподготовки для соответствия новой профессии (специальности), что не всегда удается сделать личности самостоятельно.

Однако жизнь полна подобного рода примеров, при которых происходит «пре-ломление» как самой идентичности, так и профидентичности личности к социальному, профессиональному окружению, инновационным, информационным средствам управления. Это возможно путем постоянного воздействия ряда факторов, ведущим среди которых становится процесс обучения, влияние которого личность испытывает на себе в периоде всей жизни.

Подтверждением становятся исследования канадских ученых, которые доказывают, что профидентичность личности становится мобильной, когда человек находится среди большого количества новшеств, инноваций в социальной, профессиональной сфере и испытывает их воздействие на себе. Отечественные психологи утверждают, что профидентичность личности становится мобильной в ходе активного, постоянного поиска и выбора развития жизненной стратегии. Поиск и выбор в данном случае являются залогом сохранения полноценности профидентичности личности (Л.Б. Шнейдер) [9; 10], а их отсутствие приводит к кризису идентичности (М.А. Заковоротная) [3; С. 31].

На основе обобщенного материала мы приходим к выводу о том, что профидентичность личности является мобильной категорией, которая позволяет личности быстрее развиваться, обучаться, адаптироваться среди новых изменений и перемен в профессиональной сфере. Раскрывая профидентичность в контексте мобильности, ее следует обозначить в понятии «мобильная профессиональная идентичность» (далее мобильная профидентичность), которая содержит такие структурные единицы, как идентичность, мобильность, профессионализм, профидентичность, профмобильность. Ключевым моментом исследования становится рассмотрение понятий «профессиональная идентичность» и «профессиональная мобильность» студентов вуза как основополагающих элементов понятия «мобильная профидентичность».

Ссылаясь на идеи зарубежных ученых, таких как С. Джошел, Т. Ллойд, К.

Мак – Говен, Р. Финчман, необходимо обозначить, что в середине 70-х гг. XX в. М. Аргай впервые упомянул о связи профидентичности с профессионализацией индивида. В зарубежной науке изучение вопросов профидентичности личности студентов вуза определяется двумя направлениями. Первое нацелено на изучение профессионального развития и личностного самосовершенствования студентов. Второе – на социальные стороны и факторы, влияющие на становление профессиональных качеств личности студентов вуза [7; С. 201]. Российские ученые рассматривают профидентичность как некий интегративно-психологический феномен. Он, в частности, указывает на степень принятия избранной профессиональной деятельности в качестве основного средства самореализации, самоопределения и результат длительного развития личности студента под влиянием социальных условий (К.А. Абульханова-Славская, Е.П. Ермолаева, Н.Л. Иванова, Ю.А. Кумырина, Ю.П. Поваренков, Л.Б. Шнейдер и др.).

Определяя профидентичность личности студентов вуза, мы придерживаемся точки зрения З.В. Ермаковой и соглашаемся с ней в том, что это неотъемлемый компонент профессионализма, который, по нашему мнению, раскрывает «взаимосоответствие» студента и выбранную им специальность (профессию) на когнитивном, эмоциональном и поведенческом уровнях, а также выполняет относительно самостоятельные функции:

- 1) адаптационную;
- 2) устойчивость профессиональной позиции;
- 3) преобразующую;
- 4) равновесную [4; С. 12-15].

В научной литературе понятие «профессиональная мобильность» широко анализируется через тождественное понятие «трудова́я мобильность». В работах отечественных авторов О.М. Белоцерковского, О.М. Дементьевой, С.Е. Каплиной, В.В. Новикова и др. профессиональная мобильность и уровень ее развития исследуются у студентов, поступающих и заканчиваю-

щих вуз. Придерживаясь точки зрения С.Е. Каплиной [5; С. 5] в определении понятия «профессиональная мобильность» (далее профмобильность), понимаем, что это процесс движения индивидов между группами профессиональной структуры общества, который выражает перекалфикацию социальных объектов (изменение специализации, специальности или самой профессии).

Следовательно, роль профмобильности личности студентов вуза состоит в возможности перемещаться как в студенческой группе, так и в новых студенческих группах, коллективах и профессиональных средах для приобретения нового знания, опыта [6; С. 19]. Кроме того, указывается такое важное интегративное качество, как готовность к успешной адаптации в новых условиях (О.К. Дементьева) [2; С. 15]. При этом профидентичность и профмобильность являются главными и неотделимыми характеристиками личности студента вуза, связь которых обнаруживается в контексте профессионализма.

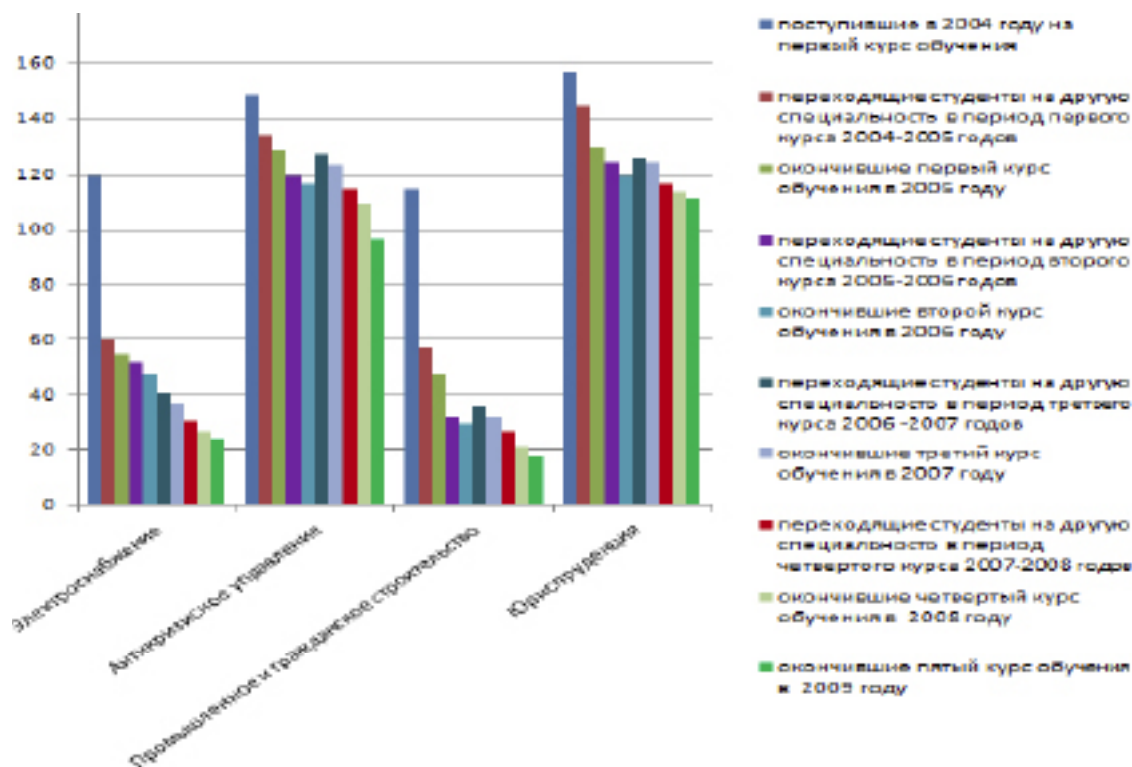
Проблема профессионализма встречается в трудах С.А. Дружилова, С.Л. Рубинштейна, В.Д. Шадрикова и др. Понятие «профессионализм» указывает на наличие конкретных профессиональных навыков и качеств, устанавливающих действующего профессионала. Динамика в сфере становления профессионализма связывается и наблюдается исследователями с профидентичностью достаточно давно. Она определяется неразрывностью, целостностью, единством процесса обучения.

Рассмотренные ключевые понятия «профессиональная идентичность» и «профессиональная мобильность» позволяют определить содержание понятия «мобильная профидентичность», под которым мы понимаем интегративную характеристику личности, способную идентифицировать, изменять и отчуждать в ситуациях поиска и выбора как выбранную специальность (профессию), так и избранное профессиональное направление в связи с влиянием новых технологий, эмерджентного движения и генезиса профессиональной де-

ятельности. Наличие такой интегративной характеристики личности позволяет, как устанавливают отечественные психологи, выстраивать вектор постоянного поиска и выбора развития жизненной стратегии профессиональной пути.

В связи с этим становится очевидно, становлению мобильной профидентичности у личности предшествует неадекватный, не осознанный первоначальный выбор профессии (специальности), т.к. его мотивы не всегда связываются с социальной и профессиональной мобильностью, при которой активизируется поиск собственной идентичности и профидентичности.

Интересуясь мотивами выбора будущей профессии студентов Читинского государственного университета (г. Чита) — далее «ЧитГУ», мы провели исследование с 458 респондентами по методике факторов привлекательности профессии В.А. Ядова и выяснили основные мотивы профессионального выбора. Среди них такие, как совет родителей, знакомых, друзей, родственников обучающихся составил 142 человека (31 %); любопытство и интерес обучающихся выявлены у 87 человек (19 %); востребованность профессий «здесь и прямо сейчас» обучающихся отметили 174 человека (38 %); яркая заинтересованность в профессиональной потребности выявилась лишь у 23 человек (5 %); полное равнодушие к овладению будущей профессиональной деятельности и профессии обнаружилось у 32 человек (7 %). Кроме того, исследуя личностное развитие и профессиональную мотивацию студентов, мы наблюдали «перемещение» студентов с одной специальности на другую. «Перемещение», или движение с одной специальностью на другую специальность, отмечалось в период с 2004 по 2009 гг. Исследовались следующие специальности: «Электроснабжение» (ЭС), «Антикризисное управление» (АУ), «Промышленное и гражданское строительство» (ПГС), «Юриспруденция» (ЮР). Движение студентов или смена специальности осуществляется по каналу мобильности (см. рисунок).

Движение контингента студентов ЧитГУ

Адекватный выбор профессии встречается у 20...30 % студентов. Неадекватный выбор профессии происходит чаще и связывается с периодом кризиса идентичности личности, который, как полагает М.В. Заковоротная, проявляется в форме апатии, лени, потери поиска смысла жить и т.д. Именно поэтому 60...77 % студентов вуза осуществляют свой первый поиск и выбор специальности не на основе внутренней мотивации, а руководствуясь предпочтительностью и престижностью социальных воззрений, действующих в обществе. В последующем неадекватный выбор профессии отражает дальнейшую активность студента в поисках места работы. Как правило, поиск места работы включает прохождение ряда трудностей, которые не всегда удается преодолеть. Отсутствие рабочих мест связывается личностью с утратой надежды, прежней активности и нового поиска работы, в связи с чем она нередко пополняет ряды безработных. Проведенные нами исследования подтверждают ранее выдвинутую нами проблематику миграционных процессов в высших образовательных уч-

реждениях на этапах получения профессии.

На наш взгляд, это происходит в связи с тем, что политическая, экономическая, социальная, профессиональная ситуация в стране является нестабильной. Социально-профессиональные сферы насыщаются эмерджентным движением и генезисом профессиональной деятельности ввиду глобальных, мировых, научных открытий и достижений. Они влияют на личность, ее идентичность, профессиональную сферу, выстраивая образ жизни человека с большей долей ответственности за самого себя. Вследствие этого неподготовленная личность студента-выпускника часто осуществляет свой выбор в любой сфере деятельности. В школах, лицеях, поступающих абитуриентов не готовят к вновь возникающим новшествам в профессиональной деятельности, не развивают профидентичность, профмобильность, профессионализм, которые являются базовыми характеристиками личности. Поэтому, когда выбор специальности или будущей профессии личностью осознается как неадекват-

ный, неверный, предпринимается попытка отойти от данного выбора. Современная молодежь разрешает такую ситуацию по-разному. Ряд студентов ищет себя, меняя свою специальность в вузе на этапе получения профессии, а ряд, боясь новых трудностей, оставляет обучение. Некоторые получают несколько высших образований. Другие считают, что базовые знания, которые дают в российских вузах, недостаточны и в связи с этим уезжает учиться за рубеж. Часть студентов, получив российское образование, уезжает в поисках работы за границу и т.д.

Ситуации, отмеченные среди студенческой молодежи, позволяют условно поделить данную категорию на три группы: первая из которых не боится сложностей, трудностей, новшеств, готова мобилизовать и отождествлять себя столько раз, сколько потребует жизнь. Вторая такую готовность проявляет с учетом мнения и советов окружающих, чаще их самостоятельность проявляется реже, чем у первой группы. Третья подобную готовность не проявляет вообще, убегая от трудностей, изолируя себя от общества и окружающих и т.д. Для первой и второй групп свойственно наличие мобильной профидентичности, которая имеет свои критерии и уровни. Исследование данной характеристики личности проводилось социологами еще в период распада СССР (М.Ф. Черныш, В.А. Ядов). Так, М.Ф. Черныш в период распада СССР выделял категорию лиц, идентичность которых характеризовалась нисходящей мобильностью. Для них характерны советы близких, помощь государства, а также отсутствие желания перестроиться под новые требования: перемены, смена специальности, профессиональной деятельности. Для второй категории лиц свойственно самостоятельно изменяться в процессе всех социальных перемен. Их социальная самоидентификация претерпевала восходящую мобильность, так как она была всегда направлена на самих себя и активизировалась поиском но-

вой профессиональной деятельности [8; С. 163]. Как видим, исследования социологов в период распада СССР становятся актуальными. Определенные факторы заставляют личность изменять профессиональную сферу, профессиональное направление как в процессе обучения, так и по его окончании, то есть перестраиваться к происходящим социально-профессиональным переменам в период обучения. Обладая мобильной профидентичностью, личность быстрее развивается, обучается, адаптируется, идентифицируется, изменяется и отчуждается как к новым переменам, изменениям, так и ранее выбранным в социально-профессиональной сфере. На основании этого можно сделать вывод, если у человека повышается степень адаптивности и возрастает готовность к новым переменам, то современные условия действительности, характеризующиеся высокой степенью непредсказуемости в профессиональной сфере, переживаются им легче. Такой характеристикой обладают не все, а лишь определенная часть, которая предъявляет себе повышенные требования. Подобные запросы ориентированы на будущие перспективы от освоения профессиональной деятельности, а значит и специальности (профессии), которая предполагает высокую заработную плату, успешную карьеру, востребованность на рынке труда и др.

Таким образом, проведенная опытно-экспериментальная работа и теоретический анализ научно-практического материала установили факторы становления мобильной профидентичности. Среди них социально-экономическая нестабильность государства, неопределенность и неоднозначность социально-профессиональных сфер, эмерджентное движение и генезис профессиональной деятельности, неадекватный выбор специальности (профессии). Факторы становления мобильной профидентичности вносят в жизнь человека осмысленность и устойчивость дальнейшего существования.

Литература

1. Андриющенко Н.Г. Педагогическая поддержка студентов на этапе смены направления профессиональной подготовки: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. – Ставрополь, 2005. – 26 с.
2. Дементьева О.М. Формирование социально-профессиональной мобильности студентов в учреждениях среднего профессионального образования: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. – РГБ – М., 2009. – 23 с.
3. Заковоротная М.В. Идентичность человека. Социально-философские аспекты: монография. – Ростов-н/Д.: Изд-во Северо-Кавказского научного центра высш. шк., 1999. – 200 с.
4. Ермакова Э.В. Профессиональная идентичность социального педагога: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.03. – Владивосток, 2007. – 26 с.
5. Каплина С.Е. Профессиональная мобильность – залог качества подготовки будущих инженеров. – Чебоксары, 2008. – 350 с.
6. Каплина С.Е. Становление проблемы формирования профессиональной мобильности в истории развития общества // Сибирский педагогический журнал. – Новосибирск, 2008. – № 3. – С. 235-246.
7. Хьелл Л., Зиглер Д. Теория личности: монография. – 3-е изд. – СПб.: Питер, 2006. – 607 с.
8. Черныш М.Ф. Социальная идентификация претерпевающих восходящую и нисходящую мобильность // Ядов В.А. Социальная идентификация личности: сб. науч. ст. – М., 1993. – С. 159-168.
9. Шнейдер Л.Б. Реконструкция идентичности: структурный и динамический аспект // Развитие личности. – 2000. – № 2. – С. 44-69.
10. Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность: структура. Генезис и условия становления: автореф. дис. ... д-р. психол. наук: 19.00.13. – М., 2001. – 43 с.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Албитова Е.П., гл. специалист Центра дистанционного обучения факультета дополнительного профессионального образования, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
tsyga19@mail.ru

E. Albitova, post-graduate, the chief specialist of the Center of remote training, faculty of additional vocational training, Zabaikalsky state university

Научные интересы: высшее профессиональное образование

Scientific interests: vocational training in higher school

УДК 377.1

Хыбыртов Рустам Борисович
Rystam Huburtov

Ушенин Андрей Иванович
Andrey Ushenin

ЗНАЧЕНИЕ РУКОПАШНОГО БОЯ В ПОВЫШЕНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МАСТЕРСТВА СОТРУДНИКОВ ОВД

THE VALUE OF HAND-TO-HAND FOR THE IMPROVEMENT OF PROFESSIONAL SKILLS OF LAW-ENFORCEMENT OFFICERS

Показана роль рукопашного боя в повышении профессионального мастерства сотрудников органов внутренних дел. Поставлена проблема дискуссии специалистов о терминах и понятиях «рукопашный бой», «боевые приемы борьбы». Обоснована реализация научных теорий и концепций в процессе занятий по рукопашному бою

Ключевые слова: *рукопашный бой, боевые приемы борьбы, научные теории и концепции в процессе занятий по рукопашному бою*

The role of increasing of hand-to-hand fight in skills of officers' law-enforcement system is shown in the article. The problem of terms and concepts of «hand-to-hand fight» «fighting receptions of struggle» is discussed by the author. Realization of scientific theories and concepts in lessons of fighting was substantiated in this article

Key words: *hand-to-hand fight, fighting receptions of struggle, scientific theories and concepts, professional skill*

Рукопашный бой представляет вид служебно-боевой деятельности сотрудников ОВД в ближнем бою с преступниками. Следовательно, *рукопашный бой* – это разновидность ближнего боя с применением противниками личного огнестрельного и холодного оружия, а также подручных средств и приемов единоборства без оружия. Занятия по рукопашному бою проводятся с целью формирования навыков самозащиты, обезвреживания и задержания лиц, угрожающих общественному порядку или личной безопасности граждан, воспитания смелости, решительности, инициативы и находчивости.

В системе физической подготовки сотрудников ОВД этот раздел принято называть «боевые приемы борьбы». Анализ

литературных источников, нормативно-правовых актов показал, что в теории физической подготовки нет определения понятия «боевые приемы борьбы». Следовательно, исходя из того, что содержательный компонент этих двух понятий одинаков, мы считаем, что под боевыми приемами борьбы следует понимать приемы рукопашного боя, которые применяют сотрудники при задержании преступников или вступив с ними в рукопашную схватку.

В мирных условиях при сложившейся криминогенной обстановке рукопашный бой может возникать:

- при уничтожении террористических диверсионных групп противника;
- при защите российских посольств, консульств и учреждений в случаях обост-

рения конфликтов между государствами;

– при пресечении сотрудниками противоправных действий в процессе несения патрульно-постовой службы;

– при задержании вооруженных преступников на улице, в населенном пункте, в подземных коммуникациях, на транспорте (поезда, воздушные, речные и морские суда), на местности (в лесу, горах, на равнине);

– при передвижении преступников на автомобиле и в других случаях.

Таким образом, заблаговременная подготовка сотрудников ОВД к ведению рукопашного боя в настоящее время имеет актуальное значение. Следовательно, в процессе обучения в полной мере осуществляется служебно-прикладная, психологическая и физическая подготовка, а также обеспечивается нравственно-этическое воспитание сотрудников.

На занятиях по рукопашному бою решаются следующие задачи:

– обучение приемам рукопашного боя, тренировка и их совершенствование;

– обучение умелым действиям в средствах индивидуальной бронезащиты, применения наручников и использование подручных средств в рукопашной схватке;

– развитие силы, выносливости, ловкости, быстроты, смелости, решительности, инициативы и находчивости;

– воспитание уверенности в своих силах, стремление сблизиться с противником и обезвредить его.

Дисциплина «Рукопашный бой» использует положения военной педагогики, в частности, дидактики, на принципах и методах которой осуществляется обучение, воспитание и развитие курсантов, слушателей и сотрудников ОВД. В процессе преподавания рукопашного боя используются теоретические и организационные положения, система понятий, разработанная теорией и организацией физической подготовки.

Цикл биологических дисциплин на основании учения о высшей нервной деятельности, с одной стороны, определяет материалистическое понимание процессов нервной и психологической деятельности

сотрудников в рукопашном бою и при подготовке их к нему, с другой – дает знания об уязвимых местах человеческого тела (анатомия) и методические рекомендации для разработки рациональных способов и приемов эффективно воздействовать на противника (биомеханика).

Поскольку основной структурной частью рукопашного боя является единоборство, то многие приемы, двигательные действия, методические и тактические положения и понятия заимствуются из практики спортивных единоборств (борьбы, бокса, фехтования). В «Рукопашном бою» они получили широкую трактовку и боевое применение.

Выявление и развитие физических качеств в процессе занятий по рукопашному бою способствуют быстрому и совершенному усвоению приемов и действий. Этому также способствуют все практические разделы физической и тактико-специальной подготовки.

«Рукопашный бой» располагает большим количеством разнообразных приемов, действий и тактикой их применения. Это дает возможность совершенствовать все основные системы и функции человека, физические, морально-волевые качества, прикладные навыки для успешных и сноровистых действий при выполнении оперативно-служебных задач.

Обучение сотрудников рукопашному бою непосредственно и прямо направлено на решение принципа «Учить сотрудников ОВД тому, что необходимо в процессе оперативно-служебной деятельности». Таким образом, при преподавании рукопашного боя в полном объеме используются:

– положения диалектического материализма;

– учение о высшей нервной деятельности (труды И.П. Павлова, И.М. Сеченова, Н.Е. Введенского, А.А. Ухтомского, П.К. Анохина и др.), отличительной чертой которых является материалистическое понимание процессов нервной и психической деятельности;

– принципы и положения системного подхода;

– теория дидактики, на основе принципов которой осуществляется обучение, развитие и воспитание;

– положения и требования специальной тактики;

– теория и организация физической подготовки сотрудников ОВД;

– анатомия, биомеханика и др.

Сочетание положений и выводов данных наук в едином методологическом понимании обеспечивают «Рукопашному бою» идейно-теоретическую, научную и методическую базу, а также придают стройность и практическую эффективность при обучении.

Служебно-специальная дисциплина «Рукопашный бой» в учебном процессе оперирует определенными специфическими понятиями, классификацией содержания и терминологией.

Через понятия происходит понимание сущности рукопашного боя. При классификации содержания рукопашного боя осуществляется распределение множества приемов и действий на группы, согласно их отличительным признакам.

Для наглядности классификации составляются в виде таблиц, схем. Терминология и понятия составляют знания и язык дисциплины, выполняющие три основные функции:

1) фиксацию накопленного опыта;

2) взаимодействие между руководителем и обучаемыми, в ходе которого формируются знания, навыки и умения;

3) саморегуляцию как практической, так и интеллектуальной деятельности обучаемых.

Указанные функции координируют индивидуальные действия каждого сотрудника в составе коллектива и создают условия для одинакового понимания ими смысла педагогической деятельности руководителя занятий.

Составными частями рукопашного боя являются рукопашные схватки и единоборства с противником.

Рукопашные схватки – это групповые боевые действия, возникающие в местах упорного сопротивления противника

при непосредственном соприкосновении: при атаке опорного пункта, несении патрульно-постовой службы и в других случаях.

Рукопашное единоборство заключается в борьбе одного против другого или одного с несколькими противниками, которые, как правило, в определенной последовательности проводят действия друг против друга (атаки – защиты – ответные атаки).

Действия в рукопашном бою – это двигательные акты бойцов, подчиненные решению конкретных задач (атаковать противника, обезоружить) и направленные на достижение цели (победить противника). В них рационально применяются средства рукопашного боя, которые целесообразно сочетаются в конкретно сложившейся обстановке. Действия в процессе подготовки должны стать для сотрудников индивидуальными и привычными.

Боевыми средствами рукопашного боя являются способы применения личного оружия, предметов снаряжения, подручных средств, борьбы без оружия, выполняемые в виде соответствующих приемов.

Приемы рукопашного боя – это специально организованные движения, сливающиеся в единый акт, в котором нет перерывов между отдельными составляющими его частями. Они выработаны в боевой практике с учетом анатомии человека и биомеханике его движений. Приемы составляют технику единоборств и являются предметом обучения сотрудников в их подготовке к рукопашному бою.

Нападение на противника представляет собой способ действий, направленных на уничтожение и пленение противника. Оно подготавливается скрытно и проводится внезапно, как правило, по заранее разработанному плану.

Оборона от нападения противника – это способ действий, направленных на отражение нападения, чтобы в дальнейшем перейти к ответным действиям и одержать победу.

В методическом плане действия представляют собой основы тактики рукопашного боя и состоят из подготавливающих действий, действий нападения и обороны.

Подготавливающие действия предназначены для создания условий успешного проведения нападения и обороны.

Действия нападения обеспечивают победу над противником. Структурными компонентами их являются атаки, контратаки и групповое нападение.

Действия обороны применяются для отражения нападения (атак) противника в сочетании с ответными нападениями на него.

Приемы обеспечения предназначены для создания благоприятных условий применения приемов и проведения действий в рукопашном бою.

Приемы боя с оружием предназначены для уничтожения противника в рукопашном бою, а также для обороны от его нападения.

Приемы боя без оружия предназначены для травмирования противника, его задержания для последующего конвоирования, освобождения от захватов и обезоруживания, а также его уничтожения или выведения из строя при помощи ударов и удушений.

Методологической базой решения проблем обучения рукопашному бою являются универсальные закономерности диалектики, что достаточно четко отражено в первом дидактическом принципе военной педагогики – принципе научности. Этот принцип требует также единства процессов обучения и воспитания, воспитывающего обучения, что необходимо для решения вопросов морально-психологической подготовки.

При рассмотрении частных методик подготовки к рукопашному бою мы ориентируемся на ассоциативно-рефлекторную теорию, теорию поэтапного формирования умственных действий, программированное обучение, проблемное обучение, а также некоторые направления алгоритмизации обучения.

В основах *ассоциативно-рефлекторной* теории лежат концепции о закономерностях высшей нервной деятельности, сформулированные в работах И.М. Сеченова, И.П. Павлова, П.К. Анохина и др., в частности, учения о синтезе и анализе условных рефлексов (ассоциаций), о сис-

темном подходе в изучении механизмов нервно-психических явлений. В соответствии с положениями этой теории в процессе обучения осуществляется накопление знаний в виде широкого ассоциативного фонда, который укладывается в определенную системность понятий, заключений, выводов, предопределяющих, в свою очередь, дальнейшие обобщения на более высоком уровне по сходству и ассоциациям.

Обучение рукопашному бою представляет накопление необходимых знаний, формирование соответствующих навыков, приемов и действий, умений, развитие физических качеств путем создания различных систем ассоциаций, начиная от простых и заканчивая сложными. Процесс образования ассоциативных систем включает чувственное восприятие необходимой информации, ее осмысливание, запоминание, закрепление путем упражнений (целенаправленного, многократного осмысленного повторения приемов и действий) и применение на практике. Это укладывается в положения известного классического тезиса «...от живого созерцания к абстрактному мышлению, а от него – к практике. Таков диалектический путь познания истины».

Важным фактором при этом является подача материала в необходимой системности и формирование активного отношения к его усвоению. Проведение подготовки к рукопашному бою на основе ассоциативно-рефлекторной теории предполагает прочную опору на общие дидактические принципы (сознательности и активности, систематичности и последовательности, наглядности, доступности в обучении, прочности знаний, навыков, умений и др.) и принципы военной дидактики (в частности, «учить сотрудника тому, что необходимо в процессе оперативно-служебной деятельности»).

Теория поэтапного формирования умственных действий находит применение в обучении рукопашному бою с представлениями об интериоризации (т.е. перехода внешней информации во внутренний мир человека).

Согласно рассматриваемой теории, действия, выполняемые человеком некоторое количество раз, с какой-либо определенной внешней формой, постепенно вербализуются, т.е. переходят во внутреннюю структуру сознания. Можно полагать, что многократное выполнение какого-то действия по рукопашному бою с ориентировкой в начале на его внешнюю форму, сочетаемое также с внешнеречевым выражением этого действия, способствует более его усвоению и прочному закреплению как в двигательной, так и в мыслительной сфере. При этом осуществляется постепенный переход данного действия во внутренний план психики и психомоторики обучаемого. Использование положений теорий поэтапного формирования умственных действий предполагает (на первом этапе обучения любому приему) построение некоторой ориентировочной основы: усвоение сущности этого приема; выбор ориентиров, т.е. создание представлений о том, как, в каком порядке необходимо выполнять действия, составляющие данный прием (иногда это записывается на специальных карточках). Ориентировочная основа должна определять оптимальный путь достижения поставленной учебной цели. Подобным же образом могут разучиваться комбинации из отдельных, усвоенных ранее приемов и действий.

Каждый из разученных действий может оцениваться по нескольким параметрам: полноте выполнения, степени их обобщенности, степени автоматизированности и др. Однако данную теорию целесообразно применять лишь в комплексе с другими теориями обучения, так как сама по себе она не в полной мере способствует высокой активизации интеллектуальных, волевых и эмоциональных процессов, опускает вопросы воспитывающего обучения и др. По сущности к ней близка теория программированного обучения.

Программированное обучение в подготовке к рукопашному бою применяется достаточно эффективно. Сущность его составляют несколько положений:

- оптимизация учебного материала,

т.е. тщательный отбор приемов и способов обучения, избавление от ненужных повторов;

- разделение программного материала на определенные части и разработка оптимальной последовательности их усвоения в соответствии с внутренней логикой данного материала, сочетанием действий нападения, защиты и защитно-ответных действий (это положение завершается составлением соответствующей «обучающей программы», которая включает ряд «методических алгоритмов», определяющих ход учебных действий, обеспеченных постоянным четким управлением с контролем и самоконтролем);

- акцентирование внимания на наличие четкой обратной связи в системе обучающей программы (с постоянным контролем и самоконтролем за усвоением соответствующих приемов рукопашного боя в необходимой последовательности и сочетаниях);

- повышение самостоятельности обучаемых, более высокая индивидуализация их обучения за счет быстрого продвижения более способных, увеличение плотности занятий;

- широкое использование современных технических средств обучения, программных учебных пособий (содержащих инструкции о порядке прохождения учебного материала и методические советы), применение кино, видеотехники и др.

Программированное обучение рукопашному бою предполагает:

- начинать его с четкой постановки задач как конечных, так и промежуточных;

- переходить к освоению нового программного материала только после твердого усвоения предшествующего (так как последующий строится на его основе);

- акцентировать внимание на наиболее оптимальных способах усвоения учебного материала и активизировать активность в обучении и тренировке.

Алгоритмизация обучения тесно связана с его программированием. Речь идет о предписании руководителю точных последовательных действий по решению избранных дидактических задач. Это науч-

ное обоснование определенной системы учебных операций и процедур, обеспечивающих более быстрое и прочное усвоение учебного материала.

В последнее время кроме достаточно жестких алгоритмических предписаний применяются предписания полуалгоритмические и полуэвристические, позволяющие более самостоятельное варьирование дидактическими средствами в решении поставленных учебных задач, с учетом индивидуальных особенностей обучаемых и ситуационных факторов. В полуэвристических предписаниях ориентировка дается лишь на определенные этапные промежуточные критерии, но в связи с субъективным опытом обучающего и индивидуальными особенностями обучаемых. При обучении рукопашному бою они применимы в основном на тренировочном этапе и при подготовке к единоборствам с малоизвестным противником, где рекомендации даются лишь в самом общем виде с расчетом на самостоятельный поиск оптимальных дидактических решений (где построение четкого методического алгоритма затруднено).

Проблемное обучение также включается в подготовку к рукопашному бою. Его цель – развитие логичности, критичности, самостоятельности мышления, активности в решении задач при лимите времени и необходимой информации, что важно и в учебных, и в боевых реальных схватках. Это развивающее обучение, основанное на оптимальном сочетании репродуктивной и продуктивной учебной деятельности.

Выделяется ряд видов проблемного обучения:

- проблемное изложение заданий;
- предъявление учебных задач, частично решаемых поисковым методом;
- создание проблемных ситуаций, требующих самостоятельного поиска решения при наличии противоречивых доводов;
- постановка проблем, решение которых возможно лишь путем применения исследовательских методов.

Создавая проблемную ситуацию, руководитель может менять порядок подачи учебного материала (переконструировать,

изымать часть информации, не делать окончательных заключений, оставляя их обучаемым), вводить объективные, но противоречивые сведения, ставить новые задачи и т.д.

В подготовке к рукопашному бою возможностей для проблемного обучения достаточно. Каждый вольный бой (единоборство) является широким комплексом проблемных ситуаций. Учитывая быстроменяющуюся информацию о намерениях и действиях противника, нужно принимать решения или на защитное (защитно-ответное) действие, или на атаку. Однако в таких проблемных ситуациях обучаемый должен иметь и ряд строго алгоритмизированных решений. В той или иной стандартной ситуации следует действовать строго определенным образом. В обучении рукопашному бою применение проблемного метода должно сочетаться с программированным обучением и приемами алгоритмизации.

Таким образом, частные методики обучения атакующим и защитным действиям в рукопашном бою, достижение соответствующей физической, тактической и психологической готовности обучаемых должно строиться на основных закономерностях педагогической науки, ее принципах обучения и воспитания, с учетом дидактических требований к ее методам.

Из анализа литературных источников видно, что состояние индивидуальной боевой готовности сотрудников обеспечивается развитием и способностью к комплексному проявлению следующих компонентов: физической подготовленности к преодолению препятствий, рукопашному бою и совершению марш-бросков; силовой подготовленности к ведению рукопашного боя; специальной работоспособности к поиску преступника, его преследованию, пленению и конвоированию как в реальных, так и в экстремальных ситуациях, а на выходе мы получаем профессионально-подготовленного сотрудника ОВД (В.И. Лавров, 2008).

На основании этих данных мы определили место рукопашного боя в индивидуальной боевой готовности сотрудников ОВД.

Из сказанного следует, что, рукопашный бой является важным средством физической подготовки сотрудников ОВД, способным наиболее комплексно решать целый ряд задач физической и психологической закалки, целенаправленно способствовать повышению их профессионального мастерства.

Литература

1. Федеральный закон Российской Федерации от 4 декабря 2007 г. № 329 ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации». – М.: «Российская газета». – Федеральный выпуск № 4539 от 8 декабря 2007 г.
2. Приказ МВД России от 29 июля 1996 г. № 412 «Об утверждении Наставления по физической подготовке сотрудников органов внутренних дел».
3. Приказ МВД России от 15 мая 2001 года № 510 «О внесении изменений и дополнений в Наставление по физической подготовке сотрудников органов внутренних дел, утвержденное приказом МВД России от 29 июля 1996 г. № 412».
4. Приказ МВД России от 29 июня 2009 года № 490 «Об утверждении Наставления по организации профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации».
5. Кудин В.В., Торопов В.А., Ушенин А.И., Куликов М.Л. и др. Физическая подготовка: учебник. – СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2010. – 312 с.
6. Торопов В.А. Физическая подготовка: учеб. пособие. – СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2008. – 311 с.

Коротко об авторах

Briefly about the authors

Хыбыртов Р.Б., преподаватель кафедры физической культуры и прикладных единоборств, капитан полиции, Санкт-Петербургский университет МВД России
Служ. тел.: 730-2309

R. Huburtov, senior teacher, physical training and applied single combats department, the captain of police, St.-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Научные интересы: физическая подготовка, рукопашный бой

Scientific interests: physical training, hand-to-hand fight

Ушенин А.И., начальник кафедры физической культуры и прикладных единоборств, канд. пед. наук, доцент, полковник полиции, Санкт-Петербургский университет МВД России
Служ. тел.: 730-2309

A. Ushenin, the head of physical training and applied single combats department, Candidate of Pedagogical Sciences, the colonel of police, St.-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Научные интересы: физическая подготовка, рукопашный бой

Scientific interests: physical training, hand-to-hand fight

Психологические науки

УДК 159.9

Харькова Татьяна Петровна
Tatyana Khar'kova

СВЯЗЬ ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОСТИ ОБРАЗА Я И СТРАТЕГИЙ ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В ТРУДНЫХ ЖИЗНЕННЫХ СИТУАЦИЯХ

THE DIFFERENTIATED TIES OF SELF-IMAGE AND INDIVIDUAL BEHAVIOR STRATEGIES IN DIFFICULT SITUATIONS

Исследуется согласованность Образа Я личности, дифференцированность его компонентов и связь между степенью дифференцированности образа Я личности и стратегий поведения в трудных жизненных ситуациях. Рассматриваются такие понятия, как Я-концепция и Образ Я, множественность и динамизм которых подчеркивается и другими учеными. Показано, что дифференцированность Образа Я личности, присущая интегрированной личности, достигается, прежде всего, непосредственной включенностью личности в различные жизненные пространства. Вариативность самоописаний связана с дифференциацией Образа Я: чем точнее разделение, тем шире описания и тем больше в них встречается поведенческих, деятельностных характеристик

Ключевые слова: Образ Я личности, дифференцированность компонентов Образа Я, Я-концепция, стратегии поведения в трудных жизненных ситуациях

The author studies consistency of personal self-image, differentiation of its components and relation between differentiation level of self-image and behavioral strategy in difficult life conditions. Self-image, which verity and dynamism have been underlined by other scientists, is considered in this work. It is presented that differentiation of personal self-image, which is appropriate for integrative personality can be achieved if person is involved into different environments. Verity of self-descriptions depends on differentiation of personal self-image. The more precise this differentiation is, the more extensive descriptions are and the more behavioral and functional characteristics they contain

Key words: personal self-image, differentiation of self-image components, behavioral strategy in difficult life conditions

Для современной психологии личности все более актуальными становятся проблемы, связанные с рассмотрением личности не как отдельно взятой реальности, а в совокупности всех ее проявлений. Личность интересует психологов как система, способная к активному преобразованию действительности, к саморазвитию и самораскрытию в различных сферах своего взаимодействия с миром.

Личность изучается в контексте разнообразных отношений с бытийными пространствами. Все они влияют на развитие

личности и отражаются в системе представлений личности о себе и окружающей действительности (С. Л. Рубинштейн, В. В. Знаков, Б. С. Братусь, Э. И. Рябикина).

С.Л. Рубинштейн подчеркивает, что в системе взаимосвязей человека с окружающими людьми и миром ему приходится выступать в разных качествах, в разных ролях, быть субъектом самых разнообразных видов деятельности. Из каждого взаимодействия с миром вещей и миром людей человек «выносит» образ своего Я. В процессе самоанализа, расчленения отдельных конк-

ретных образов своего Я на составляющие их образования происходит обсуждение с самим собой своей личности.

Еще З. Фрейд говорил, что «нормальный» человек должен «любить и работать». Фрейд считал, что семья удовлетворяет потребность человека в любви, а работа, как никакая другая сфера жизни, связывает его с реальностью и обеспечивает его материально. Таким образом, призыв Фрейда «любить и работать» можно интерпретировать как акцент на важности работы и семьи для нормального существования.

Таким образом, гармоничность психологической организации личности рассматривается нами через согласованность в Образе Я ее высокодифференцированных ролевых представлений.

Проблема интеграции личности занимает одно из центральных мест в психологии здоровья (Б.С. Братусь, О.С. Васильева, Г. Олпорт, К.Г. Юнг, М. Ягода). Но интеграция личности, то есть построение целостного образа себя, невозможна без способности дифференциации различных компонентов образа Я, что обеспечивает возможность личностного роста. Показателем зрелости личности может быть только её целостность, рассмотренная в аспекте интегрированности всех компонентов — когнитивного, эмоционального, поведенческого. При этом необходимо учитывать, что должна быть высокая дифференцированность структуры образа Я в сочетании с высоким уровнем рефлексивности личности в целом и каждого компонента образа Я, в частности.

Дифференцированность Образа Я мы, в данном случае, рассматриваем исходя из двух основополагающих концепций: с учётом структурных компонентов самосознания — когнитивный, эмоциональный, поведенческий, а также исходя из диапазона ролей (семейных и профессиональных). В отечественной психологии структурными компонентами самосознания называются когнитивный (Я-образы); эмоционально-оценочный (самоотношение); поведенческий (регулятивный) и, в зависимости от исследовательских задач, ученые выделяют

какой-либо компонент, который выступает предметом их изучения и который описывается как структура и/или процесс. В рамках проводимого нами исследования мы рассматриваем указанные компоненты Образа Я комплексно, а в качестве дополнительного компонента выделяем еще и рефлексивный (возможность отслеживания личностью собственных проявлений в аспекте когнитивных, эмоциональных и поведенческих особенностей и ролевого репертуара).

Таким образом, интегративность, целостность личности на операциональном уровне рассматривается нами как согласованность высокодифференцированной структуры компонентов ее Образа Я.

Как известно, целостная зрелая личность успешнее справляется с жизненными трудностями и испытаниями. Однако конструкты «зрелости» и «целостности» личности являются процессуальными, в связи с чем можно вычленить различные этапы их становления, каждый из которых связан с собственным репертуаром поведения личности.

Возникает теоретико-практическая задача установления связей между целостностью Образа Я личности и выбором стратегий поведения в трудных жизненных ситуациях. Актуальна разработка концептуальной модели, которая позволит раскрыть многокомпонентную структуру Образа Я с акцентом на поведенческой составляющей в согласованности с когнитивным и аффективным компонентами в аспекте ролевых представлений.

Поэтому *объектом* нашего исследования является Образ Я личности. *Предметом* — связь согласованности Образа Я (в аспекте профессиональных и семейных ролей) личности с предпочитаемыми стратегиями поведения в трудных жизненных ситуациях. *Цель* исследования — выявить и изучить связь согласованности Образа Я (в аспекте профессиональных и семейных ролей) с выбором различных стратегий поведения в трудных жизненных ситуациях, с их содержанием и степенью вариативности.

В исследовании приняли участие 194 человека. Из них 81 – мужчины, 113 – женщины. Сотрудники структуры МВД: работающие – 29, курсанты – 31. Сотрудники сферы образования: учителя – 30, студенты – 42. Медицинские работники: работающие – 20, студенты – 42.

Анализ и интерпретация данных

Исследование включало несколько этапов. На первом этапе проводили исследование профессиональных и семейных представлений личности и особенности поведения в конфликтных ситуациях в данных сферах жизнедеятельности (методика самоотношений Т. Лири и методика определения стиля поведения в конфликтной ситуации Т. Томаса).

На втором этапе провели качественное исследование профессионального и семейного Образа Я личности (разработана авторская анкета «Согласование семейных и профессиональных ролей», которая состоит из двух частей (первая часть – открытые вопросы; вторая часть – неоконченные предложения. Также респондентам предлагалось написать эссе на тему «Я в професси-

ональной жизни» и «Я в семье»).

На третьем этапе принято решение использовать анализ проективной сказки о взаимоотношениях супругов в сложных жизненных ситуациях для определения особенностей стратегий поведения. Завершающий этап – этап синтеза полученных в ходе применения количественных и качественных методик данных.

При анализе полученных данных нами были выделены три основные группы по степени дифференцированности образа себя в различных сферах жизнедеятельности или бытия личности. Определенные нами группы выглядят следующим образом (подтверждено математическим анализом, Т-критерий Стьюдента, различия на уровне 1 и 5 %):

1) *устойчивая* (образы себя строго дифференцированы в аспекте профессиональных и семейных ролей);

2) *диффузная* (образы себя частично дифференцированы);

3) *аморфная* (образы себя слитные в аспекте профессиональных и семейных ролей).

Предпочитаемые стратегии поведения в группах

Тип группы	Состав группы	Стратегии поведения	
		Семейная сфера	Профессиональная сфера
1. <i>Устойчивая</i>	Работающие муж. МВД Работающие муж. педаг. Работающие жен. МВД Работающие жен. педаг.	Ком. Присп. Сот. Ком. Сот. Ком. Сот. Ком.	Соп. Ком. Изб. Сот. Ком. Изб Сот. Ком. Сот. Ком.
2. <i>Диффузная</i>	Работающие мед. раб. муж. Учащиеся мед. раб. юноши Работающие мед. раб. жен. Учащиеся педаг. дев.	Ком. Присп. Сот. Изб. Присп. Ком. Изб. Сот. Ком. Присп.	Сот. Ком. Сот. Ком. Присп. Ком. Сот. Ком.
3. <i>Аморфная</i>	Учащиеся МВД юноши Учащиеся мед. раб. дев. Учащиеся педаг. юноши Учащиеся МВД дев.	Сот. Ком. Ком. Сот. Ком. Сот. Ком.	Сот. Ком. Сот. Ком. Сот. Ком. Изб Соп. Ком.

Так, если обращаться только к данной таблице, то репертуар предпочитаемых стратегий поведения в группах кажется одинаковым, но, интерпретируя данные таблицы в совокупности с качественными результатами, мы наблюдаем устойчивые различия. Так, в группе с высокодифференцированными образами Я-профессионал, Я-семьянин (1 группа), спектр поведенчес-

ких стратегий шире в профессиональной среде – в семье они предпочитают сотрудничество, а в профессии спектр стратегий расширяется и помимо сотрудничества, как универсального хода, также осознают необходимость соперничества или избегания. В группе со слабо дифференцированным образом себя (в двух ролевых позициях, 2 группа) наоборот, спектр поведенческих

стратегий шире в семье, так как сам выбор чаще всего носит характер заданного извне (решения, предложенные значимыми другими). В семье предпочтительнее всего приспособливаться, но также допускается сотрудничество и избегание. В профессии предпочтение отдается сотрудничеству, скорее всего в данном случае правомерно говорить о профессиональной специфике. Так как преобладающее большинство группы — медработники, то сотрудничество действительно самый продуктивный способ поведения в условиях профессионального взаимодействия. В третьей группе нет вариативности поведенческих стратегий вообще и нет связи между качествами личности и стратегиями поведения, что подтверждается корреляционным анализом. Данная группа предъявляет абсолютно слитные, не дифференцированные образы себя и в семье, и в профессии. То есть группа, которая в реальности не реализует ни семейных, ни профессиональных ролей, а только «обучается» им, не имеет четких когнитивных образов. И, как результат, не имеет вариативности поведенческих паттернов в активе своей деятельности. Основным стилем поведения в конфликтных ситуациях они выбирают сотрудничество, то есть такую стратегию, которая дает возможность при сохранении своего Я как бы попросить помощи.

Вариативность самоописаний также связана с дифференциацией образа Я, чем точнее разделение, тем шире описания и тем больше в них встречается поведенческих, деятельностных характеристик. Так, в группе с высоко дифференцированным образом себя (Я-профессионал, Я-семьянин) деятельностные характеристики очень четкие, последовательные и жизненно обоснованные. Описывая собственные образы семьи, ставят конкретные поведенческие задачи «почаще бывать дома», «встречаться с близкими», «обеспечивать семью». Предложения возможных или необходимых изменений в семье также носят разнообразный продуктивный и индивидуальный характер «стиль жизни», «численный состав (завести ребенка)», «некоторые традиции»,

«материальное положение». Описания действий являются основными в процессе описания собственной профессиональной жизни и представленности себя в этой жизни: «добиваюсь результатов», «прислушиваюсь к замечаниям руководства», «реализовываюсь», «пытаюсь усовершенствовать условия труда». Так, дифференция образа себя проявляется в том, что когнитивно профессиональная сфера связывается с общественными представлениями и социальной значимостью, а семейная сфера — исключительно с представлениями о самом себе.

В группе со слабо дифференцированным образом себя, в двух ролевых позициях прослеживается неопределенность установок на поведение и ощущение себя в этих сферах. Описания себя в профессиональной жизни у представителей *второй группы* носят скорее случайный характер, и выделить общие особенности для всей группы достаточно сложно. Так, женщины, помимо деятельностных характеристик «реализовываю себя», «получаю много денег», включают и качественные самоописания — «исполнительна», «ответственна», также представлены и эмоционально-мировоззренческие характеристики «переживаю о престиже профессии в обществе», «считаю свою профессию благородной». Мужчины же сосредотачиваются исключительно на деятельностных характеристиках «соответствую званию и достижениям», «развиваюсь и способен на многое», «выполняю каждодневную работу», при этом данные характеристики не отличаются конкретностью.

При том, что более приятной является семейная сфера и, соответственно, более безопасной, присутствует устойчивая негативная установка на брак.

В группе с недифференцированным образом себя, как правило, вообще нет никакой конкретики, поведенческие характеристики выглядят либо как стереотипные, либо как очень абстрактные и размытые.

Соответственно полученным результатам, мы можем сделать следующие выводы:

1) дифференцированность Образа Я

личности, присущая интегрированной личности, достигается, прежде всего, непосредственной включенностью личности в различные жизненные пространства и обеспечивает возможность роста и развития;

2) дифференциация образов себя связана с вариативностью выбора стратегий поведения в трудных жизненных ситуациях;

3) вариативность самоописаний, также связана с дифференциацией образа Я, чем точнее разделение, тем шире описания и тем больше в них встречается поведенческих, деятельностных характеристик. Так, в группе с высоко дифференцированным образом себя (Я-профессионал, Я-семьянин) деятельностные характеристики очень четкие, последовательные и жизненно обоснованные. В группе со слабо дифферен-

цированным образом себя, в двух ролевых позициях прослеживается неопределенность установок на поведение и ощущение себя в этих сферах. При том, что более приятной является семейная сфера, и соответственно, более безопасной, присутствует устойчивая негативная установка на брак. В группе с недифференцированным образом себя, как правило, вообще нет никакой конкретики, поведенческие характеристики выглядят либо как стереотипные, либо как очень абстрактные и размытые;

4) наблюдается профессиональная специфичность в самоописаниях образа себя и стратегий поведения в трудных жизненных ситуациях, но данная категория не является системообразующей в такой же мере, как и гендерная специфичность.

Литература

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. — М.: Мысль, 1991. — 299 с.
 2. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. — СПб.: Питер, 2002. — 288 с.
 3. Безнососов С.П. Профессиональная деформация личности. — СПб.: Речь, 2004. — 272 с.
 4. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. — М.: Прогресс, 1986. — 420 с.
 5. Бодалев А.А. О событиях в жизни человека и человеке как событии // Мир психологии. — 2000. — № 4. — С. 66-70.
 6. Василюк Ф.Е. Структура образа (К 90-летию со дня рождения А.Н. Леонтьева) // Вопросы психологии. — 1993. — № 5. — С. 5-19.
 7. Гинзбург М.Р. Психологическое содержание личностного самоопределения // Вопросы психологии. — № 3. — 1994. — С. 43-52.
 8. Зеер Э.Ф., Сыманюк Э.Э. Кризисы профессионального становления личности // Психологический журнал. — 1997. — Т. 18. — № 6. — С. 35-44.
 9. Знаков В.В. Понимание субъектом мира как проблема психологии человеческого бытия. Проблема субъекта в психологической науке / Под. ред. А.В. Брушлинского, М.И. Володиной, В.Н. Дружинина. — М.: Академический проект, 2000. — С. 86-105.
 10. Кон И.С. Открытие Я. — М., 1978.
 11. Ожигова Л.Н. Гендерный подход в социально-психологических исследованиях // Проблемы самореализации мужчины и женщины в современном российском обществе (Тез. док. науч.-практ. конф.). — Краснодар, 2001. — С. 31-33.
 12. Фоменко Г.Ю. Личность как субъект бытия в ЭУ два модуса бытия. — Краснодар: Кубанский государственный университет, 2006.
-

Коротко об авторе _____ **Briefly about the author**

Харькова Т.П., аспирантка, Кубанский государственный университет
tanya.@mail.ru

T. Kharkova, postgraduate student, Kuban State University

Научные интересы: психология личности, дифференциальная психология, самосознания и личностной идентичности в основной экзистенциальной сфере (семейной и профессиональной сферах)

Scientific interests: psychology of personality, differential psychology, self-consciousness and personal identity in main existential spheres (family and professional spheres)

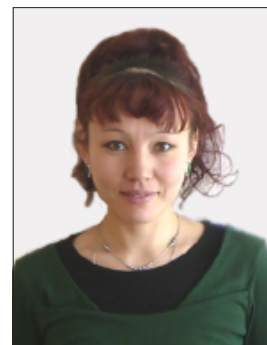

Политология

УДК 327

Арсентьева Ирина Ильинична
Irina Arsentjeva

ОРГАНИЗАЦИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ С ПРИГРАНИЧНЫМИ ТЕРРИТОРИЯМИ КНР (статья первая)

RECOMMENDATIONS FOR ORGANIZATION OF COOPERATION OF ZABAYKALSKY KRAI WITH PRC'S BORDER TERRITORIES (article one)

Обосновывается тезис о том, что одним из ключевых факторов обеспечения безопасности Забайкальского края выступает сотрудничество с приграничными территориями КНР. В этой связи автором даются рекомендации по организации данного сотрудничества в экономической сфере

Ключевые слова: Забайкальский край, Северо-Восточный регион КНР, приграничное сотрудничество, экономическая сфера, торговля

In the article the author proves the idea that cooperation with PRC's border territories is one of the key factors in ensuring security of Zabaykalsky Krai. In this regard the author makes recommendations for organization of this cooperation in economical sphere

Key words: Zabaykalsky Krai, PRC's North-East Region, border cooperation, economical sphere, trade

Российская Федерация сталкивается с множеством вызовов и угроз национальной безопасности [9], что в значительной степени является следствием геополитической специфики страны: в силу пространственной протяженности она «может по всем направлениям... наносить, а одновременно и получать удары» [5; С. 169]. Геополитические вызовы и угрозы затрагивают в первую очередь приграничные субъекты Федерации, что обусловлено экономическим, демографическим и культурно-религиозным давлением сопредельных государств на российскую территорию [1; С. 192].

Забайкальский край – приграничный субъект Российской Федерации, по территории которого проходит один из самых протяженных участков российско-китайской границы. В 2009 г., согласно данным Всемирного банка, Китай по объему номи-

нального ВВП занял третье место в мире после США и Японии. По итогам 2010 г. Китай занял второе место по величине номинального ВВП и второе место по ВВП, рассчитанному по паритету покупательной способности. Согласно прогнозу «Мир в 2050 году», опубликованному крупнейшей в мире аудиторско-консалтинговой компанией PricewaterhouseCoopers, к 2025 г. экономика Китая превзойдет экономику США [12].

Географическое соседство с Китаем дает Забайкалью определенные преимущества, компенсируя удаленность от главных экономических центров России. Однако анализ торгово-экономического взаимодействия Забайкальского края и приграничных территорий КНР позволяет выделить целый ряд вызовов и угроз региональной безопасности:

– ориентация практически всех международных связей Забайкальского края на КНР (например, в 2009 г. на долю КНР пришлось 94,4 % внешнеторгового баланса края [7; С. 3]);

– выраженная сырьевая направленность экспорта;

– концентрация инвестиционных вложений в сырьевом секторе экономики;

– неразвитость приграничной инфраструктуры;

– усиление конкуренции на региональном рынке труда в связи с наличием дешевой рабочей силы из КНР.

С одной стороны, моноориентация на торговлю с КНР создает зависимость забайкальской экономики от китайских внешнеторговых приоритетов и, следовательно, потенциальную угрозу региональной безопасности. С другой стороны, подобная монозависимость имеет объективные географические основания, и в отсутствие ощутимых отечественных государственных и частных инвестиций китайские ресурсы (инвестиционные, трудовые и др.) выступают на сегодняшний день самым значимым фактором развития Забайкальского края. В этой связи необходимо при поддержке федерального Центра максимально интенсифицировать торгово-экономические контакты с КНР, для повышения эффективности которых представляется целесообразным предпринять следующие шаги.

1. Сформировать «пояс развития» в пограничных с Китаем районах Забайкальского края путем создания льготных условий для российских и иностранных инвесторов, работающих в полосе до 200...300 км от линии российско-китайской границы. Концепция «пояса развития» подразумевает комплекс нормативно-правовых актов и организационных действий, направленных, с одной стороны, на предоставление отечественным и иностранным инвесторам налоговых льгот, мер господдержки, строительство особых экономических зон и т.д.; с другой – на обеспечение экономической, демографической и прочей безопасности Забайкальского края и России в целом [3; С. 69-71].

2. Изменить подходы к подготовке рабочих кадров. На 1 января 2001 г. численность населения Читинской области (вместе с Агинским Бурятским автономным округом) составляла 1178,8 тыс. человек, на 1 января 2010 г. – 1117 тыс. человек, т.е. снизилась более чем на 5 % [10]. Сокращение численности населения ведет к уменьшению плотности заселения, которая и так невысока, снижаются перспективы дальнейшего освоения географического пространства края. Сокращение численности детей и подростков снижает объемы и качество подготовки квалифицированных кадров в учебных заведениях, что ослабляет научный, инновационный и экономический потенциал.

Следует отметить, что обеспеченность трудовыми ресурсами является одним из основных факторов низких темпов экономического развития не только Забайкальского края, но и большинства восточных субъектов Федерации. По подсчетам российских специалистов, для обеспечения 7...8 % экономического роста трудовые ресурсы этих регионов должны увеличиться на 15 млн человек. Кроме того, для развития Сибири и Дальнего Востока «архиострое» значение имеет проблема низкой производительности труда [8; С. 34]

Отдельной проблемой является снижение потенциала имеющихся трудовых ресурсов. В связи с низкой рождаемостью и миграционным оттоком населения трудоспособного возраста (в основном это молодые люди до 30 лет) происходит стабильное старение населения: в 2007 г. в Забайкальском крае 15,2 % населения – люди старше трудоспособного возраста, в 2008 г. – 15,5 %, в 2009 г. – 15,8 % [10]. Наблюдается миграционный отток людей с высшим образованием. Такая ситуация приводит к тому, что местные трудовые ресурсы оказываются неконкурентоспособными, т.е. неспособными обеспечить региональное социально-экономическое развитие.

Обострение проблемы трудовых ресурсов приводит к импорту рабочей силы из КНР. И даже при наличии российских кадров предприятия зачастую предпочи-

тают китайскую рабочую силу по причине ее производительности и заработной платы. Поэтому параллельно с изменением государственной политики необходимо готовить в Забайкальском крае квалифицированные рабочие кадры, которые в будущем смогут занять свою нишу на предприятиях, расположенных в «поясе развития». Китайская рабочая сила является дешевой только в том случае, если она неквалифицированная или низкоквалифицированная. Квалифицированные китайские рабочие, а именно такие будут требоваться в будущем, рассчитывают на зарплату не ниже 1000 долларов США. К этому нужно прибавить расходы на их визы, проживание, медицинское обслуживание и т.д., поэтому на владельцев предприятий ложится серьезное финансовое бремя. В такой ситуации подготовленные российские рабочие кадры (особенно, если учесть, что в Забайкальском крае номинальные денежные доходы в расчете на одного человека в марте 2011 г. — 15132,5 руб. [10]) могут составить реальную конкуренцию китайским рабочим, что будет способствовать закреплению населения в приграничных с Китаем районах. В противном случае в недалеком будущем эти районы превратятся в пустынные территории, поскольку жители, не имея нормальных жизненных условий и возможности реализовать свои знания и трудовые навыки, будут стремиться мигрировать [3; С. 71].

3. Совершенствовать приграничную инфраструктуру. В Забайкальском крае функционируют девять пунктов пропуска, пять из которых находятся на российско-китайской границе. Их общей проблемой является необустроенность и неуккомплектованность. Наиболее развитой инфраструктурой характеризуется железнодорожный пункт пропуска в поселке Забайкальск, который является крупнейшим в России международным железнодорожным пунктом пропуска. В 2000 — 2007 гг. темпы роста грузооборота через пункты пропуска на российско-китайской границе составляли ежегодно в среднем 15,5 %, а грузооборот через Забайкальск рос в среднем на 24,3 % [6; С. 17]. Сегодня через станцию переме-

щается до 70 % российско-китайских грузов, в том числе осуществляются перевозки нефти в рамках программы «Нефть для Китая». По данным Забайкальской таможни, в 2009 г. было оформлено почти 21,5 млн т грузов [7; С. 9].

Помимо железнодорожного пункта пропуска, в поселке Забайкальск находится международный автомобильный пункт пропуска (МАПП). На сегодняшний день это единственный автомобильный пункт пропуска на российско-китайской границе, работающий круглосуточно. Его отличительная особенность заключается в том, что структура пропускных операций асимметрична и ориентирована в основном на ввоз из Китая партий товаров и грузов китайского производства как на пассажирском, так и на грузовом направлениях. Однако построенный по проекту конца 1980-х гг. автопереход уже к 2002 г. перестал соответствовать требованиям, предъявляемым к международным пунктам пропуска. При проектировании не была учтена особенность структуры пропускных операций на пассажирском направлении. Технические средства устарели и выработали установленные ресурсы, локальные вычислительные сети изначально отсутствовали, распределение транспортных потоков нерациональное, большая территория режимной зоны [7; С. 8].

В остальных международных пунктах пропуска, расположенных на территории Забайкальского края, инфраструктура практически не развита. Так, таможенное оформление и пограничный контроль на пункте пропуска Староцурухайтуйский как на пассажирском, так и на грузовом направлении производится в зале таможенного оформления таможенного поста. При этом оформление и досмотр транспортных средств на грузовом и легковом направлениях при въезде и выезде из РФ осуществляются одним должностным лицом таможенного поста. Это приводит к задержкам при оформлении товаров и транспортных средств.

Китайская сторона, напротив, проводит постоянную модернизацию своих пун-

ктов пропуска. Так, в 2009 г. завершена реконструкция сопредельного Староцурухайтуйскому китайского пункта пропуска Хэйшаньтоу. Новый автомобильный пункт пропуска построен по проекту австралийской инженерно-консалтинговой фирмы «Эшплард Форест». Пассажирское и грузовое направления разделены, построены зал въезда и выезда, площадь каждого составляет 2000 кв. м. Пропускная способность пункта пропуска: пассажирская — 2 млн человек в год, грузовая — 2 млн т грузов в год. Кроме того, сдана в эксплуатацию подъездная к пункту пропуска автодорога Хэйшаньтоу-Лабудалинь протяженностью 78 км [7; С. 10].

Асимметрия в инфраструктурном развитии Забайкальского края и приграничных территорий КНР (автономного района Внутренняя Монголия и провинции Хэйлунцзян) препятствует паритетному межрегиональному взаимодействию. Кроме того, неразвитость приграничной инфраструктуры — серьезный барьер для внешнеэкономической, инвестиционной и туристической деятельности Забайкальского края. Поэтому актуальными остаются вопросы совершенствования приграничной инфраструктуры, скорейшей реконструкции и обустройства пунктов пропуска на границе с КНР. При этом очевидно, что без крупных инфраструктурных проектов, финансируемых из федерального бюджета, риски потери контроля Центра над дальневосточными и восточносибирскими территориями, в том числе над Забайкальским краем, будут только усиливаться.

4. Сформировать благоприятный инвестиционный климат для иностранных (прежде всего, китайских) инвесторов. Для Забайкальского края в силу географического положения главную роль играет инвестиционный потенциал КНР. В 2009 г. Китай стал крупнейшей страной-инвестором края (в 2008 г. занимал третье место после Кипра и Казахстана), китайские вложения составили 17,5 млн долларов США, увеличившись по сравнению с 2008 г. более чем в два раза [7; С. 23]. Поэтому основные усилия следует сосредоточить на

формировании благоприятного инвестиционного климата для китайских инвесторов. Однако отношение к ним заметно отличается (в худшую сторону) от отношения к инвесторам из Японии, Южной Кореи и тем более из Западной Европы и США. Во многом это обусловлено мифами «о желтой опасности», циркулирующими не только в обыденном сознании россиян, но и среди политической элиты.

Средняя плотность населения в Забайкальском крае составляет 2,5 чел/кв. км; в семи пограничных с Китаем районах она несколько выше — 2,7 чел/кв. км. Но это обусловлено высокой плотностью заселения экономически развитого муниципального образования г. Краснокаменск и Краснокаменского района, где средняя плотность населения составляет 12,6 чел/кв. км. В остальных шести районах этот показатель колеблется от 0,7 (Газимуро-Заводский район) до 4,9 (Приаргунский район) чел/кв. км [10]. Население КНР, согласно официальной статистике, уже превысило 1 млрд 300 млн человек. В трех пограничных с Россией китайских провинциях — Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин — еще в конце прошлого столетия проживало свыше 104 млн, средняя плотность составляла 130 чел/кв. км [11; С. 113].

Забайкальский край граничит с автономным районом Внутренняя Монголия (плотность населения 20,2 чел/кв. км) и провинцией Хэйлунцзян (83 чел/кв. км), которые многократно превосходят его в демографическом отношении. Поэтому у населения края постепенно формируется достаточно устойчивый комплекс опасений и предубеждений по отношению к китайским мигрантам и гражданам КНР в целом. Эти опасения носят как вполне рациональный, так и нерациональный характер, но само их существование, массовость, воздействие на поведение населения делают их самостоятельной угрозой региональной безопасности. А поскольку систематизированная институциональная основа решения миграционных проблем отсутствует, возникает почва для конфликтов, которые впоследствии могут перейти с регионального уровня

на общенациональный.

Однако сегодня угрозу национальной безопасности России представляет стремительное ухудшение демографической ситуации в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, а не китайские мигранты, количество которых в бытовом сознании явно преувеличено. Согласно данным Управления Федеральной миграционной службы по Забайкальскому краю, в течение 2009 г. на миграционный учет по месту пребывания (временно пребывающие на территории края) поставлено 49113 иностранных граждан, из них 32221 (65,6 %) составили граждане КНР. Последние приезжают в основном для осуществления трудовой деятельности. 22416 граждан Китая (69,6 %) поставлены на миграционный учет по работе по найму, в большинстве своем это сезонные рабочие, что доказывает статистика на конец августа 2010 г.: всего на территории края временно находилось 5960 граждан КНР.

В сознании жителей и политической элиты Забайкальского края должно сформироваться понимание того, что на сегодняшний день одним из немногих реальных шансов улучшения экономической ситуации (а значит, решения других проблем регионального развития) является увеличение иностранных, в первую очередь китайских инвестиционных вложений. В этой связи необходимо сосредоточить усилия на формировании и укреплении положительного международного имиджа Забайкальского края.

5. Использовать при торгово-экономическом взаимодействии с Северо-Восточным Китаем региональный подход, что подразумевает экономическую интеграцию Забайкальского края, Иркутской области и Республики Бурятия, образующих Байкальский регион. Такая необходимость обусловлена тем, что КНР проводит политику активизации процессов регионализации и экономического укрупнения своих территорий. Китайские власти справедливо полагают, что экономики отдельных провинций, особенно соседних, должны представлять собой единый, взаимосвязанный

комплекс. Поэтому процесс региональной кооперации становится решающим фактором при разработке и реализации программ экономического развития страны. Народный политический консультативный совет Китая неоднократно рассматривал вопросы экономического объединения трех северо-восточных провинций – Ляонин, Цзилинь, Хэйлунцзян – с автономным районом Внутренняя Монголия в целях создания «северо-восточного экономического пояса». Подобный подход создает условия для эффективного выхода этих территорий на международные рынки, в первую очередь российский. Соответственно, необходим симметричный ответ российских регионов на новые тенденции экономического развития КНР в приграничном пространстве.

Кроме того, экономическая интеграция с Иркутской областью и Республикой Бурятия позволит Забайкальскому краю расширить географию международных связей и, следовательно, преодолеть монозависимость от КНР. Это обусловлено тем, что уровень зависимости от КНР указанных субъектов Федерации не такой критический, как Забайкальского края. По итогам 2009 г., на долю КНР пришлось 26 % импорта в Иркутскую область; в структуре экспортных поставок из Иркутской области поставки в Китай составляют 26,3 % от общего объема [2]. Основные международные партнеры Иркутской области, помимо КНР, – Япония, США, Монголия, Казахстан (в общей сложности область поддерживает торгово-экономические отношения почти с 80 странами мира). В Бурятии экспортные операции в 2009 г. осуществлялись с партнерами из 29 стран мира. Основные торговые партнеры в экспорте – Китай (36,8 % общего объема экспорта), Объединенные Арабские Эмираты – (29,3 %), Иран (8,7 %), Монголия (8,2 %), Азербайджан (6,8 %). Импортные операции осуществлялись с партнерами из 18 стран дальнего и ближнего зарубежья. Основные партнеры по импортным поставкам – Украина (49,2 %), Китай (19,7 %), Монголия (13,1 %), Белоруссия (11,9 %), Чехия (1,3 %) [4].

Подводя итоги анализу вызовов и угроз безопасности Забайкальского края при его торгово-экономическом взаимодействии с приграничными китайскими территориями, еще раз акцентируем внимание на следующих моментах. Сегодня необходима принципиально новая государственная политика, направленная на форсированное развитие приграничного российского периметра, формирование эффективной региональной экономики, восстановление, сохранение и преумножение человеческого капитала. Необходима согласованная работа федеральных и региональных органов государственной власти, а также органов местного самоуправления. Нужны управ-

ленческие кадры, способные к инновационным формам деятельности в сложных социально-экономических условиях. Однако, прежде всего, нужны огромные инвестиционные вливания. Сможет ли федеральный Центр изыскать их уже в ближайшее время? Скорее ситуация складывается таким образом, что без использования «китайского фактора» Забайкальский край невозможно вывести из кризиса. Поэтому стратегию регионального развития следует разрабатывать, основываясь не на страхах и предубеждениях по отношению к КНР, а на четких правовых рамках приграничного сотрудничества и системном учете открывающихся возможностей и их последствий.

Литература

1. Арсентьева И.И. Приграничные регионы в системе национальной безопасности России (на примере Забайкальского края) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 108. – С. 191-198.
2. В провинции Ляонин (КНР) состоится презентация Иркутской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.irkobl.ru/events/detail.php?ID=155446>.
3. Галсанов Б.Г., Арсентьева И.И. Проблемы социально-экономического развития Забайкальского края и перспективы их решения // Управление мегаполисом. – 2010. – № 6. – С. 65-74.
4. Итоги внешнеторговой деятельности Республики Бурятия за 2009 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://egov-buryatia.ru/index.php?id=259>.
5. Маккиндер Х.Дж. Географическая ось истории // Полис. – 1995. – № 4. – С. 162-169.
6. Международное сотрудничество, внешнеэкономические связи и туризм Забайкальского края в 2008 г. – Чита: Экспресс-издательство, 2009. – 108 с.
7. Международное сотрудничество, внешнеэкономические связи и туризм Забайкальского края в 2009 г. – Чита: Экспресс-издательство, 2010. – 124 с.
8. Михайленко А.Н. «Мягкая» сила и развитие российского Дальнего Востока // Управление мегаполисом. – 2010. – № 6. – С. 29-35.
9. Михайленко А.Н., Груздов С.В. Понятия угрозы и вызова национальной безопасности // Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer. – 2011. – Т. 253. – № 2. – С. 57-63.
10. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Забайкальскому краю [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://chita.gks.ru/default.aspx>.
11. China Statistical Yearbook 1999. – Beijing, 1999.
12. The World in 2050 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.pwc.com/gx/en/world-2050/beyond-the-brics.jhtml>.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Арсентьева И.И., д-р полит. наук, доцент кафедры востоковедения Забайкальского государственного университета (ЗабГУ)
airenl@yandex.ru

I. Arsentjeva, Candidate of Philosophical Sciences, associate professor of oriental studies department, Zabaikalsky State University

Научные интересы: международные отношения, национальная и региональная безопасность Российской Федерации

Scientific interests: international relations, national and regional security of Russian Federation

УДК 342.51

Коваль Татьяна Александровна
Tatyana Koval

ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ: АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ, СУЩНОСТЬ

EXECUTIVE POWER: THE CONCEPT ANALYSIS, ESSENCE

Рассматривается определение, сущность исполнительной власти. Автор дает анализ формам и функциям исполнительной власти

Ключевые слова: власть, исполнительная власть, административная власть, компетенция, государственное управление, полномочия, функции, критерии

In the article the term and essence of Executive branch of the government are discussed. The author carries out the analysis of the forms and functions of Executive powers

Key words: power, executive power, administrative power, competence, government, authorities, functions, criteria

В соответствии с теорией разделения властей одной из ветвей власти является исполнительная. Ее функции сводятся к исполнению действующего законодательства, выработке основных направлений внутренней и внешней политики государства, организации деятельности государственного аппарата по реализации такой политики, а также к охране гражданских прав и свобод.

Термин «исполнительная власть» появился в законодательстве в 90-е гг. XX в. Единый подход к данному определению в науке до сих пор не сложился. Понятие «исполнительная власть» толковалось учеными по-разному.

Исполнительную власть рассматривали А.Д. Градовский, С.А. Котляревский и др. Под данным определением понималась правительственная власть (В.М. Гессен, Н.О. Куплеваский, Ф.М. Кокошкин и др.). В качестве синонимов рассматривались термины «правительственная власть» и «исполнительная власть» (Н.И. Лазаревский, Г. Новоторжский).

В работах А.А. Алексева, С.П. Покровского под исполнительной властью понималась «министерская власть», под ко-

торой подразумевалась правительственная власть. А.А. Алексеев в своем труде о министерской власти называет ее также исполнительной, или административной [2; С. 120]. Подобной точки зрения придерживается и Д.Н. Бахрах, считая, что исполнительная власть — это административная власть в условиях правового государства, демократически организованного общества. В свою очередь, «административную власть можно трактовать в двух аспектах: в юридическом, понимая под ней право и возможность официальных руководителей управлять кем-либо, подчинять своей воле других людей, издавать властные акты; и в политологическом, когда данное понятие охватывает комплекс политико-правовых явлений и прежде всего публичную администрацию, компетенцию ее органов и служащих, ее деятельность» [3; С. 8].

Исполнительная власть рассматривалась во взаимосвязи с администрацией и административной деятельностью (А.О. Евтихийев), органами управления или административными учреждениями (В.М. Грибовский, А.И. Елистратов).

В работе И.А. Полянского «Правовой статус органов исполнительной влас-

ти субъектов РФ» исполнительная власть определяется как государственная власть, которая предполагает наличие особых звеньев государственного аппарата (органов государственного управления общей компетенции), деятельность которых направлена на реализацию общих норм, установленных субъектами законодательной (представительной) власти, в целях регулирования различных сторон общественной жизни [10; С. 21].

Понятие «исполнительная власть» рассматривает в узком и широком смысле К.С. Бельский.

В узком смысле под исполнительной властью понимается «право и возможность должностного лица принимать решение, которое реализует подчиненный работник (весь персонал) под контролем и ответственностью этого должностного лица» [4; С. 76].

В широком смысле рассматривается система органов государственного управления, построенных иерархически, наделенных властными полномочиями и реализующих их с целью создать условия для нормального функционирования общества.

Рассматривая взаимосвязь понятий «исполнительная власть» и «государственное управление» следует отметить, что после принятия конституции 1993 г. последовало изъятие из нормативной практики терминов «управление», «государственное управление», «орган государственного управления». Ряд ученых (В.С. Рыжов) считает, что термин «государственное управление» исчезнет из лексикона, другие (В.Ф. Дерюжинский, Б.Н. Чичерин, Ю.М. Козлов, Ю.Н. Стариков) рассматривают данное понятие шире понятия «исполнительная власть».

Выделяют органы, осуществляемые исполнительную власть, и полномочия, которыми может именоваться исполнительная власть.

Под органом исполнительной власти понимается государственная организация, являющаяся целостным самостоятельным структурным образованием государственного аппарата и представляющая орга-

низованный коллектив людей, который, действуя в рамках закрепленной за ним компетенции от имени государства в целях решения задач, стоящих перед государством и обществом, осуществляет функции исполнительной власти в Российской Федерации и ее субъектах и наделен для этого государственно-властными полномочиями [8; С. 149].

Исполнительная власть в РФ представлена разветвленной системой разнообразных государственных органов, поскольку реализация законов предполагает достаточно широкий круг субъектов, призванных исполнять законы или способствовать их исполнению. В соответствии со ст. 110 Конституции РФ исполнительную власть Российской Федерации осуществляет Правительство РФ, однако давать субъектную характеристику исполнительной власти, основываясь только на данной статье конституции, было бы неверным. Ст. 77 Конституции РФ говорит о единой системе исполнительной власти в РФ, которую образуют федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти субъектов РФ в пределах ведения РФ и полномочий РФ по предметам совместного ведения РФ и субъектов РФ. Помимо этого, в круг субъектов исполнительной власти необходимо включить Президента РФ, хотя юридически президент не входит в систему исполнительной власти. Конституция определяет статус президента как главы государства и выводит его за рамки концепции разделения властей, тем не менее, наделяя его обширными полномочиями, касающимися непосредственно Правительства РФ, федеральных министерств и ведомств, органов исполнительной власти субъектов. Так, президент назначает с согласия Государственной Думы Председателя Правительства РФ; по предложению Председателя Правительства назначает на должность и освобождает от должности федеральных министров, имеет право председательствовать на заседаниях Правительства; некоторые федеральные органы исполнительной власти подведомственны непосредственно Президенту РФ; Президент РФ вправе

приостановить действие акта органов исполнительной власти субъекта РФ в случае противоречия этих актов Конституции РФ и федеральным законам, международным обязательствам РФ или нарушения прав и свобод человека и гражданина [11].

Также к субъектам исполнительной власти относятся главы исполнительной власти субъектов РФ, правительства субъектов РФ, иные органы исполнительной власти субъектов РФ, чьи статус и полномочия предусмотрены нормативно-правовыми актами РФ [12; С. 102].

В настоящее время в соответствии с Указом Президента РФ от 12 мая 2008 г. № 724 «Вопросы системы и структуры федеральных органов исполнительной власти» исполнительная власть РФ имеет трехзвенную систему федеральных органов исполнительной власти. Координирующими и определяющими государственную политику в соответствующей сфере (области) являются федеральные министерства, основной целью деятельности которых является определение государственной политики в порученной им сфере деятельности и нормотворчество. В их ведении находятся федеральные службы, основной функцией которых являются государственный контроль и надзор и (или) федеральные агентства, призванные организовать оказание государственных услуг и управление государственным имуществом.

К 2011 г. количество федеральных органов исполнительной власти составляет 76 исполнительных органа, из которых:

- 18 федеральных министерств;
- 34 федеральных служб;
- 24 федеральных агентств.

Выделяют следующие классификации органов исполнительной власти:

- по основанию образования;
- уровню функционирования;
- порядку образования;
- компетенции;
- организационно-правовой форме;
- порядку принятия решения;
- функциям.

Таким образом, деятельность исполнительных органов власти не реализуется

сама по себе. Она всегда воплощается в конкретных действиях различного рода, выражающих ее содержание и направленность и совершаемых ее субъектами, то есть соответствующими государственными органами исполнительной власти. Исходя из этого, выделяют внешнюю и внутреннюю формы органов исполнительной власти.

К элементам внешней формы органов исполнительной власти относят:

- официальное наименование (министерство, управление, губернатор и т.д.);
- компетенцию, определяющую меру и способ его участия в государственном управлении и территориальный масштаб деятельности;
- функции, цели и задачи деятельности;
- формы и методы деятельности;
- положение в иерархической структуре исполнительной власти и порядок взаимодействия с другими органами;
- порядок образования, реорганизации и управления.

Элементами внутренней формы органов исполнительной власти являются:

- устройство органа исполнительной власти, его внутренняя структура (линейная, линейно-функциональная и т.д.), состав структурных единиц, порядок их взаимодействия в процессе осуществления управленческой деятельности;
- штаты, внутренний распорядок и дисциплина.

Также орган исполнительной власти может быть представлен отдельным должностным лицом или группой должностных лиц, находящихся в определенных организационно-правовых отношениях между собой. Из чего следует, что орган исполнительной власти – это публично-правовой институт, который представлен одним должностным лицом или группой должностных лиц, официально осуществляющих исполнительно-распорядительную деятельность и наделенных в законном порядке определенной компетенцией, материальными и правовыми средствами, необходимыми для реализации возложенных на них государственных задач и функций.

Под «полномочиями» органа исполнительной власти понимаются характеристики прав и обязанностей, направленных на выполнение его функций и задач.

Данный термин может быть использован и в более широком значении «для обозначения всей совокупности правовых возможностей государства оказывать воздействие на общественные отношения с целью их упорядочения и стимулирования развития» [9; С. 96].

Таким образом, органы исполнительной власти представляют собой совокупность полномочий по управлению государственными делами, включая полномочия подзаконодательного регулирования; полномочия внешнеполитического представительства; полномочия по осуществлению различного рода административного контроля, а также иногда и законодательные полномочия, и систему государственных органов, которые осуществляют полномочия.

Объем и характер полномочий, предоставленных субъекту исполнительной власти, предопределяется функциями исполнительной власти.

В данном исследовании под функциями будем понимать направления в деятельности субъектов исполнительной власти, в которых выражается сущность и назначение исполнительной ветви государственной власти.

К.С. Бельский выделяет два уровня функций исполнительной власти. Первый уровень охватывает три основные функции [5; С. 14-21]: охраны общественного порядка и обеспечения национальной безопасности; регулятивно-управленческая и обеспечения прав и свобод граждан. Функции второго уровня имеют вспомогательный характер и направлены на обслуживание основных функций: нормотворческая; оперативно-исполнительная.

Наиболее важными функциями исполнительной власти Ю.М. Козлов называет правоохранительную функцию, функцию

координации, регулирование и функцию организации [7; С. 3-12].

Н.Г. Бай выделил следующую классификацию функций органов исполнительной власти: управленческая, направленная на исполнение законов и реализацию государственной политики в различных сферах жизни общества; административно-нормотворческая; административно-правоприменяющая; контрольная; осуществляющая разрешительную политику государства; полицейская; информационно-аналитическая.

Ю.Н. Старилова к основным функциям исполнительной власти относит исполнительную; правозащитную; социально-экономическую; обеспечения законности и конституционного порядка в стране; регулируемую; нормотворческую; охранительную.

А.Б. Агапов выделяет эксклюзивные функции органов исполнительной власти, к которым относит контрольные, надзорные, разрешительные, функции нормативно-правового регулирования, функции по управлению публичным имуществом, функции по оказанию публичных услуг, а также учетные функции, под которыми понимаются функции по ведению реестров, регистров и кадастров [1; С. 136-137].

В отличие от эксклюзивных функций к унифицированным относятся правоприменительные функции, под которыми понимается издание органом исполнительной власти индивидуальных правовых актов. При этом особо следует подчеркнуть, что эти акты не носят нормативно-правовой характер. Правоприменительные функции отнесены к ведению как федеральных министерств, государственных комитетов, так и федеральных служб и агентств [13].

Таким образом, исполнительная власть — это совокупность государственно-властных полномочий, реализуемых специально учреждаемыми органами, важнейшей функцией которых является исполнение законов и иных нормативно-правовых актов.

Литература

1. Агапов А.Б. Административное право. — М., 2005. — С. 136-137.
2. Алексеев А.А. Министерская власть в конституционном государстве. — Харьков, 1910. — С. 120.
3. Бахрах Д.Н. Административное право: учебник для вузов. — М., 2000. — С. 8.
4. Бельский К.С. Разделение властей и ответственность в государственном управлении. — М., 1990. — С. 76.
5. Бельский К.С. О функциях исполнительной власти // Государство и право. — 1997. — № 3. — С. 14-21.
6. Евтихийев А.О. Законная сила актов администрации. — М., 1911. — С. 10.
7. Козлов Ю.М. Исполнительная власть: сущность, функции // Вестн. Моск. ун-та. Право Сер. 11. — 1992. — № 4. — С. 3-12.
8. Лапина М.А. Административное право. — М.: Консультант Плюс, 2009. — 149 с.
9. Малый А.Ф. Государственная власть как правовая категория // Государство и право. — 2001. — № 3. — С. 96.
10. Полянский И.А. Правовой статус органов исполнительной власти субъектов РФ. — Хабаровск, 1999. — С. 21.
11. Сахаров А.С. Исполнительная власть: проблемы дефиниции / Система федеральных образовательных порталов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1139367> (Дата обращения 07.09.11).
12. Стариков Ю.Н. Курс общего административного права. — М., 2002. — С. 102.
13. Тангиев З.А. Федеральные министерства в условиях совершенствования системы и структуры органов исполнительной власти: автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. — М., 2008. — 34 с.

Коротко об авторе

Коваль Т.А., доцент кафедры управления персоналом, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
Служ. тел.: (3022) 28-20-11

Briefly about the author

T. Koval, assistant professor, human resource management department, Zabaikalsky state university

Научные интересы: исполнительная власть, политика совершенствования исполнительной власти

Scientific interests: executive power, a policy perfection of executive power

УДК 321.7

Никонова Наталья Андреевна
Natalia Nikonova

СПЕЦИФИКА ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ТРАНЗИТА В УРУГВАЕ

SPECIFICITY OF TRANSITION TO DEMOCRACY IN URUGUAY

Рассматриваются особенности становления демократии в Уругвае. Анализируются предпосылки демократического транзита в государстве. Особое внимание уделено рациональному решению проблем, с которыми пришлось столкнуться Уругваю во время переходного периода

Ключевые слова: демократический транзит, гражданское общество, политический режим, авторитарный режим, социальная однородность, плебисцит, Латинская Америка

The article deals with peculiarities of democracy formation process in Uruguay. The author analyses some prerequisites of democratic transition in the state and comes to the conclusion that the process is a success. Special attention is given to a rational solution of the problems that Uruguay ran into during the transition period

Key words: democratic transition, civil society, political regime, authoritarian regime, social homogeneity, plebiscite, Latin America

Демократический транзит является одним из видов политического процесса, который в настоящее время привлекает все большее внимание со стороны исследователей. По мнению Г. О'Доннела и Ф. Шмиттера, транзит – это переход от одного политического режима к другому. Границы транзитов определяются запуском процесса распада авторитарного режима с одной стороны и установлением той или иной формы демократии, возвратом к авторитарному правлению или появлением альтернативы в виде революции – с другой [7; С. 6]. Д. Кэсон считает, что уругвайский опыт демократического транзита существенно отличается от опыта других латиноамериканских стран и является наиболее успешным благодаря партийной системе этого государства [6; С. 92].

В первой половине XX в. одной из главных черт уругвайской модели развития было раннее становление особой системы соревновательной партийной демократии, которая получила поддержку во всех сегментах общества и в первую очередь была

связана с двумя основными партиями Уругвая – Национальной партией (Бланко) и партией Колорадо. Модель сочетала высокий уровень мобилизованной фракционности с интеграцией и реформами, которые были призваны реализовывать потребности в принятии решений и развитии различных институтов до конца 1960-х гг. Демократическое согласие процветало, социальная однородность была стабильной, государство выполняло главные функции поставщика товаров и услуг народного потребления. Не существовало серьезных национальных, этнических, социальных или религиозных разногласий за исключением классического разрыва между капиталистическим и рабочим классами.

Однако после снижения экспортных цен на мясо в 1950-х гг. понятие разделения полномочий стало размытым, и уругвайская модель столкнулась с кризисом. Абсолютно негибкий и неприспособленный политический класс не смог ответить на новые вызовы, обеспечить экономическую диверсификацию и противостоять нарас-

тающему классовому расслоению. Вместо возможных конструктивных действий чиновники под давлением протестов левых сил и радикального движения Тупамарос передали часть полномочий военным и технократам, с которыми они совместно действовали с 1967 по 1973 гг.

В 1973 г. военные окончательно захватили власть с намерением ликвидировать подрывную угрозу, которую они видели в демократических режимах. Влияние политики репрессий на общество было разрушительным. Государственная жестокость, направленная на создание атмосферы страха, разрушила лицо общества, оторвала его от государственных дел, свела жизненно необходимое социальное и психологическое пространство до минимума. Это скоро привело к общественному аутизму. Парадоксально то, что хотя нарушение прав человека порождает в народе раскол и непонимание, оно также рождает яростных оппозиционеров [5; С. 17]. Именно при правлении террора появилось отвращение к страху, возрождение гражданского общества, рост оппозиционной активности. В Уругвае незаконные аресты, издевательства и спланированные пропажи людей, которые были связаны с левыми силами, были последовательными и внешне противоречили национальной истории, основанной на устойчивости демократических институтов и чрезвычайно либеральной политической культуре.

Авторитарный военный режим в Уругвае длился с 1973 по 1985 г. Качественно и количественно он был более репрессивным и причинил гораздо больше вреда уругвайскому обществу, чем аналогичные военные режимы в Аргентине и Чили. Более того, он не решил проблем, которые служили оправданием для его установления, и завершился полным крахом. Как и в Аргентине, военные установили свой институт власти, но не все полномочия были сосредоточены в одних руках. Первые попытки военного режима заручиться поддержкой граждан провалились. Поражение на плебисците в 1980 г. запустило механизм демократии — более последовательный, чем в Аргентине.

В последние полгода военного режима (сентябрь 1984 г. — февраль 1985 г.) главные политические партии и группы интересов страны объединились ради создания общей платформы для следующего правительства — независимо от того, кто был бы в его составе по результатам выборов в ноябре 1984 г. Участники этого процесса обсуждали самые разнообразные темы — от экономических приоритетов до гражданских свобод, от честных выборов до трудовых взаимоотношений. Эти обсуждения заложили основу для сотрудничества двух главных партий Уругвая — Колорадо и Бланко [8; С. 152].

После победы на президентских выборах 1984 г. кандидат от партии Колорадо Хулио Сангинетти стал выступать за правительство национального единства. Как оказалось позже, ни Национальная партия (Бланко), ни третий по величине левый Широкий фронт не согласились перейти в правительство. При недостатке поддержки среди законодательной власти Сангинетти обратился к оппозиции с просьбой неформального сотрудничества и участия представителей оппозиции в правительственных структурах. Истинным поводом для такого сотрудничества была попытка реанимировать уругвайскую экономику и провести либерализацию рынка. В целом, переходный период в Уругвае характеризовался политикой компромиссов и коалиций, основной целью которой являлась экономическая и политическая стабилизация в стране.

В 1985 г., после двенадцати лет диктатуры, вдохновленной холодной войной, формально демократия в Уругвае была возобновлена. Однако авторитаризм оставил стране сложное наследство. В 1985 г. экономика все еще находилась в состоянии кризиса. Разрешить экономические проблемы и оправдать ожидания, связанные с переходом к демократии, — это было бы легкой задачей для любого правительства. К тому же, обстановка существенно отличалась от 1973 г.: традиционные приоритеты уругвайской демократии по отношению к экономике изменились, равно как и

роль участников экономического процесса; страна двигалась к интеграции и интернационализации экономики.

Внедрение реформ рыночной экономики часто оказывается нелегкой и спорной задачей, особенно в молодых демократиях. Демократический процесс может быть весьма затратным по времени, так как предполагает возможность дискутировать над принятием спорных решений. Когда возможность дискуссии, наоборот, ограничена, проведение реформ может подорвать демократический режим. Очевидно, именно благодаря политическому согласию по поводу либерализации рынка и стойкого экономического стимула, связанного с устойчивой фискальной политикой, Уругвай, в отличие от Аргентины, не пережил ни одного кризиса в течение шести лет после смены режима.

Транзитный процесс в Уругвае существенно отличается от процессов в других латиноамериканских странах. В период восстановления демократии в Уругвае возник диалог между разными социальными классами, и весь период перехода к демократии характеризовался поиском консенсуса. Конгресс мог эффективно реагировать на вызовы, в отличие от стран, где законодательная власть была ограничена. Цели разных социальных групп были подчинены единой цели поддержки демократии, и некоторые из них были согласны смириться даже с временным снижением доходов.

С момента принятия конституции в 1830 г. Уругвай прошел тяжелый путь к консолидированной демократии. Деятельность военных в стране привела к панике, размыванию гражданских свобод и установлению авторитарного режима. Можно считать, что расцвет демократической консолидации в Уругвае пришелся на начало 1990-х гг. Первый период редемократизации характеризовался реставрацией не только конституции 1966 г., но и кадрового состава, сложной выборной и партийной системы. Институциональная демократизация была проведена путем достижения широкого консенсуса и взаимодействия.

Уругвай добился успехов в процессе

демократизации общества. В Латинской Америке высокая степень социальной однородности. В отличие от других стран региона, здесь нет давления на местное население, чье существование определяет социальный и этнический раскол между бедными и богатыми [9; С. 109]. Уругвай вместе с Аргентиной, Чили и Бразилией представляет широкую полосу процветания и политической стабильности, которая пересекает юг континента [4; С. 120].

В отличие от большинства стран Латинской Америки в Уругвае основы демократической политической культуры стали формироваться очень рано. В стране существует традиционная двухпартийная система — одна из старейших в мире (существующая еще с XIX в.). В настоящее время Уругвай является страной модельной победившей демократии, которая может служить примером для других стран региона [3; С. 7].

У Уругвая есть сложившиеся дифференцированные административные структуры, которые функционируют по всей стране. Они имеют полномочия для имплементации политических решений и распределения ресурсов. Эта система эффективна, хотя в некоторых сферах традиционна и нуждается в реформе.

Поддержка демократии в Уругвае самая интенсивная среди всех латиноамериканских стран (за исключением Коста-Рики), она укреплялась долгие годы и существенно не зависит от правительства, как в других странах региона. Эта поддержка сохранялась даже во времена серьезных разногласий и партийных перестроек. Согласно данным чилийской службы *Latinobarometro*, уровень поддержки демократии в Уругвае в 2010 г. составил 75 %, а 91 % уругвайцев согласны с утверждением, что демократия является лучшей формой политической организации общества, хотя и имеет недостатки; 78 % населения Уругвая выражают удовлетворенность тем, как развивается демократия в стране, и это самый лучший показатель во всей Латинской Америке [10]. Демократия в Уругвае остается неприкосновенной

и консолидированной. На укрепление демократической управляемости обществом в Уругвае направлена система “боллотидж” (ballottage), предусматривающая возможность проведения двух туров голосования. Данная система укрепляет электоральную легитимность президентства и гарантирует избрание президента, пользующегося широкой поддержкой народа, а также способствует формированию между первым и вторым турами электоральных объединений, способных впоследствии трансформироваться в правительственные коалиции [2; С. 41].

Успешное преодоление барьеров модернизации, как показывает опыт Уругвая, убедительно демонстрирует важность сочетания демократических институтов с наличием развитых структур гражданского общества, обеспечивающих постоянный диалог и взаимодействие с властями [1; С. 9].

В Уругвае есть слаженное гражданское общество, которое сформировало костяк традиционной демократии и сделало весомый вклад в сопротивление военному режиму, обеспечив относительно легкий переход к демократическому согласию в стране.

Литература

1. Латинская Америка: испытания демократии. Векторы политической модернизации. В 2 ч. Ч. 1 / Под ред. М.Л. Чумаковой. — М.: ИЛА РАН, 2009. — 264 с.
2. Жирнов О.А. Шереметьев И.К. Левый поворот в Латинской Америке: аналитический обзор. — М.: РАН. ИНИОН, 2008. — 130 с.
3. Уругвай в контексте левого дрейфа: преемственность и перемены. Серия аналитических изданий “Саммит” / Ответственный редактор серии: В.М. Давыдов. — М.: ИЛА РАН, 2010. — 86 с.
4. Шюно П. История Латинской Америки: пер. с фр. Е.А. Ермаковой. — М.: Астрель: АСТ, 2008. — 157 с.
5. Barahona de Brito A. Human rights and democratization in Latin America: Uruguay and Chile. — Oxford University Press, 1997. — 333 p.
6. Cason J. Electoral Reform, Institutional Change, and Party Adaptation in Uruguay // Latin American Politics and Society. — 2002. — Vol. 44. — № 3. — P. 92.
7. O'Donnell, G. Schmitter, P. Transitions from Authoritarian Rule: Prospects for Democracy. — Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1986. — 78 p.
8. Gillespie C. Negotiating democracy: politicians and generals in Uruguay. — Cambridge University Press, 1991. — 284 p.
9. Sondrol P.C. Paraguay and Uruguay: modernity, tradition and transition // Third World Quarterly. — 1997. — Vol. 18. — № 1. — P. 109.
10. Latinobarometro 2010 Report [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://venezuela-us.org/es/wp-content/uploads/2011/04/latinobarometro_report_2010.pdf.

Коротко об авторе

Никонова Н.А., аспирантка, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ).
Тел.: +7-924-477-7216

Briefly about the author

N. Nikonova, post-graduate, Zabaikalsky State University

Научные интересы: демократические транзиты, международные отношения, политические процессы в Западном полушарии, политические режимы, геополитические концепции, страны Латинской Америки

Scientific interests: democratic transitions, international relations, political processes in Western Hemisphere, political regimes, geopolitical concepts, Latin American countries

Культурология

УДК 141

Дашидоржиева Баирма Владимировна
Bairma Dashidorzhieva

ЛАКУНА КАК ОБЪЕКТ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

LACUNA AS A SUBJECT OF CULTURAL STUDIES

Рассмотрено содержание понятия «лакуна» в контексте лингвокультурологической и философской парадигм. На основе синтеза этих направлений сделана попытка выявить функции лакуны в межкультурном взаимодействии: молчания, помехи, пустого знака

Ключевые слова: лакуна, отсутствие, межкультурное взаимодействие, постмодернизм, молчание, лингвокультурема, культурное самоопределение, интеграция культур

The article covers lacuna studies in lingvocultural and philosophical paradigms. On the basis of synthesis of these paradigms the author attempts to reveal the functions of a lacuna in intercultural interaction

Key words: lacuna, gap, intercultural interaction, postmodernism, silence, pause, lingvocultural word, cultural self-determination, cultural integration

Проблема понимания лакуны в межкультурной коммуникации особенно актуальна, что обусловлено рядом факторов. Во-первых, к наиболее серьезным рискам Федеральная целевая программа «Культура России (2006-2011 гг.)» относит нарушение единого информационного и культурного пространства; нарушение принципа выравнивания доступа к культурным ценностям и информационным ресурсам различным групп граждан. Во-вторых, для преодоления конфликта культур и постепенного размывания национальных границ требуется глубокое осмысление специфики лакуны в межкультурной коммуникации.

Лакуна как явление культуры неразрывно связана с культурными процессами, происходящими не только локально, но и глобально. С позиции культурологии особенно важно раскрыть природу, функциональную и содержательную сущность лакуны, чтобы полноценно участвовать в

диалоге культур. В этом контексте требуется междисциплинарный опыт философского и лингвокультурологического анализа лакун.

На наш взгляд, лакуна как объект культурологического знания соответствует следующим особенностям постмодерна: отказ от построения единой системы культурных норм в пользу множества частных нормативных систем, вместо согласия и порядка — различия, разногласие, противостояние, не общезначимость, а условность или метафоричность, не существование, а разные, в том числе и «непрозрачные» реальности [13; С. 80].

В культуре постмодерна значительное место занимает феномен отсутствия. Среди основных понятий, специфических для постмодернистской философии, можно выделить «знак», фиксирующий принцип «наличия отсутствия» объекта или явления. Согласно теории, развитой впоследствии

Ж. Деррида и Ю. Кристевой, знаковая культура рождается из потребности обозначить отсутствие предмета [13; С. 84]. Лакуна как феномен отсутствия в дискурсе исследуется М. Фуко. М. Фуко, рассматривая специфику дискурсивных анализов в работе «Археология знания», выделяет многоуровневость и разрывность в организации дискурса, наличие в нем «глубинных структур» и «осадочных пластов». О глубинных структурах дискурса и их диалогизме высказывается и Ю. Кристева [8; С. 438]. Высказывание как элементарная общность дискурса, по мнению М. Фуко, невидимо и несокрыто. Несокрытый и невидимый уровень высказывания находится на пределе языка [16; С. 18]. Фуко призывает стремиться изучать высказывания «на границе, которая отделяет их от того, что не сказано, в инстанции, которая заставляет их появиться в своем отличии от всех остальных». С точки зрения философа, дискурсивная формация является распределением лакун, пустот, отсутствий, пределов и разрывов [13; С. 698]. Как отмечал французский мыслитель: «Речь идет не столько о том, чтобы обнаружить у индивида чувства и мысли, позволяющие ассимилировать его с другими и сказать: вот это — грек или это — англичанин, сколько о том, чтобы уловить все хрупкие, единичные, субиндивидуальные метки, которые могут пересечься и образовать сеть, недоступную для распутывания» [16; С. 703]. М. Фуко пользуется термином «лакунарная множественность переплетенных объектов». Таким образом, в работе «Археология знания» Фуко приходит к выводу, что встречающиеся в высказываниях «пропуски» или пробелы не следует путать с «потайными» значениями высказывания.

Как нам представляется, выявленные М. Фуко особенности дискурса: «глубинные структуры», «осадочные пласты», «лакунарная множественность переплетенных объектов», субиндивидуальные метки, «пропуски», пробелы представляют собой определения лакуны в теории постмодернизма.

Это дает основание выявить факторы

проявления лакуны в межкультурном взаимодействии, проследить трансформацию данного термина, тем самым выявить функции лакуны в межкультурном взаимодействии.

Опираясь на теорию лакун (Ю.А. Сорокин, И.Ю. Марковина), можно говорить о следующих факторах проявления лакуны в межкультурном взаимодействии:

1) сложности и степени дифференциации культур, которые вызывают несовпадение образов сознания участников общения; непонимание фрагментов неавтохтонного (другого) вербального и невербального опыта; совмещение образов «своего» и «чужого» сознания при выборе тактик достижения понимания в межкультурном взаимодействии;

2) зоне культурной, языковой бифуркации, создаваемой конфликтом прежнего жизненного опыта, в том числе языка, усвоенных норм и ценностей своей культурной среды, и новым социокультурным окружением. С.Н. Гавров определяет зону бифуркации как зону смысложизненных поисков, поведенческих экспериментов, возможность выбора, возможность попробовать и ошибаться [4; С. 2].

Прежде чем выделить функции лакуны, необходимо рассмотреть типы межкультурного взаимодействия. Существует несколько типов межкультурного взаимодействия: аккультурация, ассимиляция, интеграция (Ю.П. Тен и др.), модели взаимодействия культур С.Н. Артановского, С.А. Арутюнова, А.А. Деревянченко и др. Следует отметить модель освоения чужой культуры М. Дж. Беннета. Мы придерживаемся позиции, согласно которой процесс межкультурного взаимодействия протекает в несколько этапов: неприятие, «конфликт» культур, культурное самоопределение, интеграция культур.

Можно допустить, что на этапах неприятия, «конфликта» культур лакуна реализует функции пустого знака, молчания.

Пустой (нулевой) знак определяется как понятие постмодернистской философии, фиксирующее парадигмальную установку на восприятие семиотических сред

как автономной и самодостаточной реальности [13; С. 462]. А. А. Шунейко достаточно широко и полно трактует содержание понятия нулевого знака: нулевой знак понимается как «значимое, обретающее самостоятельную функцию и семантику, отсутствие в рамках определенного текста какого-либо объекта или действия, необходимость наличия которых строго предписывается теми или иными социальными установлениями (правилами) или контекстом».

Главной заслугой А. А. Шунейко является выявление различия между нулевым знаком и знаком вообще. Семантика нулевого знака может не уступать по своей роли и информативной насыщенности семантике материально выраженного знака в традиционном понимании этого слова. Нулевой знак не имеет материально выраженного означаемого, но при этом передает информацию, что объединяет его с перечисленными единицами [17; С. 87]. Согласно мысли ученого, необходимым условием существования нулевого знака является предшествующее замещение его позиции иным знаком и/ или специальный договор об изначально приписываемом ему значении. Являющийся исходным для нулевого знака должен быть существенно актуализирован для определенной части языкового коллектива: он должен устойчиво замечаться и связываться с определенной информацией. А.А. Шунейко прав, что нулевой знак функционирует в сознании языкового коллектива (или его конкретного коллектива) тот промежуток времени, в течение которого для последнего актуален его денотат — исходный объект, который он замещает. Так, А.А. Шунейко вводит нулевую денотацию, отражающую ситуацию, в которой какому-либо имени нельзя приписать объекта, существующего в том сегменте мира, который принято называть реальностью [17; С. 86]. Отсутствие или наличие паузы само по себе может быть нулевым знаком. Тем самым А. А. Шунейко приходит к следующим выводам: «Нулевой знак — нематериальный продукт исходного материального знака, возникший после полного уничтожения или исключения из контекста второго.

Нулевой знак приобретает самостоятельное бытование, особое значение и сохраняет присущую знаку способность воздействовать на носителей языка, но уже в рамках этого нового значения, через его посредство или с опорой на него» [4]. Лакуна реализует функцию пустого знака.

Для нашего исследования важным является то, что нулевой знак обладает значительной прагматической компонентой в межкультурном взаимодействии. Он становится транслятором не столько традиции, сколько фиксатором изменяющейся традиции, сигнализирует носителям языка о трансформациях актуального контекста. Сказанное позволяет выделить еще одну функцию лакуны. Лакуна на этапе «неприятия», «конфликта культур» в межкультурном взаимодействии выполняет и функцию *молчания*.

В.Г. Зинченко говорит о сложности интерпретации молчания в межкультурной коммуникации: «Зачастую очень трудно истолковать высказывания, речи носителей иной культуры. Но еще труднее бывает интерпретировать их молчание» [7; С. 165]. Можно согласиться с данным утверждением, так как молчание способно выразить больше, чем иные слова, не исключая при этом многозначности сказанного, выраженного. По мысли М. Хайдеггера, молчание есть один из элементов, конституирующих понимание. Молчание первоначально всего лишь противоположность речи (говорению-озвучиванию) [10; С. 82]. Следует выделить формы существования молчания: паузы, умолчание. Умолчание как одна из форм существования молчания выскальзывает из механизма смыслообразования и нахождения концепта. Умолчание есть, во-первых, невозможность и неспособность выразить мысль, чувство до конца, сдерживание высказывания и, во-вторых, многословие, заполняющее пустоту [10; С. 83]. На данном этапе «неприятия», «конфликта» культур усиливается напряженность высказывания, подготавливается эффект пустоты в виде паузы. В этих пустотах, а не в элементах непосредственной коммуникации осуществляется соприкосновение с

мыслями, чувствами Другого как со-бытие с ним. М. Маньковская среди специфических характеристик постмодернистской эстетики называет превращение эстетического объекта в пустую форму за счет стилевого синкретизма, культ неясностей, пропусков. На подчеркнутый интерес постмодернизма ко всякого рода пустотам указывает и В. Курицын. В качестве иллюстрации он приводит поэзию В. Кальпиди, для которой характерны пустоты специфического, «постмодернистского» рода, пауза не только присутствует, но и подчеркивает этим свое ощущение, замещает саму себя. В стихах В. Кальпиди можно встретить строки: «я верю в такие ... (здесь — пауза) маразмы»; «(тут пропуск)»; «отсутствие третьей строки»; «(тут пауза)»; «тут пауза дважды» и т.д. [10; С. 85]. Как видно, графическим воплощением паузы является пробел, пропуск.

Таким образом, паузы, с одной стороны, остались тесно связанными с языком, речью, с другой стороны, паузы, как молчание, перерыв в межкультурном взаимодействии, вышли за границы языка в его лингвистическом понимании и стали частным проявлением постмодернистского феномена отсутствия, лакуны.

Подытоживая сказанное, отметим, что постмодернистское отсутствие, молчание в широком смысле этого слова наличествует, заявляет о себе, настойчиво требует к себе внимания на *этапе «неприятия», «конфликта культур»*. Проявляя себя, оно стремится к обнаружению, обозначению того, что на первый взгляд, скрыто за ним; сигналом, кодом чего оно является [10; С. 86]. Здесь представляется совершенно логичным выявить различие функций пустого знака и молчания: если лакуна в функции пустого знака задает границы и формы определенной культуры, то в функции молчания лакуна выражает многозначность сказанного.

На втором этапе (*этапе «культурного самоопределения»*) лакуна приобретает этнодифференцирующую функцию, функцию *лингвокультуры* (В.В. Воробьев), т.е. лингвокультурологических реалий,

которые наличествуют в одной культуре и отсутствуют в другой. Это «ключевые» или лингвоспецифичные слова (А. Вежбицкая), отражающие образ жизни, характерный для некоторой общности. В более широком смысле лингвокультуры есть наименование уникальных культурных явлений. От коммуникантов ожидаются, в первую очередь, верная трактовка лингвокультуры, прогнозирование восприятия и поведения носителей иноязычной культуры в межкультурном взаимодействии, выбор социокультурно приемлемого стиля общения.

На третьем этапе — *этапе интеграции, синтеза культур* — происходит опознавание лакун, так называемых лингвокультуры, и их заполнение или компенсация. Лакуна может быть заполнена путем *заимствования* той или иной единицы или компенсирована путем элиминирования национально-специфических элементов оригинала и введения вместо них сигналов специфики культуры реципиента. Осуществляется заимствование элементов чужой культуры, способов деятельности, ценностей, знаний. Лакуна, осуществляя функцию заимствования, способствует успешному взаимодействию культур.

Хотя не станем отрицать, что субъект заимствования не всегда бывает в состоянии адекватно и органично освоить новшества, привнесенные из другой культуры. Кроме того, заимствованное новшество может не только не соответствовать уровню развития субъекта заимствования, но и подвергаться коренной трансформации, обретать новые культурные конфигурации, порой отличаясь от объекта заимствования. В этом случае в культуре-реципиенте нарушается культурная приемственность.

Таким образом, на основе сказанного можно утверждать, что лакуна на каждом этапе межкультурного взаимодействия выполняет соответствующие функции: на этапе «неприятия, конфликта культур» — пустого (нулевого) знака, пропуска, молчания, на этапе культурного самоопределения — лингвокультуры, на этапе диалога культур — заимствования.

Конкретизируя проблему, следует отметить, что функции лакуны в межкультурном взаимодействии раскрывают динамичный характер социокультурных процессов. Лакуна как инокультурное воздействие обуславливает необходимость адаптации, приспособления людей, общества к постоянно меняющимся условиям существования, жизнедеятельности, тем самым способствует трансформации культуры.

С.Н. Гавров, анализируя межкультурное взаимодействие, приходит к выводу, что существует множество индивидуальных поведенческих реакций, расположенных в диапазоне от полного отторжения, что случается чаще, до полного принятия, интериоризации иных социокультурных норм, выбора новой культурной идентичности [4; С. 4].

Так как лакуна представляет собой сигналы не только специфических реалий, но и специфических процессов и состояний, противоречащих узуальному опыту носителя того или иного языка (культуры) (Марковина, Сорокин), обратимся к рассмотрению поведения. В понятие «поведение» носителей некоторой культуры включают кинесику (мимику, жесты), характерную для данной культуры (кинесические лакуны); бытовое (повседневное) поведение, обусловленное традициями, обычаями, укладом жизни, принятыми в данной культуре, а также этикет общения, фрагментом которого является кинесика (рутинные лакуны). Поведение обусловлено, прежде всего, установкой (А.Г. Крысько).

В теории установки Д.Н. Узнадзе подразумевается наличие двух видов установок — установки, направляющей поведение личности в каждый данный момент, и установки, сформированной и зафиксированной посредством опыта. Социальная установка имеет оценочную и валентную природу, за ней стоит стереотип социаль-

ного поведения, аккумулирующий некий стандартизированный опыт — обобщенные традиционные суждения, мнения, ожидания, внушаемые индивиду той или иной общностью. Как отмечает Д.Н. Узнадзе, социальную установку можно рассматривать как устойчивую систему положительных и отрицательных аффективных реакций, оценок, эмоций, а также благожелательных или враждебных поведенческих тенденций. Когнитивный компонент измеряется по шкале приемлемости — неприемлемости; оценка аффективного компонента предполагает установление того, насколько приятен или неприятен данный объект человеку. Иными словами, эмоциональные отношения ее носителя к другим людям являются выражением субъективной оценки субъектом объекта как «положительного» или «отрицательного», а готовность людей действовать в отношении субъекта в соответствии со знаниями о нем, т.е. на основе имеющегося образа и эмоционального отношения к другим людям представляет собой поведенческий компонент социальной установки [18; С. 17].

Опираясь на предшествующие работы отечественных и зарубежных исследователей по теории межкультурной коммуникации (В.С. Агеев, А.П. Садохин, Т.Г. Грушевицкая, В.Г. Зинченко, В.В. Кочетков, Н.В. Лебедева, О.А. Леонтович, Т.Н. Персикова, С.Г. Тер-Минасова) и анализ теории установки Д.Н. Узнадзе, правомерно полагать, что рассмотренные нами компоненты социальной установки, когнитивный, аффективный и поведенческий, соотносятся с этапами межкультурного взаимодействия.

Основываясь на выявленных факторах проявления лакуны, функций лакун в межкультурном взаимодействии, мы разработали примерную схему анализа лакуны в межкультурном взаимодействии.

Таблица 1

Лакуна в межкультурном взаимодействии

Лакуна	Компоненты установки	Этапы межкультурного взаимодействия	Функции лакуны	Эмоциональная оценка		Поведенческая реакция	
				бурятами	русскими	бурят	русских
	1. Когнитивный	1. Неприятие, конфликт культур	Помеха Пустой знак Молчание	приемл./неприем.	приемл./неприемл.	благожелат./неблагожелат.	благожелат./неблагожелат.
	2. Аффективный	2. Культурное самоопределение	Лингвокультура	положит./отриц.	положит./отриц.	благожелат./неблагожелат.	благожелат./неблагожелат.
	3. Поведенческий	3. Интеграция культур	Займствование	положит./отриц.	положит./отриц.	благожелат./неблагожелат.	благожелат./неблагожелат.

Рассмотрим функции лакуны в бурятско-русском взаимодействии.

Методологической базой анализа лакуны в бурятско-русском взаимодействии стали исследования, раскрывающие особенности лакуны (Ю.А. Сорокин, И.Ю. Марковина, Г.В. Быкова, В.И. Жельвис, И.В. Томашева и др.); содержание и специфику бурятско-русского взаимодействия (О.В. Буряева, В.И. Затеев, А.А. Елаев, А.Д. Карнышев, З.П. Морохоева, В.Л. Кургузов и др.); русско-бурятское литературное пограничье (О.Ю. Баранова). Проблеме взаимовлияния русской и бурятской культуры в творчестве сибирских писателей посвящены работы А. Белоусова, В. Найдакова, А. Уланова, С. Гармаевой, Ц.-Б. Бадмаева.

Среди актуальных теоретических работ, посвященных проблемам бурятско-русского взаимодействия следует отметить работу Ц.Ц. Анандаевой «Бурятско-русский социокультурный диалог» (2004), в которой автор отмечает, что буряты и русские никогда не находились в состоянии конфронтации, стремились и умели мирно разрешать возникавшие между ними трудности [2; С. 3].

Понимая, что данная проблема требует отдельного и детального исследования, все же позволим себе привести некоторые факты и сделать несколько предположений.

Как отметил В.С. Агеев, при восприятии людей других культур и рас существуют определенные «ключи», посредством

которых человек свободно воспринимает представителей своего круга, но «ключи» далеко не всегда срабатывают, когда воспринимаются представители несхожих культур [1; С. 45].

Особенность взаимодействия исследуемых народов выявилась при анализе ситуаций, подтверждающих предположение о наличии у лакуны функций молчания, лингвокультуры, заимствования. Основой анализа послужил метод установления лакун (Ю.А. Сорокина), который заключается в рассмотрении матриц совпадений и различий на уровне языка, культуры и поведения при сопоставлении одной лингвокультурной общности с другой. Предлагаются ситуации из повести Ц.-Б. Бадмаева «Сереза в стране Будамшу»:

Ситуация 1. *В окнах вагона замелькали огни станции. Сереза выбежал в тамбур и спросил налаживающего фонарь кондуктора:*

– Скажите, пожалуйста, это семьдесят первый разъезд?

– А-га, – протянул усталый кондуктор.

Сереза побежал в свое купе и тихонько, чтобы не разбудить соседей, схватил чемодан и двинулся к выходу. Вместе с ним, еще трое мужчин. Они обратили внимание на то, что мальчик одет не по-здешнему: значит, едет издалека, а ноша тяжеловата для него. Один из попутчиков помог Серезе нести чемодан.

Спрыгнув с подножки вагона, Сережа стал оглядываться по сторонам. Что же случилось? Почему нет Буды? Он ведь должен был встретить Сережу.

Мимо сновал разный люд. «Здесь, оказывается, и русские живут, – подумал московский мальчик, – так что если придется туго, обращусь к ним. А я-то думал, здесь одни буряты».

Навстречу шли двое – крепкий коренастый круглолицый бурят и русский, ростом повыше. Сережа обратился к русскому:

– Скажите, пожалуйста, это семьдесят первый разезд?

К удивлению Сережи, бурят заговорил на чистейшем русском языке:

– Нет, паренек. Это станция Ага, а семьдесят первый разезд – следующая остановка. А тебе где нужно было выходить?

– На семьдесят первом разезде.

– Ай, какое недоразумение! Ты чуть раньше вышел. Это станция Ага, – сказал русский. – Ты откуда, мальчик? Вроде, не местный ...

– Из Москвы, – с достоинством ответил Сережа. ...

.....

– Почему же ты не доехал до семьдесят первого разезда?

– Почему сошел тут, а?

– Я спросил у кондуктора: «Это семьдесят первый разезд?» Он ответил: «Ага». Ну откуда мне было знать, что есть станция с таким названием – Ага. Когда он мне ответил: «Ага», я понял так, что он говорит: «Да». «Ага» ведь означает «да», правда же? А здесь оказалась на мою голову станция Ага. Вот так совпадение! И кондуктор не виноват[14; С. 142].

Герой повести Сережа при общении с кондуктором испытывает непонимание, обусловленное реалией «Ага». Источником непонимания в данном случае является случайное созвучие слова «ага» в русском и бурятском языках. В данном случае уместно отметить высказывание О.А. Леонтович: «фонетическая близость слов часто приво-

дит к их смешению в речи» [11; С. 254]. Межъязыковые различия, выраженные топонимом «Ага», приводят героя в неловкое положение, это связано с неверным восприятием русским такого слова, как «Ага». Справедливо утверждение о том, что «носитель русской культуры, усвоив лишь «внешнюю» оболочку слов, будет ассоциировать их с теми образами/картинами мира, которые бытуют в его родной, русской культуре [6; С. 37]. Для Сережи как представителя русской культуры «ага» ассоциируется с «да» как согласие, подтверждение. На этапе «конфликта» культур на когнитивном уровне лагуна (топоним) «Ага» реализует функцию помехи. Можно допустить, что лагуна в функции помехи затемняет, завуалирует значение и становится «разрывом» (М. Фуко) в коммуникации.

Еще один анализ ситуации позволил проследить функционирование лагуны на всех этапах межкультурного взаимодействия.

Ситуация 2. Из дома вышла женщина в синем платье, похожем на халат, увидела приехавших и что-то вскрикнула по-бурятски. И тут вылетел Буда.

– Сережа! – он рванул с места, как на школьной эстафете.

– Буда-а-а!

Подлетев к другу, Буда обнял его, стал трясти, теревить, как будто не верит своим глазам.

– Что с тобой, Буда? – вскрикнул удивленный гость, а Буда пытался свалить Сережу на землю хитрым таким приемом – подножкой правой ноги, – как он делал еще в Артеке. Не ожидавший этого Сережа растерялся было, но устоял на ногах и сам перешел в нападение. Подбежала мать Буды, отругала сына, слегка шлепнула по щеке и с трудом оттащила от гостя.

– Эх, жаль, – запыхавшийся Буда отпустил Сережу. – Хотел тебя встретить по-настоящему, по-бурятски – мама помешала. Ну, добро пожаловать, москвич! Где блуждал? А может, на этой таратайке аж от самой Москвы едешь?

.....
 – Ну и ну. Как ты, Сережа? – спросил заботливо Буда.

– Почему ты вдруг напал на меня, а? – толкнув Буду в бок, спросил Сережа друга.

– Я хотел тебя встретить по-нашему, по-бурятски. Раньше такой обычаем был. Друзья, которые давно не виделись, при встрече без слов затевали борьбу: мерялись силами. – Буда осуждающе посмотрел на мать: – помешала встретить друга по-нашему [14; С. 152].

По-разному «прочитываются» в культурах одни и те же позы, а также мимические «знаки» эмоционального состояния. Человек, производящий жест, и человек, воспринимающий жест, могут по-разному его трактовать [3; С. 73]. В представленной ситуации следует говорить о функциях молчания, лингвокультуры и заимствования. Сережа как носитель русской лин-

гвокультурной общности оказывается не в состоянии понять не только слова, реалии, но и поведение своего друга Буды. Жесты, используемые Будой как представителя бурятского народа при встрече (на этапе «конфликта» культур) (*тряска, теребление, подножка правой ногой*) казались странными, неожиданными для Сережи, поскольку в русской культуре «широко распространён ритуал рукопожатия при встрече» [10; С. 130]. Это кинесические лакуны, «субиндивидуальные метки», вызывающие непонимание, выполняют функции молчания и лингвокультуры. Но уже на этапе культурного самоопределения (аффективный уровень) и интеграции культур (поведенческий уровень) Сережа предпринимает действие нападать самому. В данном случае лакуна в виде жестового поведения Сережи реализует функцию заимствования, поскольку он быстро среагировал на внезапное нападение Буды (табл. 2).

Таблица 2

Лакуна в бурятско-русском взаимодействии

Лакуна	Компоненты установки	Этапы межкультурного взаимодействия	Функции лакуны	Эмоциональная оценка		Поведенческая реакция	
				бурятами	русскими	бурят	русских
Тряска, теребление, подножка правой ногой	1. Когнитивный	1. Неприятие, конфликт культур	Помеха Пустой знак Молчание	Приемлем	Неприемлем	Благожелат.	Удивление, недоумение, чувство растерянности
	2. Аффективный	2. Культурное самоопределение	Лингвокультура	Положит.	Положит.	Благожелат.	Устоял на ногах
	3. Поведенческий	3. Интеграция культур	Заимствование	Положит.	Положит.		Сам перешел в нападение

Рассмотренные кинесические лакуны сигнализируют о специфике жестового и мимического кодов бурятской культуры. Отсюда можно утверждать, что лакуна выступает знаком в коммуникации, фиксирует наличие отсутствия объекта или явления (Ж. Деррида, Ю. Кристева, М. Фуко и др.). Мы допускаем, что реакции бурят и русских на лакуны заявляют о существовании функций молчания, лингвокультуры, заимствования. Корреляционный

анализ позволил обнаружить полиморфные связи между функциями лакуны, установить лингвокультурологическую сущность лакуны, которая обуславливает этнотипические поведенческие проявления.

В контексте обсуждения функций лакуны с точки зрения постмодернизма интересно рассмотреть следующую ситуацию общения:

Ситуация 3. *Подъехали к дому.*

– Он очень чудной человек, этот

Мунхэ-Бадара Аюрзанаевич Цыремпил-Зандариев. Ай, половину выговоришь, надо отдышаться, чтобы вторую половину выговорить.

Цырен, покашливая, весело спрашивает: – Буда, в Улан-Удэ, по-моему, с ним какая-то смешная история приключилась из-за его длинного имени?

– А-а, – припоминает Буда. – Он раньше, в молодости, продавцом в магазине работал. Перед выходом на пенсию пошел за справкой к министру торговли. Сидит и ждет в приемной. Девушка-секретарь спросила, как его зовут.

– Мунко-Бадара Аюрзанаевич Цыремпил-Зандариев.

– Как, как? Дайте-ка запишу на бумажку...

Девушка записала его имя и доложила министру: – к вам на прием просится Мунко-Бадара Аюрзанаевич Цыремпил-Зандариев.

Министр приказывает: – Пусть заходят по одному! [14; С. 198].

Как видно из приведенного примера, что лакуна (антропоним) *Мунко-Бадара Аюрзанаевич Цыремпил-Зандариев* может привести не только к непониманию того или иного фрагмента текста, но и к неадекватному поведению в общении бурят и русских. Сложность понимания и употребления данного антропонима со стороны русского коммуниканта, министра обусловлены тем, что в русской культуре почти отсутствуют короткие имена собственные. В сознании большинства носителей русской культуры антропоним воспринимается как обозначение нескольких людей. Лакуна (антропоним) *Мунко-Бадара Аюрзанаевич Цыремпил-Зандариев* выполняет функцию лингвокультураны. Далее герой повести Сережа узнает, что Мунко-Бадара – это личное имя, Аюрзанаевич – отчество, Цыремпил-Зандариев – фамилия.

Итак, мы пришли к выводу, что лакуны в межкультурном взаимодействии реализуют функции помехи, молчания, лингвокультураны, заимствования. Та или иная функция лакуны связана со стереотипами национального поведения.

Анализ межкультурных ситуаций подтверждает высказывание О.А. Леонтович о том, что адекватное коммуникативное поведение в контексте чужой культуры требует знания лингвокультурологических реалий [11; С. 297]. Эти взгляды подтверждаются и анализом форм межкультурного взаимодействия. Л.И. Эрхитуева, опираясь на концепцию Б.Ф. Поршнева, подчеркивает процесс культурного обособления (создания всевозможных отличий «нас» от «них») и культурной ассимиляции путем заимствования, приобщения (частичное или полное вхождение в общее «мы») [19; С. 65]. Одновременно осуществляется познание другой культуры: и эмоциональная оценка этого другого, и попытка понять строй его поступков, и основанная на этом стратегия изменения его поведения, и построение стратегии своего собственного поведения [19; С. 68].

Таким образом, синтез лингвистики, философии постмодернизма и межкультурной коммуникации в изучении лакуны позволил уточнить трактовку понятия «лакуна» и выявить его лингвокультурологическое содержание. В частности, философия постмодернизма показала социокультурную детерминированность лакуны, выступила интегрирующей основой выявления следующих функций лакуны в межкультурном взаимодействии: помехи, пустого знака, молчания, лингвокультураны, заимствования.

Анализ теории установки Узнадзе и функций лакун в межкультурном взаимодействии дал возможность разработать примерную схему анализа лакуны в межкультурном взаимодействии.

Литература

1. Агеев В.С. Психология межгрупповых отношений. – М.: МГУ, 1983. – 144с.
2. Анандаева Ц.Ц. Бурятско-русский социокультурный диалог: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Чита, 2004. – 18 с.

3. Взаимопонимание в диалоге культур: условия успешности / под ред. Л.И. Гришаевой, М.К. Поповой. – Воронеж: ВГУ, 2004. – Ч. 2. – 316 с.
4. Гавров С.Н. Межкультурное взаимодействие как социокультурный феномен [Электронный ресурс]. – Режим доступа: К., 2001. URL: http://www.forumres.kemguki.ru/conference/acid_5 (дата обращения: 10.03.2010).
5. Декомб В. Современная французская философия. – М.: Весь мир, 2000. – 344 с.
6. Дмитриук Н.В., Сандыбаева Н.А. и др. Этнокультурный аспект лексической лакунарности // Лакуны в языке и речи: сб. научн. трудов / под ред. проф. Ю.А. Сорокина, проф. Г.В. Быковой. – Благовещенск: БГПУ, 2008. – Вып. 4. – С. 34-42.
7. Зинченко В.Г. Межкультурная коммуникация. От системного подхода к синергетической парадигме. – М.: Флинта, Наука, 2007. – 224 с.
8. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. – М.: Издательская группа «Прогресс», 2000. – С. 427-457.
9. Крысько В.Г. Этническая психология. – М.: Издательский центр «Академия», 2007. – 320 с.
10. Культура взаимопонимания и взаимопонимание культур: коллективная монография / под ред. Л.И. Гришаева. – Воронеж: ВГУ, 2004. – Ч. 2. – 224 с.
11. Леонтович О.А. Русские и американские парадоксы межкультурного общения: монография. – М.: Гнозис, 2005. – 352 с.
12. Марковина И.Ю., Сорокин, Ю.А. Культура и текст. Введение в лакунологию. – М.: ГЭО-ТАР-Медиа, 2008. – 144 с.
13. Новейший философский словарь. Постмодернизм / под ред. А.А. Грицанова. – Мн.: Современный литератор, 2007. – 816 с.
14. Писатели Аги. XX век. Том 3. Ц.-Б. Бадмаев. Сережа в стране Будапшу. – Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2005. – С. 139-224.
15. Розин В.М. Культурология. – М.: Издательская группа «ФОРУМ – ИНФРА-М», 1999. – 344 с.
16. Фуко М. Археология знания. – Киев: Ника-Центр, 1996. – 208 с.
17. Шунейко А.А. Лакуна и нулевой знак // Лакуны в языке и речи: сб. научн. трудов / под ред. проф. Ю.А. Сорокина, проф. Г.В. Быковой. – Благовещенск: БГПУ, 2005. – Вып. 2. – С. 86-95.
18. Узнадзе Д.Н. Экспериментальные основы психологии установки. – Тбилиси.: АН Гр. ССР, 1961. – 49 с.
19. Эрхитуева Л.И. К вопросу об особенностях речевой коммуникации: психосемантическое исследование фразеологизмов групп бурят и русских // Вестник БГУ. Психология, социальная работа. – Улан-Удэ: БГУ, 2008. – Вып. 5. – С. 63-69.

Коротко об авторе**Briefly about the author**

Дашидоржиева Б., аспирантка, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
bairma-1984@mail.ru

B. Dashidorzhieva, post-graduate, Zabaikalsky State University

Научные интересы: лакуна, теория лакуны, лингвокультурология, межкультурная коммуникация

Scientific interests: compartement, theory of compartement, lingvokul'turologiya, mezhkul'turnaya communication

Науки о Земле

УДК 551.2 : 553.078

Павленко Юрий Васильевич
Yuri Pavlenko

ОБЪЕМНАЯ ГЕОЛОГО-ГЕОФИЗИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЮГО-ВОСТОЧНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ: ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗМЕЩЕНИЯ ЭНДОГЕННОГО ОРУДЕНЕНИЯ (ЧАСТЬ II)

THE VOLUME OF GEOLOGICAL AND GEOPHYSICAL MODEL FOR SOUTH EASTERN ZABAİKALIE: PATTERNS OF ENDOGENOUS MINERALIZATION DISTRIBUTION (PART II)

Продемонстрирована эффективность перспективного вида минерагенических исследований на основе объемной модели строения Юго-Восточного Забайкалья, созданной методами геолого-геофизического картирования

Ключевые слова: минерагения, объемная модель, глубинное строение, структурное районирование, оруденение, закономерности, прогнозирование, Восточное Забайкалье, М-50

The effectiveness of a promising type of research mineragenetic-making on the basis of three-dimensional model of the structure of South-Eastern Zabaikalie is demonstrated, created by the methods of DAMI geological and geophysical mapping

Key words: minerageny, volume model, deep structure, structural zoning, mineralization patterns, forecasting, Eastern Zabaikalie, M-50

В части I («Вестник ЧитГУ». — № 9 (76). — 2011. — С. 102-118) после Введения в разделе I приводятся сведения из истории развития научных представлений о минерагении региона. Начинается она с 1676 г. — с открытия первого забайкальского Аргунского месторождения, на котором казаки обнаружили старые заброшенные серебряно-свинцовые «плавильни китайцев», с создания в районе Нерчинского Завода первой в мире геологической карты (1789-1794 гг.), с А.Д. Озерского (1867 г.), который впервые рассматривает закономерности размещения рудных месторождений юго-восточной части Забайкалья. По меткому выражению И.Г. Рутштейна, яркой особенностью истории забайкальской геологии является чрезвычайно любопытная, весьма показательная и необыкновенно напряженная борьба мнений. Кардинальные измене-

ния в развитии современной минерагении региона внесли первые объемные геолого-геофизические модели строения земной коры. Глубинные геофизические исследований существенно меняют представление о рудоконтролирующих факторах, определяющих закономерности пространственного (и объемного) размещения эндогенного оруденения Юго-Восточного Забайкалья.

2. Научная новизна и практическое значение

Автором экспериментально обоснован и объяснен механизм составляющих его элементов в пространственном размещении эндогенного оруденения Юго-Восточного Забайкалья, который существует в природе около 2,5 млрд лет. Знание его позволяет осуществить методологический принцип познания фундаментального свойства ма-

териального мира — его многоуровневую неоднородность. Исследование такой неоднородности, особенно свойственной земной коре, базируется на объективных законах геологических процессов, приводящих к образованию и пространственному размещению в разнородных геологических структурах эндогенного оруденения. Принципиально важным при этом становится четкое представление о структуре системы неоднородности как о совокупности разнородных соподчиненных ее элементов, внешне самостоятельных, условно неделимых, а внутренне связанных между собой. Системный подход познания изменяет сложившиеся научные представления о закономерностях размещения эндогенного оруденения, суть которого сводится к установлению прямой связи мультиметалльного оруденения, выявленного на поверхности, со структурами раннедокембрийского кристаллического фундамента I, II и III порядков, которые перекрыты комплексами (слоями) рифея-мезозоя мощностью до нескольких километров. При этом рудоконтролирующими являются структуры I и II порядка, а рудовмещающими — III порядка; существенное значение в формировании рудовмещающих структур принадлежит флюиду как рудовмещающей среде и структурообразующему реагенту.

Научное значение состоит в том, что оно коренным образом изменяет существующие научные модели размещения оруденения, раскрывает причины и механизм линейно-узлового размещения рудных районов и узлов, создает теоретическую базу для уточнения многих вопросов о рудообразующих флюидодинамических, полихронно-регенерированных, гидротермально-рециклинговых системах, о многоуровневом характере развития минерализации, о центрах длительной эндогенной активности и пр.

Практическое значение новой модели состоит в создании иерархии структурных уровней локализации оруденения, обеспечивающей системное изучение недр при прогнозно-минерагенических исследованиях, в совершенствовании основ отраслевого

и комплексного научного прогнозирования, в разработке метода палеорекострукции процесса структуро- и рудообразования, а также в рационализации планирования среднемасштабных исследований и при оценке минерально-сырьевых ресурсов региона.

Первой публикацией, в которой излагается сущность новой модели, является монография автора [2].

3. Сущность геолого-геофизической модели

В настоящее время главным научно-производственным документом регионального геологического изучения недр России, основным источником фундаментальной геологической информации, обеспечивающей развитие геологической науки, общих знаний о геологическом строении и минерагеническом потенциале региона принята государственная геологическая карта масштаба 1:1 000 000. Эта карта нового (третьего) поколения, составленная коллективами ФГУП «Читагеолсъемка» и ФГУП «ВСЕ-ГЕИ», включает комплект специализированных карт (том числе карты глубинного геологического строения), схем и электронную базу данных, которые явились основой дополнительных исследований автора (и карты тоже) уже после передачи ее в издание. Кроме того, использованы другие рукописные и изданные работы по региону.

Глубинное строение Юго-Восточного Забайкалья в связи с его минерагенией характеризуется следующими геолого-геофизическими особенностями:

- расположением региона в Аргуно-Верхнеамурской гравитационной области, которая по Монголо-Удской гравитационной ступени граничит с Забайкальским звеном Байкало-Становой отрицательной гравитационной области [1]. В Аргуно-Верхнеамурской области — площадной гравитационной структуре первого порядка выделяются Шилка-Аргунская и Восточно-Забайкальская гравитационные мегазоны второго порядка соответственно с повышенным и пониженным уровнями поля. Восточно-Забайкальская мегазона (ареал-плу-

тон) представляет полихронную очаговую структуру в виде огромного неправильной формы массива магматических и ультраметаморфических пород гранитоидного состава, формирование которой значительно растянуто во времени (см. рис. 5 «Вестник ЧитГУ». – № 9 (76). – С. 115). Магнитные поля в целом совпадают с региональными геологическими структурами, поскольку отражают геологическое строение дневной поверхности, глубинные рудоконтролирующие структуры в магнитном поле практически не отражаются;

– Монголо-Удской гравитационной ступенью – линейной структурой первого порядка, характеризующейся глубоким заложением, длительной историей развития, контролем многочисленных разновозрастных рудоносных интрузий гранитоидов и габброидов. Важнейшее рудоконтролирующее значение структуры заключается в ограничении пространственного размещения рудоконтролирующих гравитационных структур других порядков. На участках сочленения с такими структурами развиты различные полезные ископаемые, а в самой шовной структуре локализуются промышленные месторождения;

– Восточно-Забайкальским ареал-плутоном и зоной его обрамления (ширина 70-140 км), геологически отвечающему одноименному импактному кратеру с эллипсоидным чашеобразным профилем дна. Импактная природа структуры устанавливается:

– по характерному для крупных кратеров значительному превышению диаметра над глубиной;

– по морфологии гнейсогранитного слоя, мощность которого нарастает от периферии к центру кратера (до 11 км), а в зоне обрамления представлена гранитными «отростками» мощностью до 4 км или локальными линзообразными телами [1];

– по наличию в кратере площадных гравитационных аномалий III порядка, соответствующих шести крупным блокам, на которые разбит фундамент в месте высокоскоростного соударения с космическим телом. Максимальная мощность гнейсогра-

нитового слоя в двух центральных наиболее крупных блоках свидетельствует о проявлении процесса коптогенеза, обеспечившего высокую проницаемость пород для обильных флюидов раннего протерозоя;

– по положению (согласно Г.А. Генко, Ю.А. Филипченко) диорит-метаморфического слоя относительно центрального Газимурского блока – контактирующие блоки характеризуются различной глубиной проработки кристаллического вещества коптогенезом и, соответственно, региональным метасоматическим гранитообразованием. От внешней границы кольца блоков, образованного выступами диорит-метаморфического слоя, кровля слоя вновь погружается (за пределами листа М-50);

– по интенсивной тектонической нарушенности слоисто-блокового гранитизированного фундамента;

– по важнейшему рудоконтролирующему значению для мультиметалльного оруденения (как и другие крупные астроблемы планеты).

Кратер относится к захороненным, он перекрыт осадочными и метаморфическими образованиями мощностью до нескольких километров. В верхнем структурном этаже, сложенном чаще магматогенными авто- и аллохтонными телами, развиты крупные останцы, тектонические пластины, выступы пород фундамента, а также тектонические клинья стратифицированных образований. Эта полихронная очаговая структура, начиная с раннего докембрия, в последующие эпохи многократно активизировалась;

– соответствием иерархий геологических структур, гравитационных областей, звеньев и минерагенических подразделений. Это позволяет по гравитационным образам картировать минерагенические подразделения, геоструктуры и наоборот. Минерагеническая иерархия в регионе представлена провинцией, субпровинциями, рудными районами и узлами. Естественными границами минерагенических подразделений являются соответствующие гравитационные аномалии (поля), а гравитационные ступени и линии нарушений

структуры гравитационных полей картируются как разрывные нарушения различной глубинности;

– важнейшим рудоконтролирующим значением Монголо-Удского шва и Восточно-Забайкальской астроблемы с ее обрамлением, они контролируют оруденение Монголо-Забайкальской провинции. С линейной структурой I порядка связано оруденение Агинской субпровинции (одноименная вольфрамово-олово-редкометалльная минерагеническая область), с площадной структурой II порядка и ее обрамления – оруденение Аргунской субпровинции (Унда-Шилкинская редкометалльно-золоторудная минерагеническая зона и Газимуро-Аргунская полиметаллически-золотофлюоритово-урановая минерагеническая область). Несмотря на существенные морфологические различия, обе структуры характеризуются сходным набором полезных ископаемых в пределах 6 рудных районов в структуре I порядка и II – в структуре II порядка. Они контролируют размещение 3025 объектов следующего убывающего ряда экстенсивности проявления полезных ископаемых (в знаменателе – количество месторождений): золото 729/18, свинец, цинк 555/39, флюорит 285/40, вольфрам 175/23, молибден 160/2, уран 156/29, олово 115/7, мышьяк 101/3, сурьма 101/2, марганец 89/3, железо 52/4, драгоценные и ювелирно-поделочные камни 80/16, медь 48/1, поделочные и технические камни 41/0, бериллий 38/2, тантал 35/6, уголь бурый 34/18, литий 25/2, ртуть, серебро 25/0, висмут, цеолиты 23/1, барит, 16/0, агрокарбонатные руды 16/16, кварц пьезооптический, оптический 13/0, фосфорит 10/0, другие полезные ископаемые 50/9. Эти статистические данные свидетельствуют, что Юго-Восточное Забайкалье является ярко выраженным золото-полиметаллически-флюорит-урановым регионом;

– линейными структурами импактного кратера и его обрамления третьего порядка, являющимися главными рудовмещающими эндогенного оруденения в кристаллическом фундаменте. Представлены они восьмью

крутопадающими межблоковыми сложно сочленяющимися, пересекающимися флюидопроницаемыми линейными зонами субмеридионального – северо-западного и северо-восточного-субширотного направлений, выделенными по однопорядковым морфологическим особенностям (деталям) ареал-плутона и его обрамления (см. рисунок), в том числе:

– отдельным разрывным нарушениям и их системам;

– линейным и овальным участкам интенсивной гранитизации;

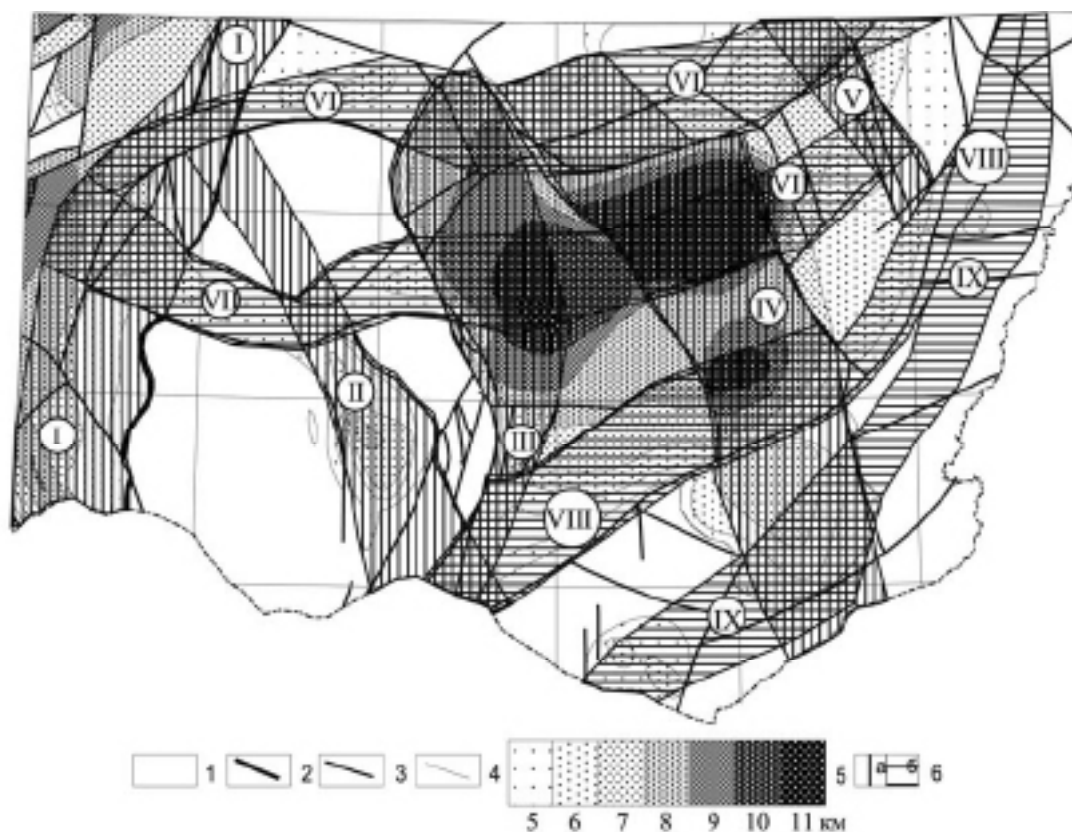
– участкам относительно крутого погружения подошвы гранитогнейсового комплекса;

– линейным и субизометричным «отросткам» с увеличенной мощностью гранитогнейсового слоя в обрамлении ареал-плутона и иногда сопряженным с ним;

– мезозойским магматическим телам.

Эти зоны, составляющие элементы которой достигали наибольшей глубины, представляли передний фронт импактного кратера, являлись участками наибольшей химической мобильности, метаморфизма, гранитизации и др. интенсивных преобразований вмещающих пород. Они характеризуются наиболее контрастными анизотропными свойствами пород, являются магистральными путями миграции флюидов, тепловых потоков, газов, разнообразных продуктов активного метаморфизма, дифференциации, сепарации, гидротерм и рудного вещества, т.е. представляли активные флюидопроницаемые зоны.

В последующие геологические эпохи первоначально относительно локальные флюидопроницаемые зоны расширяли свои параметры по латерали и, что очень важно, на глубину, а также активно воздействовали на перекрывавшие их молодые образования, вовлекая их в сложные процессы метаморфизма, гранитизации и рудообразования, т.е. с ними связана массивированная транспортировка продуктов многократной тектономагматической активизации раннедокембрийского кристаллического фундамента;

Карта морфологии гнейсогранитового комплекса (слоя) ниже поверхности 5 км среза (по А.А. Духовскому и др., 2005 с дополнением автора):

1 – гнейсодиоритовый и гранулит-базитовый комплексы (слои) нерасчлененные; 2 – фрагменты древней ветви Монголо-Удского разлома; 3 – прочие разрывные нарушения; нерасчлененные; 4 – стратоизогипсы подошвы гранитогнейсового комплекса (слоя) в километрах от дневной поверхности; 5 – шкала раскраски стратоизогипс; 6 – линейные зоны тектономагматической активизации докембрийского кристаллического фундамента субмеридиональные (а), субширотные-северо-восточные (б); цифры в кружках – наименование зон: I – Монголо-Удский шов, II – Ононская, III – Восточно-Агинская, IV – Далайнор-Газимурская, V – Урово-Газимурская, VI – Ингода-Куренгинская, VII – Ага-Урюмканская, VIII – Борзя-Уровская, IX – Приаргунская

– предполагаемой глубиной корневой части импактного кратера. Учитывая относительно небольшую мощность архейских-раннепротерозойских образований (5-6 км), «активное» состояние недр этого времени, флюидопроницаемые зоны в начальную стадию формирования достигали, вероятно, по отдельным глубинным разрывам астеносферы или верхней мантии. Движущей силой (механизмом), определяющей их развитие в перекрывающих комплексах и существенное углубление до верхней, затем средней мантии, а через мантийные

струи даже до границы внешнего ядра, являлись геодинамические процессы, нарушающие и восстанавливающие гравитационное равновесие планеты. В преобразованных и новообразованных разнотипных структурах последовательно формировалось разнообразное минеральное вещество последующих геологических эпох, однако раннедокембрийская основа (матрица) этих структур оставалась прежней. За счет мультипликативных наложений усилий и эндогенных процессов аномально большой глубиной флюидопроницаемых зон харак-

теризовались участки пересечения, сочленения таких структур, которым свойственна повышенная проницаемость для рудоносных растворов;

– рудовмещающими структурами верхнего структурного этажа IV-VII порядков. Для рудных районов рудовмещающими являются структуры четвертого порядка – участки пересечения, сочленения линейных структур третьего, третьего и первого порядков, реже участки локального структурного осложнения в пределах этих линейных структур, для рудных узлов – структуры пятого порядка – участки повышенного анизотропного геологического строения; контрастные структурообразующие физические, а также химические свойства пород в этих участках обеспечивают в условиях растяжения верхнего структурного этажа свободную миграцию и концентрацию продуктов флюидизации глубинных частей рудоносной колонны. Рудовмещающими структурами рудных полей и месторождений являются структуры соответственно шестого и седьмого порядков – участки наибольшего анизотропного геологического строения, которые обеспечивают не только концентрацию, но и сохранность продуктов флюидизации глубинных частей рудоносной колонны (здесь не рассматриваются);

– проявлением сложных процессов флюидизации. По литературным данным флюид является средой (и реагентом), активизирующей многообразие геохимических и физических процессов, обеспечившей массивную транспортировку элементов и соединений, глобальную миграцию вещества в недрах. В глубинных частях в форме крайне агрессивных газовых растворов, содержащих Ti, V, Nb, Mo, W, U, Fe, Cu, Zn, Au, Sn, Pb, Sb и др., а также оксидные компоненты, преобладали гелий-водородные флюиды. Газообразные соединения F, Cl, S, P, C, N, O, J, H, Hg распространялись во всех геологических системах.

Ближе к поверхности важнейшим компонентом флюидов являлась сильно минерализованная вода. Флюидно-магматическая активность радикально дебазифицировала продукты корового вулканического и плутонического магматизма, накапливала в основании коры сиалические компоненты. Тип магмы определялся составом исходного вещества и физико-химическими условиями. Кислые магмы генерировались преимущественно веществом коры в условиях малых давлений и температур. В регионе месторождения Mo, U, W, Sn, Be, Ta, Nb, флюорита статистически достоверно приурочены к сиалическим блокам [3];

– современными параметрами (табл. 1), сочетанием флюидопроницаемых зон (табл. 2) и их рудоносностью. Протяженность зон в пределах региона составляет 80...350 км, ширина – 10...70 км. С ними связано мультиметалльное оруденение (приводится по 13 видам наиболее дефицитных полезных ископаемых), в том числе Sn, Sb, fl, As, Au во всех структурах. Повышенные и высокие показатели экстенсивности проявления оруденения, а также интенсивности и разнообразия проявления рудных процессов соответствуют участкам пересечения и сочленения зон. Ряд падения проницаемости и, соответственно, продуктивности оруденения северо-восточного-субширотного направления представлен Ага-Урюмканской > Ингода-Куренгинской > Борзя-Уровской > Приаргунской зонами, субмеридионального-северо-западного-Далайнор-Газимурской > Восточно-Агинской > Урово-Газимурской > Ононской зонами и Монголо-Удским швом. Примечательно, что вокруг условного «рудного центра» на пересечении Ага-Урюмканской и Далайнор-Газимурской зон соседние «сателлитные» центры пересечений зон также характеризуются высокой мультиметалльностью оруденения.

Таблица 1

**Характеристика флюидопроницаемых зон активизации
кристаллического фундамента**

Наименование	Номер	Тип	Длина, км	Ширина, км	Падение	Полезные ископаемые
Монголо-Удская	I	Шовная I порядка	230	20-60	Пологое (10°)	W, U, Sn, Sb, Mn, (fl), Cu, As, Au
Ононская	II	Зона III порядка	200	20-40	Крутое	W, Sn, Sb, (PbZn), Mo, Mn, fl, Cu, Bi, As, Au
Восточно-Агинская	III	Зона III порядка	210	10-50	Крутое	W, U, Sn, Sb, PbZn, Mo, fl, (Cu), Bi, As, Au
Далайнор- Газимурская	IV	Зона III порядка	250	50-70	Крутое	W, U, Sn, Sb, PbZn, Mo, fl, Cu, Bi, As, Au
Урово-Газимурская	V	Зона III порядка	80	15-20	Крутое	U, Sn, Sb, PbZn, fl, As, Au
Ингода- Куренгинская	VI	Зона III порядка	290	10-40	Крутое	W, U, Sn, Sb, PbZn, Mo, fl, Cu, As, Au
Ага-Урюмканская	VII	Зона III порядка	350	20-40	Крутое	W, U, Sn, Sb, PbZn, Mo, Mn, fl, Cu, Bi, As, Au
Борзя-Уровская	VIII	Зона III порядка	330	10-40	Крутое	W, U, Sn, Sb, PbZn, Mo, fl, Cu, Bi, As, Au
Приаргунская	IX	Зона III порядка	340	15-40	Крутое	W, U, Sn, Sb, PbZn, Mo, fl, Cu, Bi, As, Au

Примечание. В скобках обозначены малораспространенные полезные ископаемые;
U – радиоактивные элементы

Поля экстенсивности отдельных видов полезных ископаемых не оставляют сомнения в решающей роли в пространственном размещении оруденения тех же линейных зон кристаллического фундамента. При этом какой-либо четкой региональной зо-

нальности в развитии минерализации не просматривается, что свидетельствует о ее формировании в одних и тех же структурах, но в различные рудные этапы (стадии).

Таблица 2

**Матрица распространения видов полезных ископаемых на пересечении-сочленении
флюидопроницаемых зон фундамента**

Зоны	Субмеридиональные – северо-западные					Итого видов	
	Номер зоны	I	II	III	IV		V
Северо-восточные-субширотные	VI	U, (Sn), (fl), Au 4	W 1	U, Sb, PbZn, (Mo), fl, As, Au 7	(U), (Sn), (Sb), (PbZn), Mo, As, Au 7	U, (Sn), Sb, PbZn, fl, (As), (Au) 7	26
	VII	W, Sn, Sb, Au 4	(Sn), Mn, (fl), Cu, As, Au 6	W, U, Sn, Sb, PbZn, Mo, fl, Bi, Sb, As, Au 11	W, (Sn), (Sb), PbZn, Mo, fl, Cu, Bi, As, Au 10	Sb, PbZn, fl, As, Au 5	36
	VIII	Au 1	W, (Sn) 2	Cu, Au 2	Sn, Sb, PbZn, Mo, fl, Cu, As, Au 8	–	13
	IX	–	–	W, Sn 2	W, U, PbZn, Mo, fl, Cu 6	–	8
Итого видов		9	9	22	31	12	83

Примечание. В скобках обозначены малораспространенные полезные ископаемые, жирным шрифтом – полезные ископаемые «рудного центра», цифры – количество видов полезных ископаемых; другие сведения в табл. 1

При визуальной оценке полей экстенсивности отдельных видов полезных ископаемых относительно друг друга отмечается три вида относительного пространственного совпадения этих полей – частичное, удовлетворительное, хорошее (табл. 3). Достаточно хорошее совпадение полей экстенсивности свидетельствует о «родстве» отдельных полезных ископаемых между собой, о близких физико-химических, геологических и иных условиях их формирования или о малом разрыве во времени их проявления. Эти данные позволяют из 13 видов полезных ископаемых выделить шесть рудных (минеральных) ассоциаций,

свойственных оруденению рассматриваемого региона: W, PbZn, Bi + U, fl + Sb, Au + PbZn, As, fl + Mo, fl, Bi, Au + Au, Bi. При этом только W, U, Sb, Mo и As относительно самостоятельны, хотя они явно ассоциируют друг с другом. Учитывая же, что связующими в этих ассоциациях являются PbZn, fl, Au и Bi, намечаются четыре группы «родственных» минерагенических ассоциаций полезных ископаемых: PbZn (W, Bi, As, fl) + fl (U, PbZn, As, Mo, Bi, Au) + Au (Sb, Mo, Bi, fl) + Bi (W, PbZn, Mo, Au, fl). Значение их в минерагении Юго-Восточного Забайкалья пока остается проблематичным.

Таблица 3

Оценка совпадений полей экстенсивности полезных ископаемых

Элем.	W	U	Sn	Sb	PbZn	Mo	Mn	fl	Cu	Bi	As	Au
U	+	–	+	+	++	++	+	+++	+	+	+	+
Sn	+	+	–	+	++	++	+	++	+	+	+	+
Sb	++	+	+	–	+	+	+	+	+	+	+	+++
PbZn	+++	++	++	+	–	++	+	+++	++	++	+++	++
Mo	++	++	++	+	++	–	+	+++	++	+++	++	+++
Mn	+	+	+	+	+	+	–	+	+	+	++	+
fl	++	+++	++	+	+++	+++	+	–	+	+	++	++
Cu	++	+	+	+	++	++	+	+	–	+	+	++
Bi	+++	+	+	+	++	+++	+	+	+	–	+	+++
As	++	+	+	+	+++	++	++	++	+	+	–	++
Au	++	+	+	+++	++	+++	+	++	++	+++	++	–

Примечание. Совпадение: + – частичное; ++ – удовлетворительное; +++ – хорошее

Показательны в этом отношении выводы о промышленной рудоносности крупнейшего в России Тулукуйского рудного узла, которые, возможно, ассоциируются со второй группой минерагенических ассоциаций. Л.П. Ищукова и др. [4], характеризуя рудообразование Урулонгуйского урановорудного района на основе огромного фактического материала, отмечают широкое распространение вдоль глубинных разломов фундамента наиболее ранних кварц-мусковит-турмалин-флюоритовых грейзенов, кремнекалийных и кремнекалийнатриевых метасоматитов. Позднее, в апикальных частях массивов позднеполеозойских гранитоидов, формировались кварц-мусковитовые с турмали-

ном грейзены, мусковит-турмалиновые пегматиты и калишпатовые метасоматиты. До образования позднеюрских вулканитов с новым этапом грейзенизации в зонах бластомилонитов связывается образование микроклиновых и микроклин-альбитовых метасоматитов, с которыми ассоциируют не промышленные проявления урановой минерализации и олова. Рудообразующий гидротермальный процесс протекал в заключительный этап позднемезозойской активизации, т.е. после завершения ранне-мелового вулканизма. В основной ранний этап образовались крупные месторождения свинца, цинка и флюорита; на некоторых проявлениях полиметаллов развиты высокие концентрации олова. В следующий

этап широко проявилась аргиллизация и формировались крупные месторождения молибден-урановой формации с завершающей флюоритовой минерализацией. Рудообразование закончилось отложением низкотемпературной кварц-каолиновой ассоциации, гидрослюдистого минерального комплекса и цеолитов. В этот этап формируются Стрельцовское месторождение флюорита и многочисленные проявления золота.

Установлено, что главным рудовмещающим фактором пространственного размещения эндогенного оруденения Юго-Восточного Забайкалья являются флюидопроницаемые зоны раннедокембрийского

кристаллического фундамента, продукты тектономагматической активизации последующих геологических эпох которых накапливались в менее плотных перекрывающих их рифейских-мезозойских комплексах, повторяя в общих чертах контуры и минерагенические особенности этих структур на поверхности.

Выявленные особенности размещения полезных ископаемых в связи с глубинным строением позволяют по-иному оценить достоверность многочисленных воззрений геологов многих поколений на минерагению (металлогению) Юго-Восточного Забайкалья в целом и отдельных видов полезных ископаемых (см. раздел I).

Литература

1. Методическое пособие по изучению глубинного геологического строения складчатых областей для Государственной геологической карты России масштаба 1:1 000 000 / А.А. Духовский, Н.А. Артамонова, А.И. Атаков и др. — СПб.: ВСЕГЕИ, 2005. — 135 с.
2. Павленко Ю.В. Глубинное строение и минерагения Юго-Восточного Забайкалья. — Чита: ЧитГУ, 2009. — 200 с.
3. Томсон И.Н., Архангельская В.В., Семенова Н.Г. О системах глубинных разломов в Восточном Забайкалье // Скрытые рудоконтролирующие глубинные разломы. — Тр. ИГЕМ. — Изд-во АН СССР, 1962. — Вып. 84.
4. Геология Урулюнгуйского рудного района и молибден-урановых месторождений Стрельцовского рудного поля / Л.П. Ищукова [и др.]. — М.: Геоинформмарк, 1998. — 526 с.

Коротко об авторе

Павленко Ю.В., д-р геол.-минер. наук, профессор, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
Служ. тел.: (3022) 31-70-90

Научные интересы: мелко-среднемасштабное картирование, прогнозирование, оценка, разведка месторождений

Briefly about the author

Yu. Pavlenko, Doctor of Geological and Minerological Sciences, Zabaikalsky State University

Scientific interests: geological small-medium mapping, prognosis, estimation and exploration of mineral deposits

УДК 672.272

Пирогов Геннадий Георгиевич
Gennady Pirogov

Пакулов Владимир Васильевич
Vladimir Pakulov

ИССЛЕДОВАНИЕ НА ОДНООСНОЕ СЖАТИЕ ТВЕРДЕЮЩИХ ЗАКЛАДОЧНЫХ СМЕСЕЙ НА ОСНОВЕ ХВОСТОВ ОБОГАЩЕНИЯ

THE RESEARCH ON UNIAXIAL COMPRESSION OF SOLIDPACKING MIXES ON THE BASIS OF TAILS' ENRICHMENT

Приведены результаты экспериментальных исследований прочности твердеющих смесей на основе хвостов обогащения на одноосное сжатие с включением ряда факторов и применением метода активного эксперимента

Ключевые слова: твердеющая смесь, компоненты состава закладочной смеси, хвосты обогащения, технологии разработки с закладкой, зависимость, подземная разработка рудных месторождений, обобщенное уравнение прочности

The results of experimental researches of the strength of solid mixtures on the basis of the tailings of the uniaxial compression with inclusion of a number of factors and the use of method of active experiment are described in the article

Key words: solid stowing the mixture, components of composition of the backfill mixture, tailings, technology development with a bookmark, dependence, underground development of ore deposits, generalized equation of strength

Ухудшение горно-геологических условий подземной разработки рудных месторождений, связанное с переходом горных работ на глубокие горизонты, снижением качества добываемых руд, истощением рудоминеральных ресурсов, вызываемым в т.ч. часто неоправданными значительными эксплуатационными потерями, обуславливает повышение доли технологий разработки с закладкой [1-7]. Экономическая эффективность закладки определяется ее стоимостью, существенное снижение которой достигается использованием в качестве основного материала-заполнителя хвостов обогащения. Преимущественно хвосты обогащения после соответствующей подготовки применяют в гидравлических за-

кладочных смесях. Однако с понижением горных работ возрастает напряженно-деформированное состояние горных массивов. Снижение предельных напряжений в породах достигается применением твердеющей закладки, в которой заполнителем являются дробленые горнопроходческие породы или специально добываемые песчано-гравийные смеси. Исследования прочности твердеющих закладочных смесей на основе хвостов обогащения почти не проводились.

Нами выполнены исследования на одноосное сжатие твердеющих смесей с использованием хвостов переработки технологических проб Бугдаинского месторождения, к освоению которого еще не

приступили. Задача исследований заключалась в установлении прочности твердеющих закладочных смесей на основе хвостов обогащения с учетом влияния различных факторов, прежде всего, доли тонкодиспергированных частиц, расхода цемента и целесообразности использования таких смесей в закладочных работах.

Широкий ассортимент компонентов, используемых для получения закладочной смеси, обуславливает множество возможных вариантов их компонентных составов даже в рамках отдельного закладочного комплекса. Поиск рационального состава представляет собой сложную задачу.

Задача выбора из множества возможных составов закладочной смеси оптимального решается с применением активного эксперимента, методов корреляционного и регрессионного анализа [8-11].

Планированию экспериментов придается большое значение вследствие того, что включение большого числа факторов требует увеличения объема экспериментальных исследований, что затрудняется экономическими, технологическими и прочими ограничениями.

Нами используется матрица планирования экспериментов с результатами опытов, выполненных по методу комбинационных квадратов.

Матрица – это множество чисел, представленное в виде прямоугольной таблицы с m столбцов и n строк. Применительно к рациональному планированию экспериментов число столбцов соответствует числу экспериментов. Число экспериментов n определяется числом p уровней или значений, задаваемых каждому фактору, по формуле $n = p^2$. Обычно число уровней принимается равным 5. В этом случае число экспериментов составит 25.

Структура матрицы такова, что при проведении всех экспериментов каждый уровень любого фактора встречается один раз с каждым уровнем всех остальных факторов. Для этого каждый уровень каждого фактора задается в эксперименте столько раз, сколько принято уровней. Этим достигается усреднение любого фактора при вы-

борке результатов эксперимента на любой уровень фактора, т.е. обеспечивается тот же эффект, какой достигается при бесконечно большом числе экспериментов со случайной вариацией всех факторов, открывается возможность применения законов математической статистики и сокращения числа экспериментов. Матрица планирования экспериментов приведена в табл. 1.

Таблица 1

Матрица планирования

Номера опытов	Уровни концентраций				
	X_1	X_2	X_3	X_4	X_5
1	4	2	1	2	1
2	2	2	4	2	4
3	1	3	4	3	5
4	5	4	3	4	3
5	3	5	5	5	2
6	5	1	4	5	4
7	3	2	2	3	3
8	2	3	5	4	1
9	1	4	1	1	2
10	4	5	3	2	5
11	1	1	5	2	3
12	4	2	4	4	2
13	3	3	3	1	4
14	2	4	2	5	5
15	5	5	1	3	1
16	2	1	3	3	2
17	5	2	5	1	5
18	4	3	1	5	3
19	3	4	4	2	1
20	1	5	2	4	4
21	3	1	1	4	5
22	1	2	3	5	1
23	5	3	2	2	2
24	4	4	5	3	4
25	2	5	4	1	3
26	3	5	3	2	1
27	2	1	2	4	2

Важно правильно выбрать диапазон изменения факторов. Чем уже диапазон, тем точнее формула, которая будет получена после обработки результатов эксперимента. После выбора интервалов и уровней изменения факторов исходные данные экспериментов целесообразно свести в таблицу (табл. 2). Нами изготавливались опытные образцы в виде кубиков размерами 70×70×70 мм. Образцы в изготовленных формах хранятся в течение 3...4 суток – время, позволяющее извлекать образцы без нарушения их целостности. Испытания со сроками твердения образцов проводились через 7, 14, 28, 60 и 90 суток (табл. 3) с

помощью гидравлического пресса ПСУ-10 в лаборатории кафедры “Строительных конструкций и материалов” Строительно-

го института Читинского государственного университета.

Таблица 2

Исследуемые факторы и уровни их варьирования

Индекс	Фактор Обозначение	Уровень				
		1	2	3	4	5
X ₁	Цемент, г	100	150	200	250	300
X ₂	Хвосты обогащения (-0,071 мм), % от общей массы заполнителя	20	40	60	80	100
X ₃	Вода, мл	320	340	360	380	400
X ₄	Гранулометрический состав, мм	10	15	20	25	30
X ₅	Период, сут	7	14	28	60	90

Таблица 3

Результаты испытаний образцов твердеющей закладочной смеси на одноосное сжатие

Цемент, г	Хвосты (-) 0,071 мм, % от общей массы заполнителя	Вода, мл	Срок твердения, сут	Прочность на сжатие, МПа
100	20	400	7	1,68
100	40	360	14	1,73
100	60	380	28	1,85
100	80	320	60	2,19
100	100	340	90	2,39
150	20	360	7	1,68
150	40	380	14	1,73
150	60	400	28	1,95
150	80	340	60	2,05
150	100	380	90	4,75
200	20	320	7	3,92
200	40	340	14	6,1
200	60	360	28	6,54
200	80	380	60	7,2
200	100	400	90	7,9
250	20	320	7	2,0
250	40	320	14	3,51
250	60	340	28	4,6
250	80	380	60	5,9
250	100	360	90	7,8
300	20	380	7	3,6
300	40	400	14	5,9
300	60	340	28	6,3
300	80	360	60	7,5
300	100	320	90	8,4

По результатам экспериментов получены парные зависимости (табл. 4) прочности на сжатие от расхода цемента (Y₁), содержания крупности хвостов -0,071 мм (Y₂), расхода воды (Y₃), размера частиц (Y₄) и срока твердения (Y₅). По формуле (1) определена значимость полученных за-

висимостей

$$t_R = R \cdot [(N - K - 1)]^{0,5} / (1 - R^2) > 2, (1)$$

где R – коэффициент нелинейной множественной корреляции;

N – число описываемых точек;

K – число действующих факторов.

Результаты расчета значимости частных функций

Функция	Коэффициент корреляции (R)	Значимость зависимостей (t_R)	Значимость функции
Y_1	0,88	6,62 > 2	Значима
Y_2	0,78	3,46 > 2	Значима
Y_3	0,95	16,43 > 2	Значима
Y_4	0,99	85,63 > 2	Значима
Y_5	0,90	8,19 > 2	Значима

Любую совокупность экспериментальных точек можно описать абсолютно точно функциональной зависимостью. Но такое описание лишено смысла. Поэтому целесообразно найти единую зависимость, сглаживающую разброс точек не только данного эксперимента, но и повторного, если он будет проведен. Такую возможность дает метод *обобщенного уравнения* М.М. Протогьяконова [9], которое описывается формулой

$$Y_n = \prod_{i=1}^n Y_i / (Y_{cp.})^{n-1}, \quad (2)$$

где Y_n – обобщенная функция;

Y_i – частная функция;

$\prod_{i=1}^n$ – произведение всех частных функций;

$Y_{cp.}$ – общее среднее учитываемых значений обобщенной функции (прочность твердеющей закладки на одноосное сжатие).

Обобщенное уравнение прочности твердеющей закладочной смеси на основе

хвостов обогащения на одноосное сжатие по проведенным экспериментам имеет вид: $Y_n = [(0,23 + 0,0072 \cdot X_1) \cdot (0,49 + 0,032 \cdot X_2) \cdot (-9,98 + 0,045 \cdot X_3) \rightarrow (-0,83 + 0,28 \cdot X_4) \cdot (4,45 + 0,05 \cdot X_5)] / (4,36)^4$. (3)

Определены коэффициент многофакторной корреляции ($R = 4,23$) и значимость функции ($t_R = 2,15 > 2$). Ошибка обобщенного уравнения составляет 19,4 %, что позволяет сделать вывод об адекватности выполненных экспериментов. Построены графики зависимостей прочности твердеющей закладки от *двух факторов* (рис. 1, 2). Из графиков следует, что при увеличении расхода цемента, долей фракций (-) 0,071 мм и срока твердения наблюдаются закономерные увеличения прочности твердеющей закладки. Существенное изменение прочности достигается при расходе цемента 250...300 г, что, однако, значительно удорожает работы по возведению искусственного массива и не может быть рекомендовано к практическому применению.

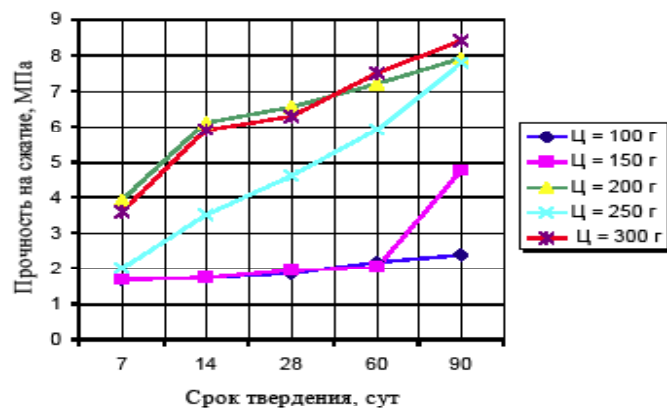

Рис. 1. Зависимости прочности образцов твердеющей закладочной смеси на сжатие от продолжительности твердения при различном содержании цемента

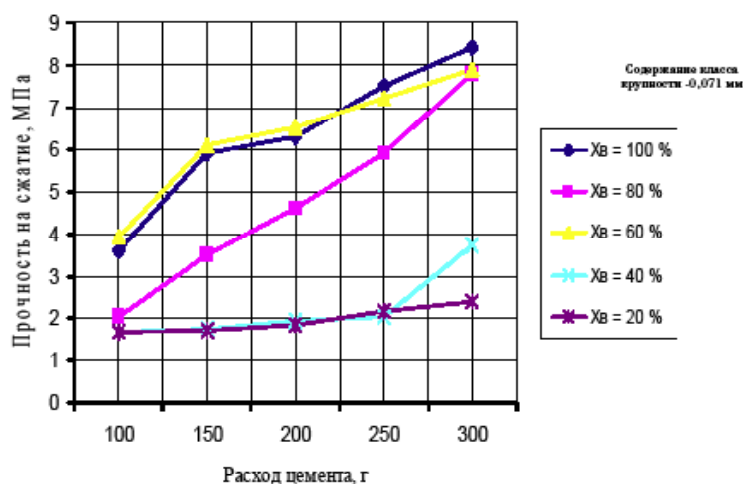

Рис. 2. Зависимости прочности образцов закладочной смеси на сжатие от расхода цемента при различной доле хвостов обогащения класса крупности (-) 0,071 мм

Установленные зависимости позволяют заключить:

а) при увеличении расхода цемента, долей фракций (-) 0,071 мм и срока твердения закладочной смеси наблюдаются закономерные увеличения прочности твердеющей закладки;

б) существенное увеличение прочности твердеющей закладки на основе хвостов обогащения достигается при расходе цемента в образцах 250...300 г, что значи-

тельно удорожает работы по возведению закладочных массивов и не может быть рекомендовано к практическому применению на подземных рудниках, т.к. для повышения эффективности обогащения тонкость хвостов продолжают увеличивать. Целесообразно изыскивать способы укрупнения хвостов предположительно до 20...30 мм и продолжать исследования прочности смесей.

Литература

1. Пирогов Г.Г., Пакулов В.В. Анализ применения хвостов обогащения в мировой и отечественной практике малоотходных технологий с закладкой // Материалы IV научно-технической конференции Горного института Читинского государственного технического университета. – Чита: ЧитГТУ, 2003. – Ч. 3. – С. 106-109.
2. Пирогов Г.Г., Пакулов В.В. Классификация хвостов обогащения, используемых в технологиях очистной выемки с закладкой // Материалы V научно-практической конференции, посвященной 30-летию Горного института Читинского государственного университета. – Чита: ЧитГУ, 2004. – С. 166-169.
3. Пакулов В.В., Пирогов Г.Г. Рациональные закладочные смеси на основе хвостов обогащения // Вестник Читинского государственного университета. – Чита: ЧитГУ, 2004. – № 33. – С. 131-134.
4. Пакулов В.В., Пирогов Г.Г. Состав и структура современных закладочных смесей // Вестник Читинского государственного университета. – Чита: ЧитГУ, 2005. – № 2 (39). – С. 19-21.
5. Савич И.Н., Савич Г.В. Закладка выработанного пространства и перспективы ее применения на месторождениях горной химии (Обзорная информация). – М.: НИИТЭХМ, 1987. – 39 с.
6. Пакулов В.В., Пирогов Г.Г. Состав и структура закладочных смесей // Вестник Читинского государственного университета. – Чита: ЧитГУ, 2005. – № 2 (39). – С. 19-22.

7. Закладочные работы в шахтах: справочник / Под ред. Д.М. Бронникова, М.Н. Цыгалова. – М.: Недра, 1989. – 400 с.
8. Мальшев В.П. Математическое планирование металлургического и химического эксперимента. – Алма-Ата.: Наука, 1977. – 35 с.
9. Протодяконов М.М., Тедер Р.И. Методика рационального планирования эксперимента. – М.: Наука, 1970. – 178 с.
10. Синьков В.И. Корреляционный анализ в экономических исследованиях. – М.: Статистика, 1975. – 270 с.
11. Надимов Б.В. Теория эксперимента. – М.: Наука, 1980. – 186 с.

Коротко об авторах

Briefly about the authors

Пирогов Г.Г., д-р техн. наук, профессор, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
Служ. тел.: (3022) 32-29-25

G. Pirogov, Doctor of Engineering Sciences, professor, Zabaikalsky State University

Научные интересы: научное обоснование и создание новых технологий разработки рудных месторождений

Scientific interests: scientific substantiation and creation of new technologies of ore deposits' mining

Пакулов В.В., канд. техн. наук, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
Служ. тел.: (3022) 32-29-25

V. Pakulov, Candidate of Engineering Sciences, Zabaikalsky State University

Научные интересы: обоснование и создание технологий подземной разработки рудных месторождений

Scientific interests: substantiation and creation of technologies of underground mining of ore

УДК 911.7

Томских Андрей Александрович
Andrei Tomskich

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ БАЙКАЛЬСКОЙ ТЕРРИТОРИИ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ СТРАН ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ

STRATEGY OF BAIKAL TERRITORY'S SOCIAL-ECONOMIC DEVELOPMENT IN THE REGIONAL ECONOMIC SYSTEM OF THE INNER ASIA COUNTRIES

Рассматриваются вопросы развития Байкальской территории в свете стратегий национального и регионального уровней. Поставлены вопросы асимметричного развития приграничных территорий стран Внутренней Азии

Ключевые слова: Байкальский регион, стратегия, развитие, асимметрия

The article deals with the questions of the Baikal territory development in the light of the strategies of national and regional level. Questions of border territories asymmetric development of the Inner Asia countries have been raised by the author

Key words: Baikal region, strategy, development, asymmetry

Работа выполнена при финансовой поддержке Аналитической ведомственной целевой программы (АВЦП) «Развитие научного потенциала высшей школы» № 2.1.3/10962

В последние десятилетия социально-экономическое развитие России планируется с учетом глобальных и региональных трендов развития экономики. В соответствии с пространственной составляющей сценариев «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года» (далее «Концепции») в стране выделено 8 крупных макрорегионов [7]. В каждом макрорегионе по сценариям экономического развития России (инерционным, энерго-сырьевым, инновационным) разработаны региональные программы, согласующиеся с общероссийской стратегией. В основе макрорегиональных и региональных программ лежат идеи развития опорных территорий. Среди 28 потенциальных территорий определена Прибайкальская (Байкальская) губерния

в составе Иркутской области, Республики Бурятия и Забайкальского края [5].

С экономико-географической точки зрения Байкальский регион отличается хозяйственной, культурной и ландшафтно-экологической однородностью [6]. Поэтому считают, что он может стать одной из ключевых опорных баз страны. Его состав продиктован спецификой хозяйственной специализации, промышленным и сельскохозяйственным потенциалом. В структуре занятости в промышленности почти 60 % приходится на обрабатывающие отрасли, 25 % – на отрасли по производству и распространению электроэнергии, газа и воды и почти 15 % – на добывающие отрасли [2]. В то же время регион неоднороден по своему развитию. Отраслями специализации являются Иркутская область – металлургия, машиностроение, химическая и целлюлозно-бумажная отрасли; Республика Бурятия – машиностроение, пищевая промышленность, животноводство; Забайкальский край – пищевая промышленность

ленность, добыча руд металлов и обогащение, машиностроение, производство неметаллических изделий, животноводство. В структуре экспорта региона более 40 % приходится на продукцию лесопромышленного комплекса (круглый лес, целлюлоза, обработанные пиломатериалы); около 34 % – металлургического (железные руды, алюминий); 18 % – машиностроительного (самолеты, вертолеты) и около 4 % на химический и нефтехимический комплекс (синтетические смолы). По своему социально-экономическому типу регион принадлежит к «срединным», к регионам слабоосвоенной и переходной зоны [2].

В «Концепции» Байкальскому региону отведена роль «зоны новой» специализации, транспортно-транзитной зоны, зоны интенсивного ресурсного освоения и развития лесопромышленного комплекса. Ключевой агломерацией территории предполагается сделать Иркутск-Ангарск-Шелехов, функции которой будут состоять в развитии мультимодального транспортного узла, логистического центра, центра сервиса и технологического обеспечения горнодобывающей и нефтехимической промышленности. Для Читы и Улан-Удэ отведена роль центров производства и технологического обеспечения в горнодобывающей промышленности [7]. Сегодня главный инвестиционный потенциал всех субъектов региона состоит в природных ресурсах [12]. Это конкурентные преимущества. Для Иркутской области к ним относятся, прежде всего, гидроэнерго- и рекреационные ресурсы, пресная вода, нефть и газ. Для Республики Бурятия и Забайкальского края – топливноэнергетические (уголь), рекреационные и земельные ресурсы, руды цветных металлов, пресная вода.

Другими важными документами, определяющими стратегию развития Байкальского региона на долгосрочный период, являются «Стратегия социально-экономического развития Сибири до 2020 года», «Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года» и программы социально-экономического развития субъ-

ектов федерации на тот же период [14; 15]. Согласно этим документам, целью развития Дальнего Востока и Байкальского региона определена такая задача, как закрепление населения. Для ее осуществления должен быть реализован комплекс мер по развитию экономики и обеспечению комфортной среды обитания человека на среднероссийском уровне.

Сценарии развития предусматривают крупные проекты мирового, общероссийского и федерально-регионального уровней. К мировым, прежде всего, необходимо отнести развитие трансконтинентального евразийского коридора, важнейшим узлом которого является регион. К общероссийским – развитие системы транспортировки нефти, газа и электроэнергии (Восточная Сибирь – Тихий океан (нефтепровод), объединение нефте- и газопроводов с трубопроводными системами запада страны). К федерально-региональным: в Иркутской области – реализация совместно с Красноярским краем проекта «Комплексное развитие Нижнего Приангарья» (2006-2015); создание «Байкальской туристско-рекреационной зоны», включая проект «Гора Соболиная»; строительство индустриального парка высокотехнологичных материалов и комплексное развитие перерабатывающей промышленности; в Республике Бурятия и в Забайкальском крае – «Комплексное развитие Забайкалья», «Создание транспортной инфраструктуры для освоения минерально-сырьевых ресурсов юго-востока Забайкальского края и Республики Бурятия» (2007-2015); в Республике Бурятия – развитие особой экономической зоны туристско-рекреационного типа «Байкальская гавань»; в Забайкальском крае – комплексное освоение полезных ископаемых юго-востока и севера [10; 15]. Кроме этого, субъекты реализуют собственные проекты, согласующиеся с национальными приоритетами.

Ключевым, для реализации федеральных и региональных инвестиционных проектов, служит взаимодействие России и субъектов Прибайкальской губернии со странами Азиатско-Тихоокеанского реги-

она. В первую очередь это использование выгоды экономико-географического положения «транспортного моста» между западноевропейскими странами и регионами России и северо-восточной Азией (коридор Восток – Запад). Кроме транзитной функции, в ближайшие годы должно раскрыться значение региона как формирующего экспортные поставки, прежде всего нефти, газа, руд цветных и черных металлов, продукции лесопереработки. Особенно актуальны связи региона с Китаем. В рамках стратегического партнерства 1 января 2010 г. запущен нефтепровод «Сибирь-Тихий океан» (Ангарск-Находка) с его ответвлением в КНР (Дацин), объемом транспортировки до 30 млн т сырой нефти в год. Перспективны планы экспорта электроэнергии с гидроэлектростанций Сибири и Дальнего Востока. Значимым событием в рамках развития долгосрочных отношений с Китаем послужит «Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР на 2009 – 2018 гг.», которая касается и социально-экономического развития Байкальской территории. Программа предусматривает координацию усилий между национальными планами развития. Со стороны России – это целевая программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 года»; Китая – «Программа по возрождению районов Северо-Востока Китая». Программа предполагает совместное освоение месторождений полезных ископаемых, строительство промышленных предприятий и развитие приграничной инфраструктуры, сотрудничество в сфере транспорта, науки и техники, охраны природы, туризма, гуманитарной сферы [11].

Однако в списке ключевых проектов совместного сотрудничества Байкальского региона России находится 29 наименований. Из них только 2...4 могут быть отнесены к средним и верхним этапам производственных циклов, остальные в основном – к добыче и первичной переработке природных ресурсов региона. Например, в сопредельной с Прибайкальской губер-

нией территорией Автономным районом Внутренняя Монголия – 21 проект, провинции Хейлунцзян – 33, из которых нет ни одного по добыче сырья, все направления представляют собой вторую и третью стадии передела. Таким образом, налицо асимметрия в развитии приграничных территорий России и Китая. Для российской части это перспективы сырьевого прироста бурно развивающегося соседа, для китайской – развитие перерабатывающих и высокотехнологичных производств [4]. Реальность последнего иллюстрирует динамика и структура экспорта/импорта товарных групп России и Китая. В ней особенно отмечается диаметрально изменившаяся ситуация в области машиностроительной продукции и поставок нефти и нефтепродуктов. Если в 1998 г. в структуре экспорта из России основных товарных групп на продукцию машиностроения приходилось 25,3 %, то в 2006 г. уже только 1,2 %, а нефти и нефтепродуктов 3,2 и 53,9 % соответственно. Зато импорт тех же товаров продукции машиностроения из Китая вырос с 5,2 до 29,0 % [8].

Российско-монгольские отношения в регионе имеют неоднозначное состояние. На три Байкальских субъекта (Иркутскую область, Республику Бурятия и Забайкальский край) приходится 60...70 % внешне-торгового оборота России и Монголии [1]. Современные взаимоотношения России и Монголии строятся согласно Улан-Баторской (2000 г.) и Московской декларациям (2006 г.), «Программе торгово-экономического сотрудничества» (2006 г.). На сегодняшний день это в первую очередь деятельность совместных предприятий, таких как «Эрдэнэт», «Монголцветмет», «Улан-Баторская железная дорога». После принятия Улан-Баторской и Московской декларации российско-монгольский товарооборот постепенно возрос и в 2008 г. составил более 1300 млн долл. США, что больше, чем в 2007 г., на 65 %. При этом экспорт России составляет в нем почти 94 %. Однако торговый оборот России с Монголией несравним с оборотом СССР и МНР и составляет только 21,6 % от монгольского, и уступает

Китаю – 46,7. В отличие от главного регионального конкурента – Китая, он не сбалансирован, что беспокоит Монгольское руководство [13]. Так, сальдо с Россией в 2008 г. составляло минус 1159,9 млн долл. США, с Китаем плюс 449,6 млн долл. США [18]. В этом плане Китай по сравнению с Россией – более выгодный партнер, что определяет политику и интерес Монголии в отношении Китая и России [9].

Структура торгового баланса мало изменилась с социалистического периода, лишь снизился ее общий объем между странами и значительно уменьшился вес продукции машиностроительного комплекса России, ее место заняли США, Германия, Южная Корея и Китай. В экспорте из России преобладают энергоресурсы, в импорте – концентраты руд металлов. Среди субъектов Байкальского региона, да и в целом нашей страны, ведущим торговым партнером Монголии является Иркутская область, на которую приходится до 50 % общего объема российско-монгольской торговли [9]. При этом область не имеет общей границы с Монголией, но соединена с ней прямым железнодорожным сообщением через Республику Бурятия. Основными отраслями сотрудничества является топливный комплекс, энергетика, горнорудная промышленность, сельское хозяйство и образование. В структуре экспорта Иркутской области «в Монголию 40...45 % занимают нефтепродукты; 30 % – электроэнергия и около 8 % – горнообогатительное оборудование» [9]. Почти 80 % монгольских студентов, находящихся в России, традиционно обучаются в иркутских вузах.

Республика Бурятия и Забайкальский край существенно уступают в социально-экономических связях с Монголией, хотя и имеют протяженную общую границу и прямое железнодорожное сообщение. По Республике Бурятия проходит основной железнодорожный путь, соединяющий через станцию Наушки Транссибирскую магистраль и Монгольскую железную дорогу. В Забайкальский край ведет малодеятельная дорога из Восточного аймака Монголии через Соловьевск. Дорога не соединена

с основными железнодорожными путями Монголии. Согласно такому транспортно-му положению субъектов, уровень их экономических связей остается низким. При этом с Республикой Бурятией граничат промышленно развитые аймаки Монголии (Булганский и Селенгинский), с Забайкальским краем – медленно развивающийся Восточный аймак.

Товарооборот Бурятии с Монголией составляет около 10 % российских показателей [9]. Главные экспортные товары Бурятии продовольственные (молочная продукция, мука, кондитерские изделия) и строительные материалы [1]; 90 % всего монгольского импорта в Бурятию составляет мясо и мясопродукты. На Республику Бурятия приходятся основные монгольские инвестиции. В основном это создание совместных предприятий: мясоконсервный завод в п. Иволгинск, ресторан «Модерн-Номадс» в Улан-Удэ, строительные фирмы) [1]. Благодаря этнической общности населения региона, успешно развиваются гуманитарные связи, особенно в области образования и культуры. Перспективным элементом сотрудничества может стать зона свободной торговли «Алтан-Булак», на территории Монголии вблизи г. Кяхта (Россия) [9].

Забайкальский край имеет значительно меньший торговый оборот с Монголией – 0,9 % от общероссийского, что очень мало для приграничной территории. Главным экспортным товаром Забайкальского края является электроэнергия, которая поставляется в Восточный аймак Монголии. Другие контакты осуществляются в основном в гуманитарной сфере. Среди перспективных проектов сотрудничества отмечаются направления в области развития сети особо охраняемых природных территорий, совместной разработки полезных ископаемых (уранового месторождения Монголии – «Мардай», с использованием потенциала ПГХО г. Краснокаменск Забайкальского края) [9]. Толчком развитию монголо-забайкальских экономических отношений явилось бы строительство «Дороги тысячелетия» [13]. В отношении Монголии

как у России, так и у Байкальского региона, в частности, нет ясной стратегии.

Как видно из сказанного, уровень внутренних государственных инвестиций России и Китая в приграничное развитие не сопоставим. Собственная экономика Байкальского региона слаба и без существенных прямых государственных инвестиций не сможет конкурировать с госпрограммами КНР на севере и западе страны. Эта ситуация для России чревата сменой расстановки сил в Северо-Восточной Азии [9]. Разработанные концепции и программы для Байкальского региона – это документы «стратегической периферии» [3]. Как отмечает Н. М. Сысоева, уход с территории прежних отраслей специализации также не способствует развитию малого и среднего бизнеса, как опоры экономического развития, так как он ограничивается суженным спектром деятельности, чаще всего потребительским [16]. По мнению И.П. Глазыриной, риски подписанной межправительственной программы Россия-КНР определяют зависимость социально-экономического развития Восточной Сибири и Дальнего Востока от

инвестиций из Китая («китайская игла») и отток населения с наших территорий [4]. Те же риски определены и для взаимоотношений Монголии и Китая. А. К. Тулохонов в своей работе показывает, что китайская угроза лежит не в плоскости демографии, а в интенсивном и плановом государственном развитии приграничной экономики сопредельных территорий с Россией в отличие от нашей страны [17].

В целом, в регионе Внутренняя Азия (Байкальский регион России, АВРМ Китая и Монголия) развивается поляризация в экономической и социальной сфере. Китай становится мощным глобальным и региональным лидером, в орбиту экономических интересов которого входят значительные территории Сибири и всей Монголии. В развитии данного макрорегиона все больше ощущается асимметрия не в пользу России, которую характеризуют такие контрасты, как плотность и численность населения, уровень освоенности территории, показатели экономического роста и емкость рынков, социальной сферы.

Литература

1. Атанов Н.И. Роль региональных представительств России в приграничном сотрудничестве с Монголией (на примере Республики Бурятия) // ЭВ МОД. Научно-информационный журнал на монгольском и русском языках. – № 1. – 2007 (2). – С. 20-21.
2. Атлас социально-экономического развития России. ФГУП «Производственное картографическое объединение «Картография». – 2009. – 216 с.
3. Гаврилова Н. Стратегическая периферия. Байкальский регион оторвался от Сибири // Восточно-Сибирская правда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.vsp.ru/politic/-2009/04/25/462174>.
4. Глазырина И.П. Минерально-сырьевой комплекс Забайкалья: опасные иллюзии и имитация модернизации // ЭКО. – 2011. – № 1. – С. 19-35.
5. Гранберг А.Г., Кистанов В.В., Адамеску А.А. Государственно-территориальное устройство России. – М.: ООО Издательско-Консалтинговое Предприятие «Дека», 2003. – 448 с.
6. Ишмуратов Б.М., Напрасников А.Т., Задорожный В.Ф. Влияние Байкальского региона на развитие России: мат. междунар. науч.-практ. конф. // Трансграничье в изменяющемся мире: Россия-Китай-Монголия. – Чита: Заб. гос. гум.-пед. ун-т., 2006. – С. 105-109.
7. Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года // Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р. (в ред. распор. Правительства РФ от 08.08.2009 № 1121-р.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=82134>.
8. Котельников А.А. Сотрудничество с КНР // Международное сотрудничество и внешнеэ-

кономические связи Читинской области в 2007 году: сб. материалов / гл. ред. А. Н. Новосельцев; Комитет междунар. сотрудничества, внешнеэкономических связей и туризма Читинской области. – Чита: Экспресс-издательство, 2007. – С.16-46.

9. Мещанинов М.Б. Регионы России в торгово-экономическом сотрудничестве с Монголией. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 168 с.

10. Перечень первоочередных инвестиционных проектов в Сибирском федеральном округе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.economy.gov.ru/minec/activitysections/econreg/investproject/doc20101214_09.

11. Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР на 2009-2018 годы. 2009. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lsn.ru/35602.html>.

12. Рейтинг инвестиционной привлекательности регионов 2009-2010 гг.: новый потенциал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.raexpert.ru/ratings/regions/2010>.

13. Романов А.Ю. Внешнеэкономические связи с Монголией // Международное сотрудничество и внешнеэкономические связи Читинской области в 2007 году: сб. материалов / Гл. ред. А.Н. Новосельцев; Комитет международного сотрудничества, внешнеэкономических связей и туризма Читинской области. – Чита: Экспресс-издательство, 2007. – С. 47-58.

14. Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.economy.gov.ru/minec/activitysections/econreg/investproject/doc20100309_011.

15. Стратегия социально-экономического развития Сибири до 2020 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.sibfo.ru/strategia/strdoc.php>.

16. Сыроева Н.М. Процессы хозяйственного освоения Сибири и современные проблемы территориального развития // География и природные ресурсы. – 2007. – № 3. – С. 37-41.

17. Тулохонов А. К. О приоритетах развития Азиатской России в условиях глобализации: мат. науч. практич. конференции // Социально-эколого-экономические проблемы развития приграничных регионов России – Китая – Монголии. – Чита, 2010. – С. 158-162.

18. Цыбенкова Е.Б. Итоги социально-экономического развития Монголии за 12 месяцев 2008 года // Международное сотрудничество, внешнеэкономические связи и туризм Забайкальского края в 2008 году: Министерство международного сотрудничества, внешнеэкономических связей и туризма Забайкальского края. – Чита: Экспресс-издательство, 2009. – С. 44-51.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Томских А.А., канд. геогр. наук, профессор кафедры географии, теории и методики преподавания географии, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского (ЗабГГПУ) tomskih_aa@mail.ru

A. Tomskich, Candidate of Geographical Sciences, professor, geographical department, Zabaikalsky state humanitarian and pedagogical university named after N.G. Chernyshevsky

Научные интересы: экономическая, социальная и политическая география

Scientific interests: economics, social and political geography

УДК 549+551.73

Юргенсон Георгий Александрович
Georgiy Yurgenson

Солодухина Мария Анатольевна
Maria Solodukhina

МЫШЬЯК В ЗОНЕ ГИПЕРГЕНЕЗА ШЕРЛОВОГОРСКОГО ГОРНОПРОМЫШЛЕННОГО РАЙОНА

ARSENIC IN THE HYPERGENESIS ZONE OF SHERLOVOGORSKY MINING DISTRICT

Приведены первые данные о специализированном изучении мышьяка в зоне гипергенеза Шерловгорского горнопромышленного района. Выявлены главные минералы мышьяка в зоне гипергенеза и показано, что главными его носителями в почвах являются продукты окисления арсенопирита, представленные в основном скородитом и миметитом

Ключевые слова: мышьяк, зона гипергенеза, горнопромышленный район

The first data on the specialized studying arsenic in a zone of hypergenesis of Sherlovogorsky mining area are given in the article. The main minerals of arsenic in a zone hypergenesis are revealed and is shown, that its main carriers in soil are products of oxidation arsenopyrit basically presented by scorodite and mimetite

Key words: arsenic, supergene zone, mining region

В результате детального изучения распределения мышьяка в почвах природных и антропогенных ландшафтов установлены содержания мышьяка, превышающие кларк и ПДК [1; 2; 3; 4; 7]. Установлено также активное усвоение его растениями, произрастающими в пределах зоны развития Шерловгорской рудно-магматической системы [5; 6; 8].

Зона окисления Шерловгорского олово-полиметаллического месторождения была объектом изучения многих исследователей в связи с относительно широким развитием её в пределах этого уникального месторождения (Е.И. Долманова, Ю.С. Нестерова, Г.А. Арапова и др.). Сводка по состоянию изученности минералогии Шерловой Горы на 1973 г. была сделана О.Д. Онтоевым (1974). Однако эти исследования касались прежде всего проблем, связанных с генезисом месторождения и обогащением руд олова.

Кора выветривания Шерловгорского месторождения прослеживается по искусственным обнажениям на глубину до 10...15 м. В результате процессов гипергенеза окolorудные породы интенсивно гидратированы, аргиллизированы, в них развиты гидроксиды железа и марганца. По тонким трещинам они содержат прожилки, корочки и натеки сульфатов и арсенатов железа (скородит, питтицит) и свинца (миметит). Жильный материал пронизан тонкими пленками карбонатов, оксидов и гидроксидов железа и марганца. В полосках кварцево-жильного выполнения широко развиты глины, содержащие гидроксиды железа, марганца и молибдена. Повсеместно в трещинах и прожилках наблюдаются гипергенные слоистые силикаты. Они представлены галлуазитом, монтмориллонитом, гидробиотитом. В аргиллизированных гранитах в глинистые минералы погружены реликты полевого шпата, кварца,

топаза, берилла. В полостях, вскрываемых старателями, добывающими самоцветы, арсенопирит покрыт налетами и корочками скородита и питтицита. В полировках, изготовленных из желваков с арсенопиритом, наблюдаются как сплошные массы скородита (рис. 1), содержащие мелкие обломки кварца и берилла (рис. 2), так и кристаллические агрегаты арсенопирита, обрастающие пленками скородита, образующими петельчатые (рис. 3) и другие виды текстур. В краевых частях обломков агрегата арсенопирита скородит содержит обломки ювелирного аквамарина, линзообразные агрегаты халцедоновидного кварца.

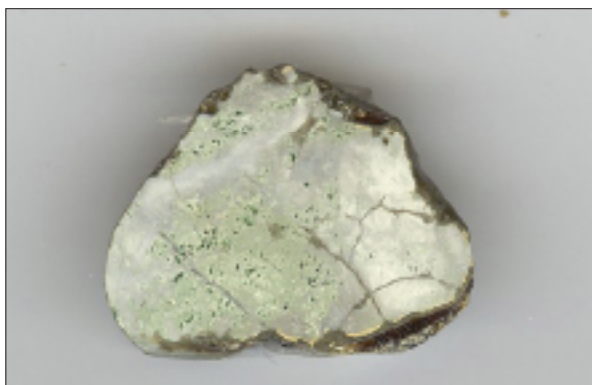

Рис. 1. Массивный скородит.
Натуральная величина

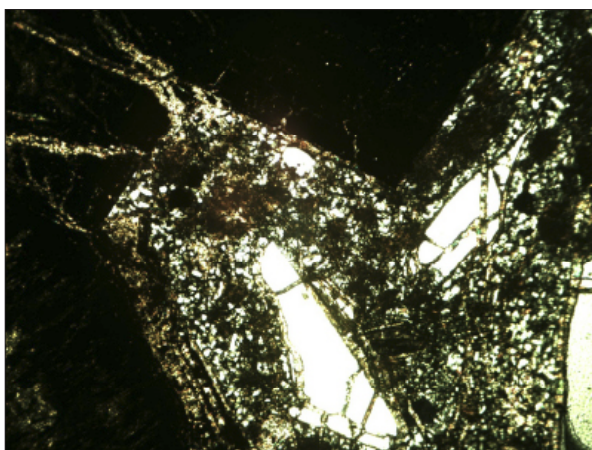

Рис. 2. Обломки берилла (белое)
в скородите (желтое) и арсенопирите
(черное). Прозрачный шлиф. Ув. 25^х

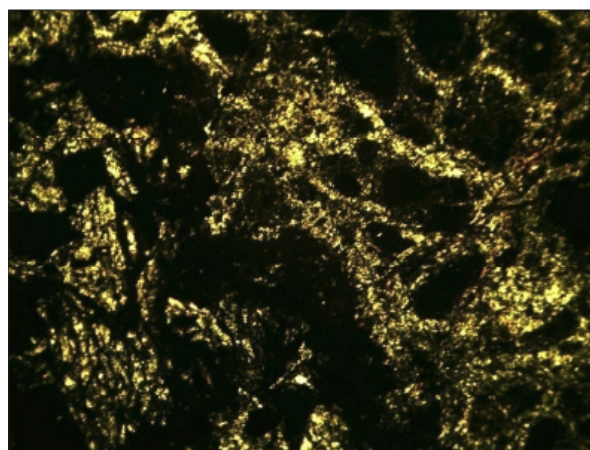

Рис. 3. Петельчатая текстура скородита,
образованная тонкими его прожилками и
пленками в арсенопирите.
Прозрачный шлиф. Ув. в 25^х

В зоне окисления олово-полиметаллического месторождения Сопка Большая наряду со скородитом развит миметит. Он образует прожилки, корки и отдельные кристаллы, имеющие форму шестигранных призм (рис. 4).

Рис. 4. Кристаллы миметита в трещине
окисленной руды. Натуральная величина

Скородит и миметит являются чрезвычайно химически устойчивой формой мышьяка в зоне окисления и коре выветривания. Поэтому мышьяк в этих условиях далеко не мигрирует, а остается в коре выветривания и развивающейся по ней почве.

В коре выветривания по жиле Новой установлена прямая зависимость между содержанием мышьяка и фосфора (коэффициент корреляции 1) (рис. 5). Это связано с тем, что в зоне гипергенеза Шерловогорского горнорудного района развит преимущественно чистый миметит (Pb_5

$[AsO_4]_3Cl$), лишенный примесей фосфора и ванадия. Зато вместо и наряду с ним присутствует фосфат свинца ($Pb_5 [PO_4]_3Cl$) вульфенит. Поэтому свинец примерно пропорционально распределяется между ними, что и видно на рис. 5. Кроме того, в первичных свинцово-цинковых рудах постоянно присутствует основной носитель мышьяка – арсенопирит, который интенсивно развит и в пределах другой части Шерловогорской рудно-магматической системы, где он наложен на бериллий-олово-висмут-вольфрамовое оруденение с самоцветами.

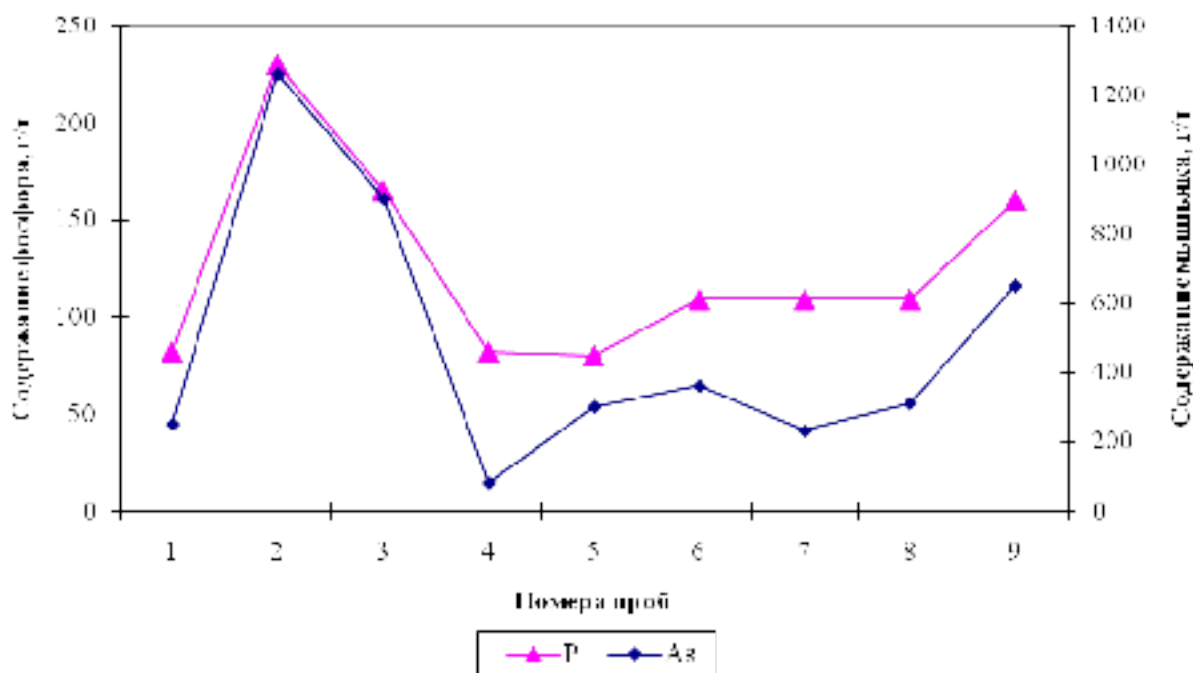

Рис. 5. Сравнение содержаний мышьяка и фосфора в коре выветривания на участке жилы Новая

В этих условиях выявлена обратная связь между содержанием мышьяка и железа (II) с коэффициентом корреляции – 0,9 (рис. 6), в других разрезах установлена прямая связь между мышьяком и железом (III) с коэффициентом корреляции 0,8 (рис. 7).

Поведение мышьяка и железа в про-

филе четко различается в зависимости от минеральных форм этих химических элементов. Когда оба элемента связаны в скородите или арсенопирите, связь прямая, а в зоне миграции одного из них и концентрирования другого, – обратная (мышьяк в скородите, а железо в гидроксидах).

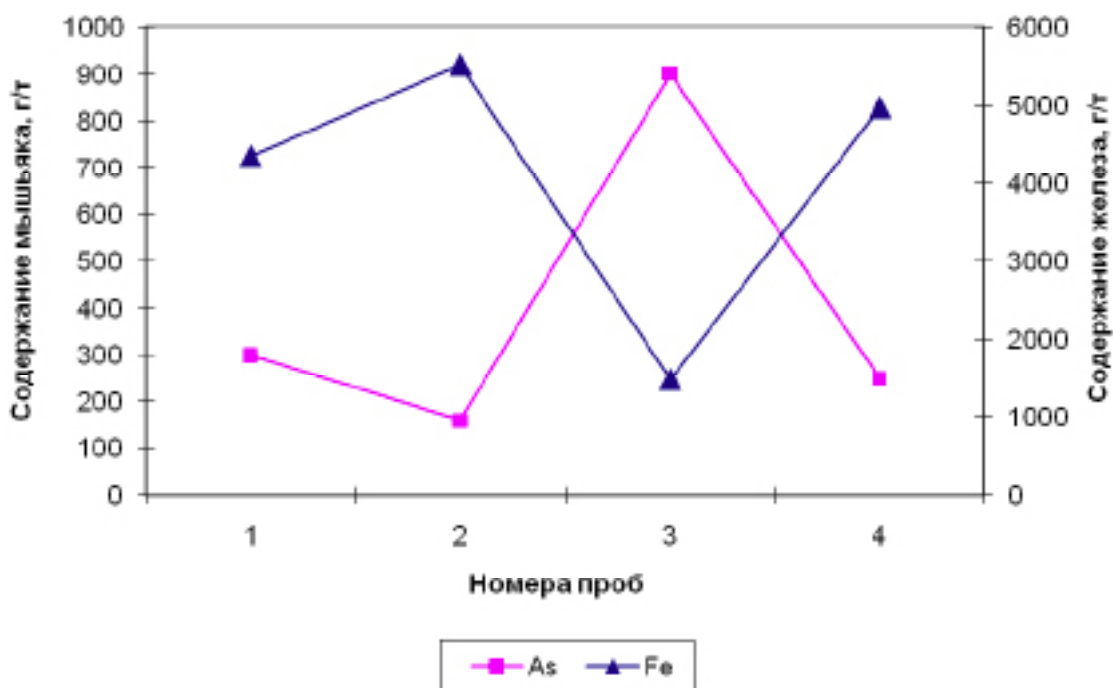

Рис. 6. Сравнение содержаний мышьяка и железа (II) в коре выветривания на участке жила Новая

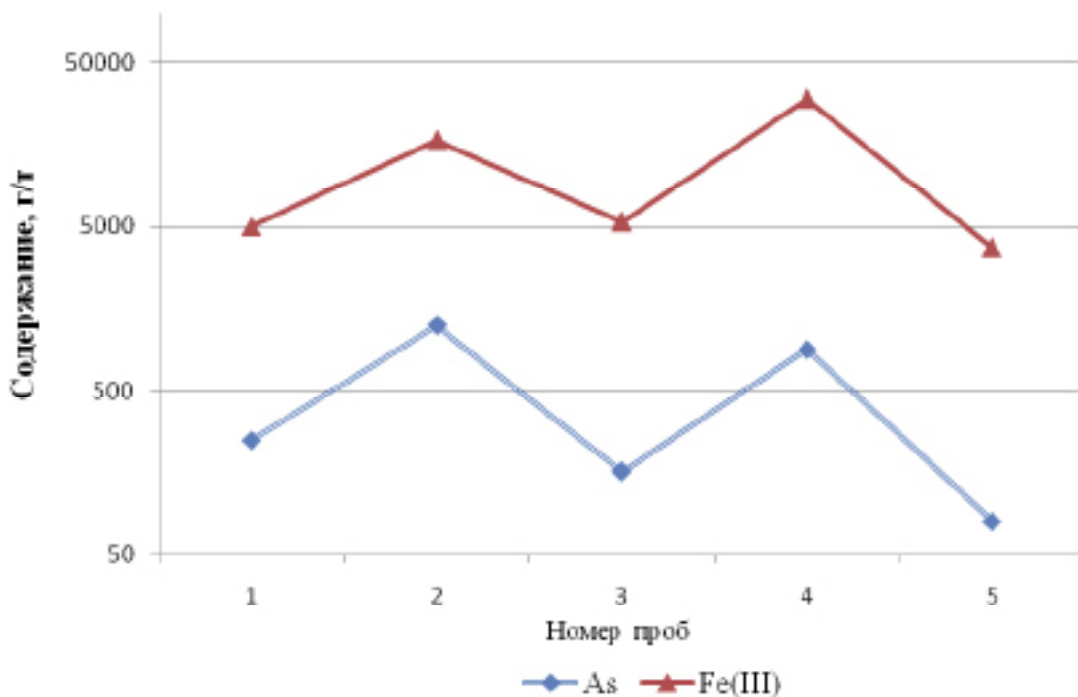

Рис. 7. Сравнение содержаний мышьяка и железа (III) в коре выветривания на участке жила Новая

В сильно измененных горных породах его относительное концентрирование происходит за счет накопления на фоне выноса других химических элементов.

Известно, что мышьяк в зоне окисления в виде арсената образует устойчивые соединения со многими катионами. Из них

в зоне окисления Шерловгорской рудно-магматической системы установлены Cu^{2+} , Pb^{2+} , Zn^{2+} , H^+ , Mn^{2+} , Mn^{3+} , V^{3+} , Al^{3+} , Fe^{2+} , Fe^{3+} . Но трехвалентное железо, алюминий и марганец предпочтительнее образует гидроксиды, лишь в небольшом количестве сорбирующие мышьяк (табл. 1).

Таблица 1

Минералы зоны окисления Шерловгорского рудного узла

Название минерала	Химическая формула	Содержание мышьяка As_2O_5 , %
Скородит	$\text{Fe}^{3+} [\text{AsO}_4] 2\text{H}_2\text{O}$	49,8
Миметит	$\text{Pb}_5 [\text{Cl} \cdot (\text{AsO}_4)_3]$	23,2
Бедантит	$(\text{H}_3\text{O}, \text{Pb})\text{Fe}_3^{3+} [\text{OH}_6 \text{SO}_4 \text{AsO}_4]$	35
Арсенолит	As_2O_3	99-100
Адамит	$\text{Zn}_2\text{AsO}_4(\text{OH})(\text{Co}, \text{Fe})$	38,96-40,17
Питтитит	$\text{Fe}_2^{3+}(\text{AsO}_4)_{10}(\text{SO}_4)_{4/3}(\text{OH})_{24} \cdot 9\text{H}_2\text{O}$	45,3
Фармаколит	$\text{H}_2 \text{Ca}_4 \text{Mg} (\text{AsO}_4)_4 \cdot 11\text{H}_2\text{O}$	50-53
Аурипигмент	As_2S_3	61, As
Реальгар	AsS	70,1 As
Арсеноклазит	$\text{Mn}_5 [\text{AsO}_4]_2 [\text{OH}]_4$	36,93-36,97
Биндгеймит	$\text{Pb}_2(\text{Sb}, \text{As})_2\text{O}_7 \cdot n \text{H}_2\text{O}$	2,71
Фармакосидерит	$(\text{H}, \text{K}) \text{Fe}_4(\text{AsO}_4)_3(\text{OH})_4 \cdot 6\text{H}_2\text{O}$	37,16-39,21
Эринит	$\text{Cu}_5(\text{AsO}_4)_2(\text{OH})_4$	31,87-34,42
Гидрогетит	$\text{FeOOH} \cdot n\text{H}_2\text{O}$	0,1-1,3
Гетит	FeOOH или $\text{Fe}_2\text{O}_3 \cdot \text{H}_2\text{O}$	0,3-0,8
Вернадит	$\text{MnO}_2 \cdot \text{H}_2\text{O}$	0,1-0,2
Псилломелан	$\text{BaMnMn}_{4-10} \text{H}_2\text{O}$	0,05-0,7

В зоне окисления рудных месторождений мышьяк преимущественно связан с медью (34 минерала), кальцием (43 минерала), двух- и трехвалентным железом (по 16 минералов, а всего 33), цинком (26 минералов), марганцем (8 минералов) и свинцом (16 минералов). Процент содержания их дан в табл. 2. Из неё видно, что основная масса арсенатов мышьяка во многих регионах в качестве катионов имеет железо (13,5 %), марганец (6,87 %), кальций (16,41 %), медь (12,98 %), цинк (9,92%), свинец (6,1 %), которые широко представлены в зоне окисления Шерловгорского месторождения. В почвах и верхних частях коры выветривания вследствие недостатка подвижных катио-

нов, таких как свинец и медь, связанных в карбонатах (церуссит, малахит и азурит), а также цинка и магния, интенсивно выносимых сульфатными водами и отлагаемых на испарительных геохимических барьерах на дневной поверхности, двухвалентного железа и марганца, переходящих в трехвалентную форму и осаждающихся в виде гидроксидов, дефицит положительных зарядов компенсируется вхождением в состав арсенатов протона. Например, в фармаколите $(\text{H}_2\text{Ca}_4\text{Mg} (\text{AsO}_4)_4 11\text{H}_2\text{O})$, в фармакосидерите $(\text{H}, \text{K}) \text{Fe}_4^{3+} (\text{AsO}_4)_3 \cdot (\text{OH})_4 \cdot 6 - 7\text{H}_2\text{O}$, где часть калия замещена на протон, или в бедантите $(\text{PbH}_3\text{O}) \text{Fe}_3^{3+} (\text{AsO}_4) (\text{OH})_6$, где часть свинца может быть замещена на H_3O^+ .

Таблица 2

Соотношение числа катионов, связанных в арсенатах в зоне гипергенеза

Катион	Число минеральных видов арсенатов, содержащих катион	Доля, %
H ⁺	19	7,25
Mg	11	4,20
Na	10	3,82
Ca	43	16,41
Al	9	3,44
Mn ²⁺	18	6,87
Fe ²⁺	17	6,49
Fe ³⁺	16	6,10
Cu ²⁺	34	12,98
Zn ²⁺	26	9,92
Pb	16	6,1
Остальные	43	16,42
Всего	262	100

В зоне гипергенеза Шерловогорского горнопромышленного района поведение мышьяка различно в условиях присутствия или отсутствия хлора, обеспечивающего кислые условия. При его отсутствии арсенопирит непосредственно переходит в

скородит, замещающий его. В присутствии хлора мышьяк мигрирует и, в случае появления в системе свинца, образует с ним миметит ($Pb_5 [Cl \cdot (AsO_4)_3]$), кристаллы которого, в отличие скородита, пространственно обособлены от окисляющегося арсенопирита.

Выводы

Таким образом, мышьяк, несмотря на высокие содержания в горных породах и минералах, в зоне гипергенеза характеризуется слабой миграцией. Присутствие железа и свинца способствует образованию здесь скородита или миметита, являющихся главнейшими продуктами гипергенеза. Оба эти минерала геохимически устойчивы, что ограничивает подвижность мышьяка в зоне гипергенеза и в почвах и уменьшает его экологическую опасность за пределами территорий выхода на дневную поверхность обогащенных им рудно-магматических систем.

Литература

1. Корешкова Ю.В., Юргенсон Г.А. Формы нахождения мышьяка в почвогрунтах Шерловогорского горнорудного района // Минералогия и геохимия ландшафта горнорудных территорий. Современное минералообразование: Труды III Всероссийского симпозиума с международным участием и IX Всероссийских чтений памяти акад. А.Е. Ферсмана 29 ноября. – 2 декабря 2010 г. – Чита, Россия. Чита: ЗабГГПУ, 2010. – С. 19-22.
2. Онтюев Д.О. Стадийность минерализации и зональности месторождения Забайкалья. – М.: Наука, 1974. – 244 с.
3. Солодухина М.А. Мышьяк в почвообразующих горных породах и почве Шерловогорского горнорудного района Забайкальского края // Кулагинские чтения: IX Всероссийская научно-практическая конференция. – Чита: ЧитГУ, 2009. – Ч. 1. – С. 119-123.
4. Солодухина М.А., Юргенсон Г.А., Смирнова О.К. Мышьяк в почвах Шерловогорского рудного района // Вестник ЗабЦ РАЕН. – 2010. – № 1 (3). – С. 15-19. (0,1 п. л.) // Вестник ЗабЦ РАЕН. – 2010. – № 1 (3). – С. 15-19.
5. Юргенсон Г.А., Солодухина М.А., Смирнов А.А., Смирнова О.К., Боковенко Л.С. К проблеме биологического поглощения токсичных химических элементов растениями в природных и геотехногенных системах // Вестник МАНЭБ. Санкт-Петербург-Чита, 2009. Проблемы безопасности жизнедеятельности Забайкальского края. Т. 14. – № 3. – С. 110-113.
6. Юргенсон Г.А., Солодухина М.А., Смирнов А.А. К проблеме биологического поглощения вольфрама, молибдена и мышьяка растениями на примере польны Гмелина // Вестник Забайкальского центра РАЕН. – 2009. – № 1. – С. 16-21.
7. Юргенсон Г.А. Геоэкологические последствия рудной добычи на разных территориях Сибири и Северо-Востока РФ // Проблемы освоения техногенного комплекса месторождений зо-

лота: Материалы межрегиональной конференции: СВКНИИ ДВО РАН. – Магадан, 2010. – С. 58-72

8. Yurgenson G.A., Solodukhina M.A., Goriachkina A.G. Arsenic in Dry Steppes Landscape Hypergenesis Zone // Proceedings of the 2nd International Symposium of Geosciences in NE Asia and the 9th Cina-Korea Joint Symposium of Geology on Crustal Evolution in NE Asia. July 31-August 4, 2002. – Changchun, China. – P. 130-131.

Коротко об авторах _____ **Briefly about the authors**

Юргенсон Г.А., д-р геол.-минер. наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, зав. лабораторией геохимии и рудогенеза Института природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН (ИПРЭК СО РАН), профессор кафедры химии Забайкальского государственного университета (ЗабГУ)
yurgga@mail.ru

G. Yurgenson, Honored Science Worker of RF, Doctor of Geological and Mineralogical Sciences, professor, head of Geochemistry and Ore Deposits genesis laboratory of Institute of Nature Resources, Ecology and Criology SB RAS, professor of chemistry department, Zabaikalsky State University

Научные интересы: минералогия, геохимия, рудогенез, геммология

Scientific interests: mineralogy, geochemistry, gemology and ore deposits genesis

Солодухина М.А., мл. научный сотрудник лаборатории геохимии и рудогенеза Института природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН (ИПРЭК СО РАН)
mabn@ya.ru

M. Solodukhina, junior researcher, Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology of RAS Siberian Branch, Russia

Научные интересы: геохимия и биогеохимия микроэлементов

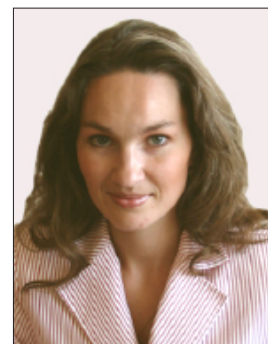
Scientific interests: mineralogy, geochemistry and biogeochemistry of trace elements

Социология

УДК 316.34

Романова Илона Валерьевна
Илона Романова

СОЦИАЛЬНОЕ НАСТРОЕНИЕ ОДИНОКИХ ЖЕНЩИН ПОСТТРУДОВОГО ПЕРИОДА ЖИЗНИ (СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАБАЙКАЛЬЯ)

LONELY WOMEN OF THE POSTLABOUR PERIOD OF LIFE (SOCIOLOGICAL RESEARCH ON THE TERRITORY OF TRANSBAIKALIA)

Изложены результаты эмпирического исследования социального настроения одиноких женщин посттрудового периода жизни по методике ВЦИОМ. Показано, что социальное настроение женщин достаточно адекватно отражает их жизненную ориентацию в современных социокультурных условиях

The results of empirical research of social mood of lonely women of the postlabour period of life by technique of Russian Center of Public Opinion Study are stated. It is revealed that the social mood of women adequately enough reflects their vital orientation in modern sociocultural conditions

Ключевые слова: одинокие женщины, посттрудовой период, социальное настроение, индекс социального настроения, стратегия выживания

Key words: lonely women, postlabour period, social mood, index of social mood, survival strategy

Социальное настроение – понятие социологии и социальной психологии, используемое для обозначения преобладающего состояния чувств и умов тех или иных социальных групп в определенный период времени и зависящее от степени разрушаемости социальных проблем, противоречий, удовлетворения социальных интересов, преломляющихся через психику, сознание и действия индивидов [1; 2]. Социальное настроение как феномен общественного сознания может служить адекватным отображением образа жизни социальной группы одиноких женщин посттрудового периода.

Социально-психологическое состояние одиноких женщин исследуемого периода жизни является интегральным показате-

лем и отражает совокупность воздействия сложных индивидуально-психологических и социально-экономических факторов. Приоритетное воздействие на характер социального настроения оказывают экономические факторы, система ценностных ориентаций, собственное мировосприятие, потребности в личностной и профессиональной самореализации и т.п.

Количественной мерой социального настроения является индекс социального настроения (ИСН). ИСН – комплексный индикатор, который включает измерение субъективных оценок разных сторон общественной и личной жизни населения. В нем учитываются представления людей об их личной жизни, о ситуации в стране в це-

лом, оценки деятельности властей, а также ожидания относительно ближайшего будущего.

Индекс Социальных Настроений рассчитывается в Левада-Центре с начала 90-х гг. прошлого века. Этот метод анализа социальных процессов в обществе основан на интегральных оценках совокупности социальных, политических, экономических настроений, формирующихся в обществе. ИСН является обобщенным показателем динамики массовых настроений общества, дающим количественную оценку влияния массового сознания на развитие страны.

ИСН строится на основе регулярных опросов общественного мнения в России. Эти исследования показывают, что в России существует тесная взаимосвязь политических, экономических, общественных оценок и мнений людей, которые складываются в единый вектор общественных настроений. ИСН показывает меру влияния субъективного фактора, отражающего воздействие совокупности индивидуальных предпочтений и настроений отдельных людей на развитие общества в целом, на реальное политическое, экономическое поведение населения.

ИСН основан на данных о мнениях населения, поэтому его динамика напрямую зависит от того, как различные факты общественной жизни отражаются в массовом сознании, в том числе на вербальном уровне.

Индекс Социальных Настроений рассчитывается по действующей методике ВЦИОМ [3]. Используемые для построения индекса двенадцать вопросов направлены на выделение положительных или отрицательных оценок (или направлений изменения этих оценок) с тем, чтобы сконцентрировать внимание на динамике показателя. По каждому вопросу строится индивидуальный индекс как разность долей положительных и отрицательных ответов, и прибавляется 100, чтобы избежать появления отрицательных значений индекса. Совокупный индекс ИСН рассчитывается как средняя арифметическая из индивидуальных индексов. Таким образом, ИСН изменяется в интервале 0...200, причем

значения индекса менее 100 означают преобладание отрицательных оценок.

Выделяется четыре частных индекса:

1) текущего положения семьи (ИС), отражающий субъективные оценки материального положения семей респондентов;

2) текущего положения страны (ИР), объединяющий оценки экономического и политического положения страны в целом;

3) ожиданий (ИО), отражающий представления людей о своем личном ближайшем будущем и о будущем страны;

4) оценки власти (ИВ), отражающий уровень одобрения деятельности государственной власти в стране.

Исследование образа жизни одиноких женщин вкупе с изучением их социального настроения позволило рассмотреть заявленную проблему не в одной плоскости, а в многомерном пространстве, т.е. получить комплексное психолого-социологическое теоретическое построение.

Изучение обобщающего показателя психологического состояния женщин — социального настроения — осуществлялось в 2010-2011 гг. путем проведения специального социологического исследования, в результате которого опрошено 187 городских и сельских женщин по действующей методике ВЦИОМ.

Количественное определение личного психологического состояния одиноких женщин конкретизировало, в общем-то, предполагаемую картину. Частный индекс личного положения (первая составляющая ИСН) оказался равным для женщин возрастной группы 55...60 лет 72,3, а для женщин старше 60 лет — 51,6. По нашему мнению, введение во второй вопрос варианта нейтрального ответа (не изменилась) несколько искажает результат расчета этой составляющей ИСН. Около трети респондентов выбрали этот вариант ответа, полагая, что за прошедший год их жизнь осталась на том же сложном уровне, т.е. не приобрела позитивной окраски. На рис. 1 в виде диаграмм приведены фактические данные, послужившие основой для расчета частного индекса личного положения.

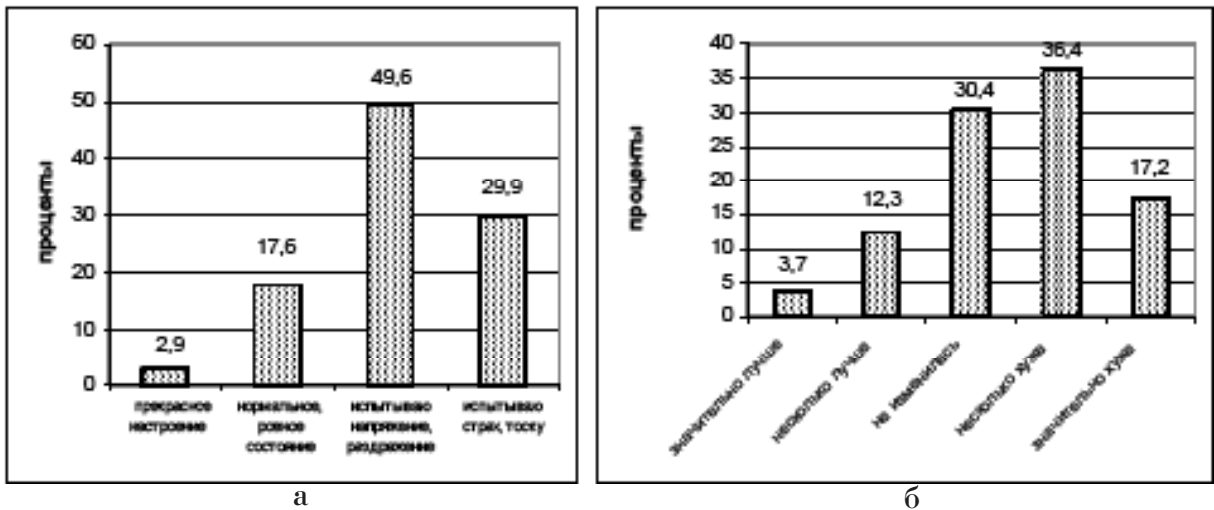

Рис. 1. Результаты ответов на вопросы для расчета индекса личного положения женщин старше 60 лет:

- а) Что бы вы могли сказать о своем настроении в последние время?;
- б) Как вы считаете, за последний год ваша жизнь, жизнь вашей семьи стала лучше, хуже или не изменилась?

Приведенные данные показывают, что частные индексы личного положения одиноких женщин обеих возрастных групп находятся в области отрицательных значений. Это, во-первых, согласуется со всеми нашими предыдущими данными и данными других исследователей, касающихся личного психологического состояния женщин в посттрудовом периоде, и, во-вторых, подтверждает установленную тенденцию, характеризующуюся снижением с увеличением возраста большинства показателей

образа жизни одиноких женщин в посттрудовом периоде и, как показало исследование, их социального настроения.

Расчет следующей составляющей ИСН – частного индекса текущего положения России позволил выявить следующую картину. Фактические данные, иллюстрирующие распределение ответов на первый из трех вопросов: «Как бы вы оценили экономическое положение России?», приведены на рис. 2.

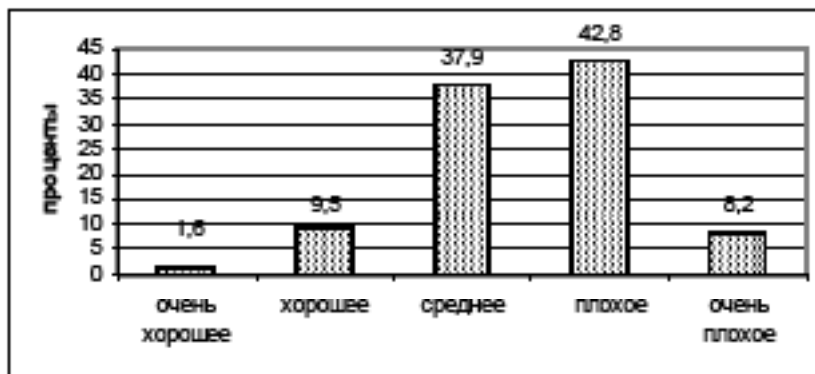

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Как бы вы оценили экономическое положение России?»

Обыденное экономическое сознание складывается на основе мироощущений,

непосредственного жизненного опыта, элементарных экономических знаний и соци-

ально-психологических установок женщин. Оно представляет собой отношение к экономическим явлениям и процессам. Экономическое сознание женщин посттрудового периода старшей возрастной группы сформировалось на основе сравнения жизни пенсионеров в советский период и постсоветский. Определенная стабильность жизни пенсионеров в советский период и явное неприятие социально-экономических реформ, выразившееся для них в длительных задержках пенсий, их минимальных размерах, взлете потребительских цен, отсутствии социального обслуживания сформировало левую часть распределения на рис. 2. Эта же группа женщин 55...60 лет более позитивно расценивает современное экономическое положение страны — она более представлена в варианте ответа «среднее». Таких женщин оказалось около 40 %. Подход к выбору варианта также сравнение, однако здесь сравнение происходит с очень «плохим» периодом в развитии страны — началом постсоветских реформ.

В то же время женщины достаточно хорошо осведомлены о статистике экономического роста в стране. При этом все без исключения женщины отмечают диссонанс ситуации: страна богатеет, но общество чувствует себя все хуже. Экономический рост не сопровождается повышением уровня жизни всего населения. Как считают опрошенные женщины результаты экономического роста должны быть доступны всем гражданам, что не происходит на самом деле и формирует пессимистические оценки экономической ситуации в целом. Поэтому индексе этого вопроса оказался равным 60,1.

Осознавая те или иные экономические явления и процессы, человек принимает или не принимает их, однако вынужден приспособливаться к ним, т.е. вырабатывать собственную стратегию жизни. Стратегия жизни выбирается, как правило, в соответствии с индивидуальностью, типом личности. Она выступает как способ разрешения противоречий между внешними и внутренними условиями реальной жизни, в которой внешние условия не всегда соответствуют и способствуют потребностям,

способностям, интересам данной личности.

Материалы нашего социологического опроса позволяют конкретизировать определенную группу таких способов, которую мы условно обозначали как стратегию выживания. Выбор стратегии выживания сам по себе присутствует в любой общественно-политической формации, в любом социуме. Однако современное состояние экономической и социальной системы России во многом предопределяет выдвижение этой стратегии как основной у большинства одиноких женщин посттрудового периода.

Выделяются три доминирующие формы таких стратегий. Первая — снижение потребительских стандартов до уровня, обеспечиваемого реальными доходами. Главной характерной особенностью этой формы стало снижение жизненных стандартов и базирующихся на них потребительских запросов. Эта особенность проявляется в изменении повседневной практики.

Вторая форма этой стратегии — натурализация производства и потребления, расширение потребления продуктов собственного производства. В первые годы реформ многие оказались совершенно не готовыми к почти абсолютно автономному жизнеобеспечению себя и своей семьи. Но уже во вторую половину 90-х гг. стали появляться новые формы жизнеобеспечения. В каждом регионе находятся и претворяются в жизнь разнообразные, многочисленные способы автономного выживания. И самой простой, как и самой распространенной, оказалась модель жизнеобеспечения, основанная на возврате к натуральному хозяйству.

Особенно важную роль натурализация производства и потребления стала играть в малообеспеченных семьях, к которым с полным правом относятся и неполные семьи одиноких женщин. Смысл такого выживания — в достижении минимальных условий, обеспечивающих простое физическое сохранение индивида. Такими минимальными условиями оказываются сейчас небольшие участки земли, на которых, например, в условиях Забайкалья, семья может вырастить картофель, другие овощи,

ягоды. Согласно социологическим опросам, в «зоне бедствия» данный источник вышел на первое место среди всех факторов адаптации населения к новым экономическим условиям.

Третья форма стратегии «выживания» – интенсификация труда, отказ от выходных и отпусков – дополнительная (вторичная) занятость женщин. Наши исследования показали [4], что из тех женщин, кто придерживается описанных форм стратегии «выживания», лишь около 15 % интенсифицируют свой труд, а остальные в том или ином соотношении комбинируют две первые формы.

Социологические исследования других авторов [5] показывают, что ориентация на стратегию выживания в России выявляет тенденцию к снижению, однако, по

нашим данным, применительно к исследуемой категории женщин Забайкалья за период 2002-2010 гг. эта тенденция не устанавливается.

Индекс, рассчитанный по ответам на второй вопрос частного индекса текущего положения России: «Как бы вы оценили в целом политическую обстановку в России?», оказался равным 149,4 (фактические данные приведены на рис. 3), что говорит о позитивной оценке политического курса России. Нами установлено, что в понимании женщин политическая обстановка в России более тяготеет к ее внешнеполитическому курсу (лишь бы не было войны, массовых гражданских потрясений) и менее – к ее социальной составляющей. Этим, возможно, определяется достаточно высокое значение полученного индекса.

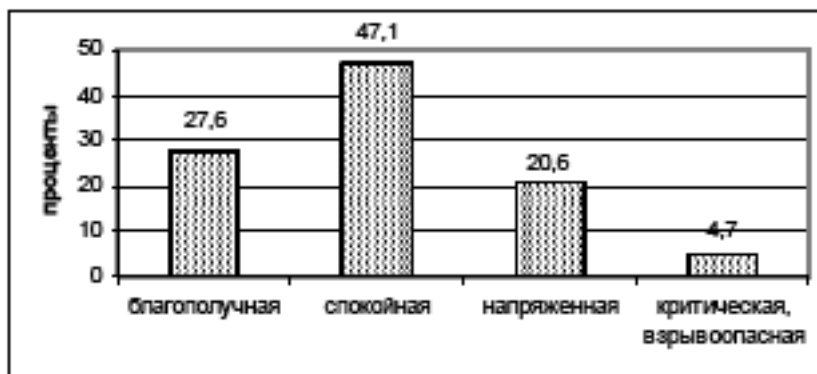

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Как бы вы оценили в целом политическую обстановку в России?»

Результаты опроса женщин по следующему вопросу частного индекса текущего положения России: «Как вы считаете, в целом дела в России идут в правильном направлении?» показали, что проведенные реформы в целом ухудшили положение дел в экономике, здравоохранении, образовании, культуре (75,7 % респонденток отметили вариант ответа «в неправильном направлении»).

Казалось бы, реформы открыли новые возможности для самореализации, профессионального роста, занятия бизнесом, но освоить эти возможности смог очень узкий круг людей. А для большинства женщин, тем более пенсионного возраста, соци-

альный лифт оказался закрытым. В то же время женщины понимают, что формирование рыночных отношений не может не приводить к усилению дифференциации доходов, однако степень социальной дифференциации российского общества сегодня слишком велика. Экономические преобразования должны стать выгодны всем социальным субъектам, содержать в себе реализацию общих интересов. Женщины не видят ничего предосудительного в том, что у деятельной части общества растут предпринимательские и индивидуальные доходы. Проблема состоит в том, что параллельно идут и усиливаются процессы обнищания значительной части населения, в том

числе и его социально менее защищенной части — людей пенсионного возраста. Этим объясняется столь низкое значение (48,6) рассчитанного индекса.

Следует отметить, что подобная оценка российского курса реформ, согласно фундаментальному исследованию «Двадцать лет реформ глазами россиян» [6], присуща большинству россиян. Подтверждением этого заключения является социологический анализ чувства несправедливости самого капиталистического жизнеустройства в России. Авторы доклада относят это чувство к «негативно окрашенным». Но при этом подчеркивают, что чувство несправедливости всего происходящего вокруг, свидетельствующее о нелегитимности в глазах россиян самого миропорядка, сложившегося в России, в апреле 2011 г. «хотя бы иногда» испытывало подавляющее большинство всех россиян (свыше 90 %), при этом 46 % испытывали его часто. Шире всего устойчивое чувство несправедливости происходящего было распространено среди представителей возрастных групп старше 50 и особенно 60 лет (55 и 66 % соответственно), бедного и малообеспеченного населения (55 % у тех, чей среднедушевой доход не превышает половины медианы, и 51 % — у тех, кто имеет доходы не выше медианы доходов по массиву в целом, т.е. 9 000 руб.).

Основной негативный вклад в динамику общественных настроений вносят оценки перспектив личного положения семьи, развития ситуации в стране. Эти оценки отражает частный индекс ожиданий (ИО).

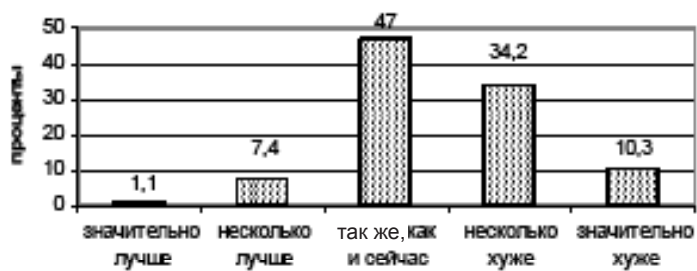
Анализ фактических данных, приведенных на рис. 4 и отражающих распределение ответов женщин на вопросы индекса ожиданий, позволяет сказать, что у большей их части сформировалось чувство неопределенности их будущего с вектором в сторону ухудшения. Это говорит о том, что большое количество женщин чувствует серьезную неуверенность в устойчивости своего социального положения и стабильности материального достатка. Скорее всего, эта неуверенность является следствием всё ещё продолжающейся перестройки не-

которых секторов общественной жизни в России.

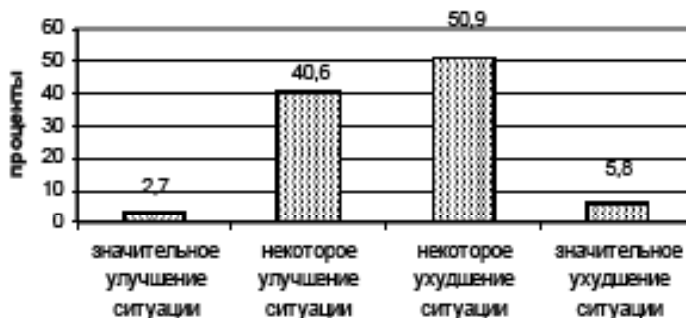
Высокая доля женщин, испытывающих такие негативные чувства, как тревога за своё будущее и страх перед будущим, говорит о том, что эти люди находятся в ожидании каких-либо неприятностей, нежели чем в ожидании перемен к лучшему. Также ощущение страха и тревоги у людей говорит о всё ещё остающемся недоверии населения к власти, которое возникло в результате большого количества негативных последствий реформ, проведённых в 1990-е гг.

Практически половина женщин (47 %) не ожидает значительных перемен в предстоящем году в своей жизни и руководствуется при этом совершенно простыми рассуждениями: опустимо хуже не должно быть, а заметно лучше по опыту прошлых лет также быть не должно, т.к. одно-двухразовые в году повышения социальных трансфертов «съедаются» повышениями тарифов ЖКХ, ростом цен на продукты питания, лекарства. Это свидетельствует о некоторой апатии и безразличии женщин, вызванных вялотекущими социальными изменениями жизни нашего общества. Указанная доля женщин, не ожидающая перемен в своей жизни, полностью коррелируется с количеством женщин, не предполагающих особых изменений и в жизни страны (50,2 %).

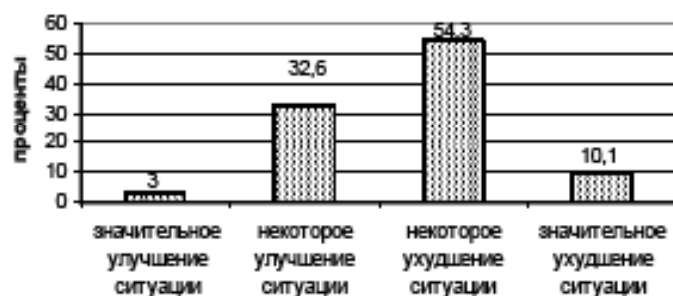
Количество женщин, спокойно, без волнений относящихся к своему будущему, испытывающих оптимизм и смотрящих с надеждой в свое будущее и будущее страны, значительно разнится в зависимости от целевой ориентации вопросов. Если вопрос касается непосредственно жизни каждой женщины, то группа женщин, позитивно оценивающих свое будущее, не превышает 8...12 %. Если же вопрос ориентирован на будущее России в его различных аспектах — экономике, политике, то здесь оптимистов гораздо больше — 35...43 %. Женщины отмечают значительный прогресс «нулевых» годов относительно 90-х, проецируют его на будущее и связывают с ним улучшение своего социального положения.

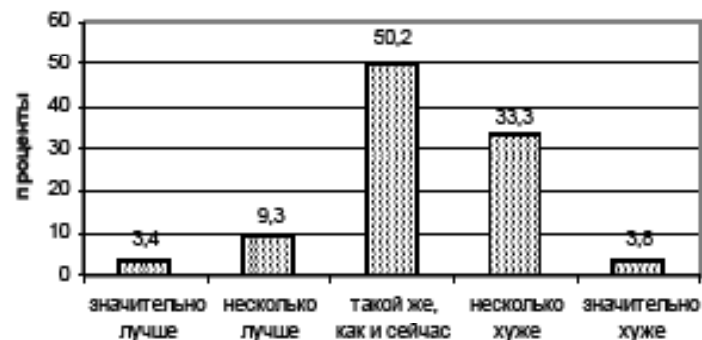
Распределение ответов на вопрос: «Как вы считаете, через год вы (ваша семья) будете жить лучше или хуже, чем сейчас?»

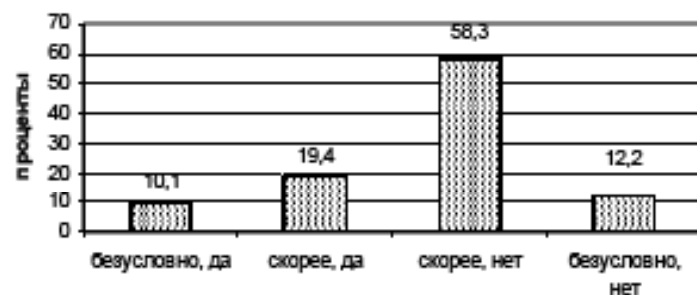
Распределение ответов на вопрос: «Как вы думаете, что ожидает Россию в ближайшие месяцы в политической жизни?»

Распределение ответов на вопрос: «Как вы думаете, что ожидает Россию в ближайшие месяцы в области экономики?»

Распределение ответов на вопрос: «Если говорить в целом о стране, как вы считаете, через год жизнь в России будет лучше или хуже, чем сейчас?»

Распределение ответов на вопрос: «Как вы считаете, сможет ли нынешнее правительство России в течение ближайшего года улучшить положение в стране?»

Рис. 4. Фактические данные для расчета частного индекса ожиданий (ИО)

Такое соотношение чувств и ожиданий от будущего показывает, что в целом одинокие женщины более склонны к негативной оценке своего социального положения и в значительной мере не возлагают особых надежд на ближайшую перспективу. По мнению практически всех женщин, ожидания вошли в негативную зону, что и определяет достаточно низкое значение рассматриваемой составляющей интегрального индекса социального настроения – 71,3.

Очевидно, что для перемены настроения женщин требуются более серьезные действия властей всех уровней по решению социальных и экономических проблем. Также необходимо, чтобы результат предпринимаемых действий носил заметный характер и был ощутим для основной массы населения.

Рассмотрим последнюю составляющую индекса социальных настроений – отношение к власти. Обычно отношение народа к институтам власти, политическим лидерам определяется в результате изучения реакций общественного мнения на конкретные события, явления и процессы повседневной действительности. И в целом это оправдано, поскольку именно анализ условий текущей жизнедеятельности людей позволяет понять качественные особенности различных состояний массового сознания.

Вместе с тем, важнейшим индикатором определения степени общественной удовлетворенности жизнью, того, как и в каком направлении идет развитие страны, а следовательно, интегративным индикатором отношения общества к власти является оценка широкими слоями населения исторически значимого прожитого периода, тех сопутствующих ему достижений и потерь, которые существенным образом сказались на уровне и образе жизни народа. Оценка этого аспекта деятельности институтов власти женщинами в определенной мере отразилась в индексе личного положения (первой составляющей ИСН), он оказался равным 61,8.

Два вопроса, ответы на которые дают фактические основания для расчета частного индекса оценок деятельности госу-

дарственной власти, дали следующее распределение ответов:

1) одобряете ли вы деятельность нынешнего президента России? (одобряю – 39,6 %, не одобряю – 60,4 %) – индекс 79,2;

2) одобряете ли вы деятельность нынешнего правительства в России (одобряю – 31,2 %, не одобряю – 68,8 %) – индекс 62,4.

Общий индекс оценок деятельности государственной власти – 70,8.

В определенной мере полученное значение индекса, по мнению женщин, сформировано на явно выраженной социальной политике властей, основанной на «подкупе» населения. Имеющиеся гигантские финансовые ресурсы страны позволяют правительству проводить популярные меры по повышению пенсий и заработной платы в бюджетной сфере, по реализации национальных проектов с ярко выраженной социальной составляющей (доступное жилье, здравоохранение, образование, сельское хозяйство), дотирование жилищно-коммунальных платежей и т.п. Все это должно привести к росту уровня жизни и порождает иллюзию, что такая благоприятная ситуация является нормой и может продолжаться сколь угодно долго. Таким образом, наличие в стране нефтедолларов сопрягается с действиями правительства по «подкармливанию» населения.

Другой аспект проблемы отношения к власти основывается на известной и понимаемой политике экстерналий, когда социальные «вливания» совпадают с такими политическими событиями, как, например, выборы в Государственную думу или нового президента страны. Данные события всегда действуют в сторону завышения ожиданий населения от власти. Новые обещания и новые надежды приводят к усилению оптимистических настроений. Особенно сильными такие настроения становятся, когда среди претендентов на пост президента есть фигуры с имиджем проводников социально-ориентированной политики. От таких людей, как правило, ждут новых «подачек» в виде денежных вливаний в социальную

сферу. Некоторые из таких ожиданий небезосновательны, однако в период президентской гонки практически все ожидания тяготеют к излишнему оптимизму. Это очень хорошо понимают женщины.

Показатель интегрального индекса социального настроения женщин оказался равным 72,5. Подобные значения индекса социального настроения отвечают социально проблемным группам населения. Для сравнения приведем значение ИСН, репрезентативное для всего населения страны, в январе 2010 г. оно равнялось 87, апреле – 112, августе – 113 [7].

Таким образом, эмпирическое исследование социального настроения одиноких женщин посттрудового периода жизни показало, что социальное настроение женщин достаточно адекватно отражает их жизненные ориентации в современных социокультурных условиях. В ходе исследования подтверждена частная гипотеза о том, что детерминантами социального самочувствия

в переходном обществе выступают социальная и экономическая практика, уровень доходов женщин, степень востребованности их жизненного потенциала, реальные политические и культурные процессы в обществе.

Подавление базовых потребностей большинства женщин и особенно женщин посттрудового периода, нарастание их абсолютной и относительной бедности сформировали такие компоненты социального настроения, как психологический дискомфорт, разочарование, неуверенность в завтрашнем дне, ощущение беспомощности перед нарастающим валом трудностей. Придерживаясь общепринятой типологии социального настроения (оптимистическое, пессимистическое, упадническое), можно сделать вывод, что в целом социальное настроение одиноких женщин посттрудового периода следует определять как упадническое.

Литература

1. Тощенко Ж.Т. Социальное настроение – феномен современной социологической теории и практики // СОЦИС. – 1998. – № 1. – С. 21-34.
 2. Парыгин Б.Д. Анализ феномена и природы социального настроения // СОЦИС. – 1998. – № 5. – С. 134-138.
 3. Красильникова М.Д. Изучение социальных настроений и потребительского поведения населения России // Проблемы прогнозирования. – 2003. – № 2. – С. 123-134.
 4. Романова И.В. Адаптация одиноких женщин к посттрудоному периоду жизни. – Чита: ЧитГУ, 2004. – 189 с.
 5. Хасбулатова О.А., Егорова Л.С., Досина Н.В. Социальное настроение и ценностные ориентации женщин и мужчин России (по материалам мониторинга 1991-2000 гг.).
 6. Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров). Аналитический доклад. Ин-т социологии РАН, Пред-во Фонда им. Ф. Эберта в РФ. 2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL://www.isras.ru.
 7. Красильникова М.Д. Показатели индекса социальных настроений. Аналитический Центр Юрия Левады. Опрос от 20-23 августа 2010 г. 1600 россиян в возрасте 18 лет и старше в 130 населенных пунктах 45 регионов страны 2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL://www.levada.ru.
-

Коротко об авторе _____ ***Briefly about the author***

Романова И.В., канд. социол. наук, доцент, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
rik-romanova-chita@mail.ru

I. Romanova, Candidate of Social Sciences, assistant professor, Zabaikalsky State University

Научные интересы: социальная геронтология

Scientific interests: social gerontology

Работа диссертационных советов

Работу по рассмотрению и проведению защит диссертационных работ соискателей ученых степеней проводили три диссертационных совета Читинского государственного университета.

Диссертационный совет Д 212.299.01 по специальностям: 25.00.11 – геология, поиски и разведка твердых полезных ископаемых, минерагения (геолого-минералогические науки); 25.00.13 – обогащение полезных ископаемых (технические науки); 25.00.22 – геотехнология (подземная, открытая и строительная) (технические науки).

Диссертационный совет Д 212.299.03 по специальностям: 22.00.08 – социология управления (социологические науки); 23.00.02 – политические институты, процессы и технологии (политические науки).

Диссертационный совет Д 212.299.04 по специальностям: 09.00.13 – философская антропология, философия культуры (философские науки); 09.00.14 – философия религии и религиоведение (философские науки).

За рассматриваемый период в диссертационных советах было успешно защищено 12 диссертаций – 2 докторских и 10 кандидатских.

Докторские диссертации

1. Диссертация *Шумиловой Лидии Владимировны* «Комбинированные методы кюветного и кучного выщелачивания упорного золотосодержащего сырья на основе направленных фотоэлектрохимических воздействий» на соискание ученой степени доктора технических наук (25.00.13).

Работа выполнена в ГОУ ВПО «Читинский государственный университет». Научный консультант – доктор технических наук, профессор Ю.Н. Резник.

Цель диссертационной работы – научное обоснование и разработка комбинированных методов переработки упорного золотосодержащего сырья на основе направленных фотоэлектрохимических воздействий с применением сильных окислителей в сочетании с процессами кюветного и кучного выщелачивания.

Получены уравнения зависимости степени окисления сульфидных минералов и сульфидной серы от значений параметров физико-химических воздействий, выведена эмпирическая формула зависимости извлечения золота от геолого-минералогических и технологических параметров. Экспериментально установлен эффект интенсификации процесса извлечения металла из упорных минералов за счет применения двухстадийного окисления с дифференцированными способами подготовки отдельных типов руд к выщелачиванию с учетом

особенностей вещественного состава и форм нахождения золота.

Практическая значимость и приоритет технологических решений подтверждены шестью патентами Российской Федерации. Результаты исследований внедрены на объектах золотодобычи ООО «Русдрагмет» (ООО НПО «Экопромтехнология») и ООО «Артель старателей «Бальджа»; рекомендованы к использованию при разработке технологических регламентов ООО «ЗабНИИ-технология» на переработку золотосодержащих руд Кондюякского месторождения и Петровской техногенной россыши, а также ОАО «Ново-Широкинский рудник» и ООО «Тасеевское» на переработку техногенных отходов (лежалых хвостов) обогащения руд Балейского и Тасеевского месторождений.

2. Диссертация *Бернюкевич Татьяны Владимировны* «Буддийские идеи в культуре России конца XIX – первой половины XX века» на соискание ученой степени доктора философских наук (09.00.13, 09.00.14).

Диссертация выполнена в ГОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет». Научный консультант – доктор философских наук, профессор Колесников Анатолий Сергеевич.

Цель работы: философско-культурологический и религиоведческий анализ роли буддизма в культуре России конца XIX – первой половины XX в.

Автором определены теоретико-методологические основания анализа роли буддийских идей в российской культуре конца XIX – первой половины XX века. Выявлены особенности рецепции буддийских идей в работах русских религиозных философов (В.С. Соловьева, С.Н. Булгакова, В.А. Кожевникова, С.Л. Франка, Н.О. Лосского, Н.А. Бердяева), представителей евразийства (Н.С. Трубецкого, Э. Хара-Давана). Проанализирована роль буддийской философии в творчестве русских неокантианцев, позитивистов и космистов (И.И. Лапшина, В.В. Лесевича, К.Э. Циолковского, В.И. Вернадского) в рамках их философских концепций. Определено место буддизма в развитии теософии, учения Агни-Йоги и необуддизма (в работах Е.П. Блаватской, Н.К. Рериха, Е.И. Рерих, Б.Д. Дандарона), концепций универсальности буддийского учения, новых источников знания.

Результаты исследования будут иметь практическое значение для современной социокультурной практики, включающей в себя и решения проблем межкультурного взаимодействия. Материалы исследования могут использоваться в преподавании философских, религиоведческих и культурологических дисциплин и написании соответствующих учебно-методических пособий.

Кандидатские диссертации

3. Диссертация *Гаврилова Александра Александровича* «Обоснование эффективной технологии подземного выщелачивания урановых руд из маломощных крутопадающих жил (на примере Стрельцовской группы месторождений)» на соискание ученой степени кандидата технических наук (25.00.22).

Диссертация выполнена в ГОУ ВПО «Читинский государственный университет». Научный руководитель – доктор технических наук, профессор В. М. Лизункин.

Диссертантом обоснована эффективная технология ПВ урана из маломощных крутопадающих жил при различной изменчивости элементов залегания рудных тел. Получена зависимость извлечения урана способом ПВ от содержания металла, типа вмещающих пород, средневзвешенного размера куска замагазинированной руды и технологических параметров физико-химического процесса. Установлены закономерности извлечения урана и изменения концентрации серной кислоты в зависимости от глубины выщелачиваемого слоя и типа руды. Разработана методика технико-экономической оценки технологии ПВ урана, определена область применения данной технологии в зависимости от цены реализации полученной продукции и содержания металла в руде, коэффициента сложности и мощности рудного тела.

Результаты исследований приняты ОАО «Приаргунское производственное горно-химическое объединение» для технико-экономической оценки возможности применения ПВ урановых руд из маломощных крутопадающих жил месторождений Стрельцовской группы и используются в учебном процессе Читинского государственного университета при подготовке горных инженеров по специальности 130404 «Подземная разработка месторождений полезных ископаемых» специализации «Геотехнологические способы разработки месторождений».

4. Диссертация *Матхеева Лазаря Александровича* «Эволюция политических партий в регионах России в постсоветский период (на материалах Республики Бурятия)» на соискание ученой степени кандидата политических наук (23.00.02).

Работа выполнена в ГОУ ВПО «Бурятский государственный университет». Научный руководитель – доктор социологических наук, профессор Ц. Ц. Чойропов.

Автором дана оценка процессу эволюции современных политических партий в субъектах России с учётом региональной специфики институциональных условий их функционирования; охарактеризованы особенности институционального дизайна Республики Бурятия и его влияние на развитие и функционирование политических партий в регионе; выделены качественные и количественные аспекты эволюции политических партий в Республике

Бурятия на современном этапе в контексте институциональных реформ; определены закономерности и особенности эволюции политических партий в Республике Бурятия в периоды 1991-1999 гг. и 2000-2008 гг.; обозначены состояние политических партий в Республике Бурятия (после 2007 г.) и перспективы их развития с учётом существующих тенденций партийного строительства.

Материалы исследования могут быть применены для чтения лекций и проведения практических занятий по курсам политологии, политической регионалистики.

5. Диссертация *Пельменевой Светланы Павловны* «Управление культурой матримониального поведения студенческой молодежи: гендерный аспект» на соискание ученой степени кандидата социологических наук (22.00.08).

Диссертация выполнена в ГОУ ВПО «Читинский государственный университет». Научный руководитель – доктор социологических наук, доцент Н.П. Романова.

Диссертантом определено, что основные агенты социализации – государство, институты образования, семьи, СМИ являются ведущими субъектами управления культурой матримониального поведения; выявлено, что их управленческое воздействие реализуется через создание и поддержку национальной идеологии; разработку гражданского и семейного законодательства; выработку и реализацию мер социальной и культурной политики, воспитание и образование, предоставление информации и контроль над информационными потоками. На основе исследования культуры матримониального поведения студенческой молодежи Забайкальского края предложена авторская типология преобладающих среди этой социальной группы моделей матримониального поведения: промискуитетная, доминирования, равных прав. Разработана типология стилей матримониального поведения в соответствии с моделями матримониального поведения и полом индивида.

Результаты диссертационного исследования могут быть использованы для корректировки социальной молодежной политики, разработки технологий для решения проблем молодежи Забайкальского края, основанных на принципе социального партнерства, а также при подготовке лекций по направлениям: «Социология семьи», «Социология молодежи», «Социология культуры», «Социальное управление», «Гендерная социология».

6. Диссертация *Гавриловой Елены Александровны* «Трансформация системы традиционных ценностей семейских Забайкальского края в условиях современности» на соискание ученой степени кандидата философских наук (09.00.13).

Диссертация выполнена в ГОУ ВПО «Читинский государственный университет». Научный руководитель – доктор философских наук, профессор М.Н. Фомина.

В диссертационной работе реализована одна из первых попыток исследования трансформации системы традиционных ценностей семейских Забайкальского края в условиях современности. Разработан методологический подход к анализу старообрядцев и семейских Забайкалья, в результате чего предложены определения данных феноменов для корректного употребления в современности; представлен анализ систем конфессиональных ценностей старообрядчества и традиционных ценностей семейских Забайкалья, посредством которого эксплицированы различия их структуры и факторов существования.

Полученные результаты и рекомендации могут быть использованы в региональной концепции национальной политики в Забайкальском крае и Сибири в целом. Материалы и выводы исследования могут быть использованы при разработке спецкурсов по истории и культуре Забайкалья, в преподавании ряда тем философской антропологии, социальной философии, религиоведения, этнологии, культурологии и других гуманитарных дисциплин.

7. Диссертация *Мишиной Татьяны Валерьевны* «Когнитивизм как комплексный подход к исследованию культуры» на соискание ученой степени кандидата философских наук (09.00.13).

Диссертация выполнена в ГОУ ВПО «Читинский государственный университет». Научный руководитель – доктор философских наук, профессор М.Н. Фомина.

Автором посредством анализа социогуманитарных подходов и методов исследования культуры выявлена необходимость универсализации методологии; при сопоставлении различных трактовок понятия «культура» определена возможность ее рассмотрения с позиций носителя, через категорию «понимания»; раскрыта специфика основных понятийных составляющих когнитивного подхода при исследовании культуры; выявлено значение менталитета при формировании культурной картины мира, определено отношение между концептуальной и языковой картинами; раскрыта роль концепта как базового элемента культуры, включающего в себя как индивидуальное, так и культурно обусловленное знание.

Теоретическая значимость работы заключается в приращении когнитивного знания в философии и антропологии культуры, что позволит расширить область их исследования. Полученные теоретические положения, выводы и обобщения создают предпосылки для их использования в учебных курсах по философии культуры, философской антропологии, этнологии, лингвокультурологии, лингвистической антропологии, социальной антропологии, психологической антропологии и этнопсихологии.

8. Диссертация *Котельниковой Татьяны Владимировны* «Социокультурные ценности территориальных общин в функционировании современного китайского общества» на соискание ученой

степени кандидата философских наук (09.00.13).

Диссертация выполнена в ГОУ ВПО «Читинский государственный университет». Научный руководитель – доктор философских наук, профессор Н.А. Абрамова.

В диссертационной работе осуществлен анализ роли социокультурных ценностей территориальных общин как фактора консолидации китайского общества. Определена методология исследования территориальных общин. Охарактеризованы экономические, социальные, политические факторы формирования территориальных общин, определены культурно детерминированные направления деятельности современных общин, предложена стратификация ценностей на государственном, региональном и локальном уровнях. Выявлены инновационные ценностные компоненты в формировании территориальных общин, введены в научный оборот переведенные автором на русский язык аутентичные китайские источники.

Результаты исследования способствуют углублению знаний об организации и механизмах функционирования современного китайского общества, вносят вклад в развитие методологии анализа его социокультурных ценностей. Материалы исследования могут найти применение при подготовке учебных пособий, разработке спецкурсов, в преподавании ряда тем в дисциплинах: философия, философская антропология, регионоведение, этнология, культура, культурология.

9. Диссертация *Дашицыреновой Эржэн Петровны* «Религиозно-философские взгляды Сайтё» на соискание ученой степени кандидата философских наук (09.00.14).

Работа выполнена в Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Научный руководитель – доктор философских наук, профессор С.Ю. Лепехов.

Установлено, что социально-политическая обстановка в Японии и религиозно-философская направленность нарсских школ создала благоприятную почву для деятельности Сайтё и способствовала проникновению и развитию новых школ (эзотерическая школа Сингон и махаянская школа Тэндай). Выявлены инновации в интерпретации Сайтё религиозно-философского учения китайской школы Тяньтай, послужившего основой для японской школы Тэндай, выявлены особенности инклюдитивизма школы Тэндай. Установлено, что в сотериологии школы Тэндай нашли яркое выражение социально-философские аспекты учения Сайтё.

Теоретические положения работы могут быть использованы для дальнейшего исследования истории и философии средневекового буддизма Японии, применены в разработке спецкурсов, в преподавании истории и философии японского буддизма, религиоведения.

10. Диссертация *Коротецкой Ларисы Михайловны* «Буддизм Ваджраяны: философские ос-

новы, религиозные практики и распространение в России и Европе с конца 80-х гг. XX в. (на примере «Алмазного пути» школы Карма Кагью)» на соискание ученой степени кандидата философских наук (09.00.14).

Работа выполнена в Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Научный руководитель — доктор философских наук, профессор С.Ю. Лепехов.

На основе религиозоведческого анализа определены доктринальные особенности Ваджраяны, распространяемые современными буддийскими ламами-наставниками на Западе, и специфика линии Карма Кагью. Выявлен комплекс социокультурных оснований распространения буддизма Ваджраяны в форме «Алмазного пути» школы Карма Кагью в России и в Европе с 80-х гг. XX в. Дан религиозоведческий анализ процесса институционализации общин «Алмазного пути», основных форм и принципов их деятельности.

Основные результаты работы могут стать основой для последующих исследований аксиологических аспектов обращения к буддизму, личностного смысла и субъективных результатов выполнения буддийских религиозных практик. Могут быть использованы при формировании религиозной и культурной политики, прогнозировании межэтнических и межконфессиональных взаимодействий, в деятельности по развитию культурной и религиозной толерантности, при подготовке курсов по религиоведению, истории и философии буддизма, культурологии.

11. Диссертация *Жамбаевой Ульяны Баировны* «Сотериологические и философские аспекты учения о бодхичитте в тибетском буддизме» на соискание ученой степени кандидата философских наук (09.00.14).

Работа выполнена в Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Научный руководитель — доктор философских наук, профессор Л.Е. Янгутов.

Соискателем выявлено сотериологическое и философское содержание учения о бодхичитте; установлено, что понятие бодхичитта тесно привязано к категориям Абхидхармы — читте и виджняне, а также к категориям Праджняпарамиты — праджне и шунье; показано единство Абхидхармических и Праджняпарамитических принципов в понимании бодхичитты. Исследована концепция относительной и абсолютной бодхичитты; выявлены ее теоретические истоки. Проанализировано этическое содержание учения о бодхичитте. Определено, что философское содержание учения о бодхичитте выражено в представлениях о пустоте и праджне и характеризует абсолютную бодхичитту. Переведен, проанализирован и введен в научный оборот текст Гьялэс Тогме Сангпо под названием «Комментарии к словам из устной передачи по практике преобразования мыш-

ления, состоящей из семи пунктов».

Результаты диссертационного исследования могут быть использованы для исследования философии тибетского буддизма, при составлении обобщающих трудов по истории и философии буддизма, в разработке курсов лекций по специальностям «Религиоведение», «Всеобщая история», «Культурология». Выполненные переводы вносят вклад в разработку методологии и методики перевода тибетских текстов.

12. Диссертация *Кондаковой Натальи Сергеевны* «Протестантизм на конфессиональном поле Забайкальского края» на соискание ученой степени кандидата философских наук (09.00.14).

Диссертация выполнена в ГОУ ВПО «Читинский государственный университет». Научный руководитель — кандидат философских наук, доцент А.В. Жуков.

Научная новизна диссертационной работы заключается в комплексном исследовании протестантизма на конфессиональном пространстве Забайкальского края, в результате которого установлено, что содержание протестантизма раскрывается через анализ исторических причин его возникновения (недовольство католической церковью, личное прочтение Библии), особенностей исторической трансформации этого религиозного направления (дробление и возникновение новых протестантских течений) и особенностей его конфессионального восприятия. Диссертантом выявлены антропологические идеи в протестантской теологии (спасение личной верой, идея призвания, ценность труда), определена их ведущая роль в генезисе и современном состоянии протестантизма; определены причины и социокультурные факторы развития протестантизма на территории России, наличие самобытных направлений, сходных с протестантскими. Показана социальная значимость протестантских объединений на конфессиональном поле Забайкальского края; выявлены особенности восприятия и оценки протестантских организаций в общественном сознании населения Забайкальского края через анализ данных анкетирования.

Теоретическая значимость работы заключается в осмыслении истории и современного состояния протестантизма, особенностей его региональных форм (на примере Забайкальского края), в анализе и интерпретации новых эмпирических данных по изучаемой проблеме. Основные выводы могут служить для дальнейших научных исследований, подготовки рекомендаций по взаимодействию государства и протестантов с точки зрения сохранения межконфессионального мира, для разработки учебных курсов по специальностям «Религиоведение», «Социальная антропология», «История», «Культурология», а также по дисциплинам «История религии», «Основы религиоведения», «Религии Забайкалья».

Н.П. Котова, гл. ученый секретарь

Содержание

Экономические науки

- Буров В.Ю., Кислощаев П.А.
Теоретические основы исследования категории «экономическая безопасность»
V. Burov, P. Kisloshchaev
Theoretical Problems of Research of a Category «Economic Safety»..... 3

Философские науки

- Цзоу Хун
Влияние конфуцианской идеи ритуала «Ли» на идеологию и культуру народов Кореи и Японии
Zou Hong
The Confucian Ideology of the «Li» Ritual on the Korean and Japanese Cultures..... 8

Филологические науки

- Апалько И.Ю.
Гнёзда русских и английских защитоинформационных терминов
как гетерогенные разночастеречные структуры
I. Apalko
Nests of Russian and English Protection Information Terms as Geterogeneous
Structure of Different Parts of Speech..... 14

- Болсуновская Л.М., Баранова А.В.
Частотность, типы и функции интертекстуальных связей в научных текстах
(на материале статей из журнала «Советская геология»)
L. Bolsunovskaya, A. Baranova
Amount, Types and Functions of Intertextual Facts in Scientific Texts
(Revealed by the Analyses of the Articles From Journal «Soviet Geology»)..... 21

- Ван Кэвэнь
Изучение становления и развития русскоязычной прессы и писательской деятельности в Харбине
Wang Kewen
The Study Formation and Development of Russian Language Press and Writing in Harbin 27

Юридические науки

- Бянкина А.М.
Сравнительно-правовой анализ оснований освобождения перевозчика от ответственности
по договору перевозки груза в соответствии с российским, китайским и монгольским законодательством
A. Byankina
The Rather-Legal Analysis of the Bases of Clearing Carrier From Responsibility Under the Contract
of a Cargo's Transportation According to the Russian, Chinese and Mongolian Legislation 34

- Дондоков Т.Ц.
Обращение прокурора с заявлением по делу о защите прав и свобод граждан
T. Dondokov
Prosecutor's Appeal Statement on the Case of Protecting Rights and Freedoms 38

- Никишкин А.В.
О некоторых полномочиях подразделений госавтоинспекций управлений (отделов) внутренних
дел по районам, городам и иным муниципальным образованиям
A. Nikishkin
On Some Authority Traffic Olicy Departments of Inner Areas, Cities and Other Municipalities..... 46

Педагогические науки

- Албитова Е.П.
Мобильная профидентичность: факторы становления
E. Albitova
Factors of Mobile Professional Identity Formation..... 51

- Хыбыртов Р.Б., Ушенин А.И.
Значение рукопашного боя в повышении профессионального мастерства сотрудников ОВД
-
-

R. Huburtov, A. Ushenin The Value of Hand-To-Hand For the Improvement of Professional Skills of Law-Enforcement Officers.....	57
--	----

Психологические науки

Харькова Т.П. Связь дифференцированности Образа Я и стратегий поведения личности в трудных жизненных ситуациях T. Kharkova The Differentiated Ties of Self-Image and Individual Behavior Strategies in Difficult Situations	64
--	----

Политология

Арсентьева И.И. Организация сотрудничества Забайкальского края с приграничными территориями КНР (статья первая) I. Arsenyeva Recommendations for Organization of Cooperation of Zabaykalsky Krai With PRC'S Border Territories (Article One)	70
---	----

Коваль Т.А. Исполнительная власть: анализ понятия, сущность T. Koval Executive Power: the Concept Analysis, Essence	77
--	----

Никонова Н.А. Специфика демократического транзита в Уругвае N. Nikonova Specificity of Transition to Democracy in Uruguay	82
--	----

Культурология

Дашидоржиева Б.В. Лакуна как объект культурологического знания B. Dashidorzhieva Lacuna as a Subject of Cultural Studies	86
---	----

Павленко Ю.В. Объемная геолого-геофизическая модель Юго-Восточного Забайкалья: закономерности размещения эндогенного оруденения (Часть II) Yu. Pavlenko The Volume of Geological and Geophysical Model for South Eastern Zabaikalie: Patterns of Endogenous Mineralization Distribution (Part II)	96
--	----

Пирогов Г.Г., Пакулов В.В. Исследование на одноосное сжатие твердеющих закладочных смесей на основе хвостов обогащения G. Pirogov, V. Pakulov The Research on Uniaxial Compression of Solidpacking Mixes on the Basis of Tails' Enrichment	105
---	-----

Томских А.А. Стратегия социально-экономического развития Байкальской территории в региональной хозяйственной системе стран Внутренней Азии A. Tomskich Strategy of Baikal Territory's Social-Economic Development in the Regional Economic System of the Inner Asia Countries	111
--	-----

Юргенсон Г.А. Солодухина М.А. Мышьяк в зоне гипергенеза Шерловгорского горнопромышленного района G. Yurgenson, M. Solodukhina Arsenic in the Hypergenesis Zone of Sherlovogorsky Mining District	117
---	-----

Социология

Романова И.В. Социальное настроение одиноких женщин посттрудового периода жизни (социологическое исследование на территории Забайкалья) I. Romanova Lonely Women of the Postlabour Period of Life (Sociological Research on the Territory of Transbaikalia)	124
--	-----

ВЕСТНИК

ЧИТИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 10 (77)

2011

Научный редактор д-р социол. наук Н.П. Романова

Литерат. редактор А.А. Шалавина

Технический редактор М.А. Витовская

Подписано в печать 25.10.2011

Сдано в производство 27.10.2011

Форм. бум. 60 x 84 1/8

Печать офсетная

Уч.-изд. л. 12,6

Тираж 500 экз.

Бум. тип. № 2

Гарнитура Bodoni

Усл. печ. л. 12,4

Заказ № 151

ЧИТИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

РИК ЧитГУ

672039, Чита, ул. Александро-Заводская, 30

Раб. тел.: 41-67-18; E-mail: rik-romanova-chita@mail.ru
